

Основана в 1830 г.

ТОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
имени А. С. Пушкина

Всеволод Алексеевич ДОЛГОРУКОВ

Историко-краеведческий архив

Выпуск 4

Томск – 2013

Областное государственное автономное учреждение культуры
Томская областная универсальная научная библиотека
имени Александра Сергеевича Пушкина

Всеволод Алексеевич
Долгоруков
сборник материалов

Томск – 2013

УДК 82.09 + 821.161.1
ББК 83.3(2P)5–8 + 84(2P)5
Д64

Всеволод Алексеевич Долгоруков: сборник материалов / сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова; ТОУНБ им. А.С. Пушкина. – Томск, 2013. – 240 с. – (Историко-краеведческий архив; вып. 4).

Для исследователей в области истории сибирской литературы, книгоиздания и краеведения, студентов и всех любителей Сибири.

Составители:

В.М. Костин, А.В. Яковенко

Редактор:

С.С. Быкова

На обложке: портрет В.А. Долгорукова (предоставлен Отделом книжных памятников и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета)

© ОГАУК ТОУНБ им. А.С. Пушкина (2013)

От составителей

Наше очередное издание из серии «Историко-краеведческий архив» посвящено жизни и творчеству еще одного томского знакольца А.П. Чехова – Всеволода Алексеевича Долгорукова (1850–1912).

Его биография – почти экзотическая; падение (аферист, мошенник в молодые годы, «червонный валет») предшествовало в ней взлету (раскаяние, нравственное очищение, долгий, упорный труд на нивах журналистики и благотворительности). Даже если бы Долгоруков не оставил творческого наследия (а оно весьма обширное), его судьба наверняка привлекла бы к себе пристальное внимание всех тех гуманистов, для которых «человек есть тайна» и которые посвящают этой тайне всю свою сознательную жизнь. Ф.М. Достоевский прямо вспоминал о нашем герое, создавая свой роман «Подросток». Он умер в 1880 г., когда лишенный титула и прав бывший князь Долгоруков только начинал в Мариинске новую жизнь – ссыльным и «мещанином» (как начинал новую жизнь острожник Родион Раскольников в эпилоге «Преступления и наказания»). Какой материал предоставила бы Достоевскому сибирская страда Долгорукова! Как поразился бы Федор Михайлович за Человека!

Долгоруков был тружеником, прежде всего. Талант у него был небольшой, и проявлялся он в бешеной текучке жизни Всеволода Алексеевича далеко не всегда (и меньше всего в поэтической деятельности, рубежной графомании). Зато он был универсал, мастер на все руки, «и жнец, и швец, и на дуде игрец». И на всем, что он ни делал, лежит печать эпохи, и сам он, с его, как ни странно, народнической душой, ее типичный объект и субъект.

И этим его наследие – разнообразнейшее – не менее, по-своему, любопытно и поучительно, чем его судьба. А уж

в историю города Томска им вписаны весомые, необходимые страницы.

В работе над книгой были использованы фонды и электронные библиотеки ТОУНБ им. А.С. Пушкина, НБ ТГУ, электронные библиотеки Российской государственной и Российской национальной библиотек.

Составители сборника искренне благодарят за сотрудничество известного исследователя дореволюционной периодики Томска Н.В. Жилиякову, сотрудников Отдела книжных памятников и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета и Государственного архива Томской области.

А.П. Чехов и В.А. Долгоруков (подборка материалов)

О первом издании стихов [В.А. Долгорукова 1890 г.] почти не было отзывов в печати; но известный писатель Антон Павлович **Чехов**, проезжая Томск в пути на остров Сахалин, получив от автора книгу, прислал ему с дороги письмо, в котором, между прочим, говорит: «Еду, путь ужасный. Да, непростительно безобразна Ваша дорога, и как Вы грешите, что не ругаете её вдоль и поперек. Иркутск – хороший город. Почитываю Ваши стихи. У Вас хорошая душа и стихом владеете, но язык недостаточно прост; надо воли себе давать больше. Надеюсь с Вами увидеться в России» и т. д.

Издательница [М.П. Долгорукова]

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 4 (1-я пагинация).

[Воспоминания об А.П. Чехове]

[... Родине Чехов оставил богатое духовное наследие, и она навсегда сохранит о нем благодарную память.]

К этим прекрасным строкам, которыми г. Ляцкий закончил свой некролог, мы добавим от себя несколько слов, заключающих небольшое воспоминание о почившем Антоне Павловиче. В 1890 г., отправляясь на Сахалин, он остановился по дороге в Томске (железного пути тогда еще не было), где и пробыл несколько дней. Кружок пишущей братии в Томске в то время был очень тесен: издавалась одна газета – «Сибирский вест-

ник», редактором-издателем которой был, ныне тоже покойный, В.П. Картамышев. В кругу-то его и нескольких сотрудников «С.В.», в числе которых был и я, пишущий эти строки, А.П. и проводил почти всё время. Раза два–три мы вместе обедали: вели дружеские беседы; хлопотали о покупке А.П. дорожного экипажа для дальнейшего пути, и т. д. Мягкая симпатичная личность А.П. сразу привлекла к нему, и он скоро завоевал симпатию каждого из нас. Шутя, он говорил: «еду делать двугривенные». Он отправлялся на Сахалин в качестве корреспондента «Нового времени» и говоря, что будет делать двугривенные, объяснял затем, что ему А.С. Суворин (издатель «Нового времени») будет платить по 20 к. за печатную строку.

С дороги А.П. прислал мне очень милое письмо, которое хранится у меня в бумагах, и как только я разберусь в них – я его напечатаю.

А.П. тогда выглядел вполне здоровым человеком, полным сил и энергии.

Вс. Долгоруков

Источник: Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7/8. – С. 216–217.

Материал был опубликован в статье: Долгоруков, Вс. А.П. Чехов / Вс. Долгоруков // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7/8. – С. 210–217.

Памяти А.П. Чехова

Перед безвременной могилой
Стою подавлен... Меркнет свет...
Еще с одной простились силой:
Был человек – и больше нет!

Да, человек. Людей же много
Бездарных, глупых и пустых.
Растет, как ночь, в душе тревога,
И замолкает слабый стих.

****

Уходят славные со сцены, –
Пигмеев время настает.
Угасшим силам – нет замены,
Орла не виден уж полет.

И призрак гасит дерзновенно
На алтарях огонь священный.

Всеволод Сибирский

Источник: Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7/8. –
С. 91.

Жилякова Н.В.
доктор филологических наук,
доцент факультета журналистики
Томского государственного университета

Издательская деятельность В.А. Долгорукова

В дореволюционном Томске первое место среди издателей книжной продукции и периодической печати занимал, безусловно, П.И. Макушин – владелец первого в Сибири книжного магазина, типографии, просветитель и меценат, общественный деятель. На фоне его разнообразной бурной деятельности «меркнут» остальные фигуры, которые также трудились на ниве книгоиздания, содержали типографии, выступали в качестве издателей периодики в Томске. Количество их значительно увеличилось после революции 1905–1907 годов: собственные типографии были у В.М. Перельмана, К.Я. Зеленевского, А.И. Дворецкой; издательской деятельностью занимались А.В. Адрианов, В.П. Картамышев со своей супругой М.Ф. Картамышевой, и многие другие. Значительный вклад в развитие томского издательского дела внес и В.А. Долгоруков (05.12.1850, Петербург – 27.07.1912, Томск) – фигура противоречивая, вызывавшая неоднозначное отношение к себе современников и практически забытая последующими поколениями.

Всеволод Алексеевич Долгоруков был членом разветвленного и многочисленного княжеского рода Долгоруковых, являющегося одним из самых древних и известных в дореволюционной России. В.А. Долгоруков кончил курс в Морском кадетском корпусе¹, получил юридическое образование, но затем был вовлечен в уголовные авантюры: в 1870 году он был осужден в

---

¹ ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 171об.–172.

Петербурге по делу за укрывательство мошенничества на сумму менее 300 рублей и лишен «особенных прав» – княжеского звания; в 1877 году уже в качестве Ефремовского мещанина Долгоруков вновь предстал перед Московским окружным судом в связи с громким расследованием «Дела о Клубе червонных валетов» (8 февраля – 5 марта 1877 г.). Группа из 48 человек обвинялась в «составлении преступного сообщества в целях похищения чужого имущества различными способами: посредством выманивания, подложного составления документов, введения в обман и проч., в принадлежности к этому сообществу, в мошенничестве, подлогах, присвоении и растрате чужого имущества, кражах, в грабеже, умышленном убийстве, в соучастии в этих преступлениях, в оскорблении должностного лица и в кощунстве».¹

Долгоруков не был в числе руководителей этого общества; адвокат в своей защите особенно настаивал на доброте и бесхарактерности Долгорукова, из-за которых он был вовлечен в «преступную шайку». На суде были зачитаны «выдержки писем Долгорукова к писателю Немирову», в которых «Долгоруков вспоминал с грустью о времени, проведенном им вместе с Немировым в Петербурге, и жаловался на окружающее его общество и на свое настроение, лишенное светлых идеалов и стремлений», а также выдержки из письма Немирова к защитнику, в «котором г. Немиров следующими словами характеризует личность Долгорукова»: «В то время, <...> когда я познакомился с Всеволодом Алексеевичем, около 1865 года, он был юноша, почти ребенок, ребенок добрый, весьма неглупый, симпатичный, вообще, милый, хотя с первого же взгляда было заметно – ребенок балованный. Натура талантливая в нем проглядывала очевидно, но, к сожалению, он слишком разбрасы-

---

¹ Куперник, Л.А. Дело о «Клубе червонных валетов» // Закон. Интернет-журнал юристов Приморья: [Электронный ресурс]. – Код доступа: <http://law.vl.ru/analit>, свободный.

вался. Характера, выдержки в нем не было вовсе, а увлечения на каждом шагу... Вследствие этих своих качеств, вероятно, он не остановился ни на какой специальности, а мелкий литературный труд, т. е. преимущественно газетная работа в нескольких третьесортных периодических изданиях, увлек его из нашего кружка в общество людей, которые для нас не представляли ничего симпатичного и которые едва ли могли иметь доброе влияние на Долгорукова. После того времени я долго не видался с ним, до тех пор, когда года, кажется, через три получил от него вышеозначенное письмо. Я был у него по этому письму тотчас же, застал у него 6 или 7 каких-то личностей, мне совершенно до того времени не знакомых. Не понравились они мне, да и князю они, очевидно, не были симпатичны. Несмотря на окружавшую его тогда среду, я не заметил в Долгорукове особенных перемен. Это был все тот же милый, благородный, очень добрый, живой, но совершенно бесхарактерный юноша, а подчас даже просто капризный ребенок».¹

Осужденный и сосланный в Сибирь в 1879 году, обратно в столицу Долгоруков уже не вернулся, хотя в 1893 году он получил право выезда из Сибири². Он прожил в Томске всю жизнь, работал в качестве частного поверенного в Томском окружном суде, умер в этом городе в 1912 году и был похоронен на томском Воскресенском кладбище³.

До ссылки в Сибирь Долгоруков принимал участие в московской газете «Русский листок» (1875–1876), где заведовал литературным отделом. В Томске он примкнул к редакции газеты «Сибирский вестник» (1885–1905). О роли Долгорукова в этом издании существуют противоречивые свидетельства.

---

¹ Там же.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 122об.

³ Некролог В.А. Долгорукова был опубликован в газете «Утро Сибири»: см. «Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах. 1827–1939» / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2001. – С. 142.

Так, в докладной записке томича Н.Н. Айгутова, который ходатайствовал об издании в Томске газеты «Сибирская летопись» (1893 год), пояснялось, что число сотрудников сибирской периодики вообще невелико, и «в «Сибирском вестнике», например, число постоянных сотрудников, насколько мне известно, всегда ограничивалось 3–4 лицами». По словам Айгутова, Долгоруков был сотрудником «Сибирского вестника» «почти с самого основания его и с середины 1889 года [*сверху Н.Н. Айгутовым подписано: «в декабре» – Н.Ж.*] по конец 1890 года, редактировавший его по поручению г. Картамышева»¹.

Размышляя о необходимости новой газеты, председатель Томского губернского правления подробно остановился на личности Долгорукова и представил ему следующую характеристику: «Сосланный в Сибирь по делу червонных валетов, Долгоруков постоянно занимался здесь мелкой адвокатурой, а с 1887 года также сотрудничал в «Сибирском вестнике». Будучи человеком довольно способным и образованным, Долгоруков, однако, по характеру своей адвокатской деятельности не возвысился над другими здешними адвокатами из ссыльных, эксплуатирующих в свою пользу невежество своих клиентов, в газете же оказался заурядным сотрудником, статьи и заметки которого отличались тривиальным содержанием и составляли литературный балласт, причем не замечено принципиальных воззрений и стремлений, а по большей части узкое и пристрастное отношение к трактуемому предмету, очевидно, в личных видах. Хотя Долгоруков в течение нескольких лет много работал для «Сибирского вестника», но, насколько мне известно, всегда за почтовую плату, не получая определенного содержания и, вопреки уверению г. Айгутова, никогда не состоял фактическим редактором этой газеты». В целом, заключал администратор, Долгоруков «пользуется не особо лестной репутацией»².

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 120об.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 126.

Также в деле есть указание на продолжающееся сотрудничество Долгорукова с российскими органами печати: он, по свидетельству Айгустова, работал в «Русской старине», «Русском курьере», «Московском листке», «Правде», «Развлечении», «Будильнике», «Театральном мире», «Ребусе», «Луче», «Колосьях», «Артисте» и других.¹ Необходимо добавить, что в 1890 году Долгоруков издал в Томске свой первый сборник стихотворений, выходящая под псевдонимом «Всеволод Сибирский»². Кроме того, в «Кратком словаре лиц и терминов» приводятся сведения о том, что Долгоруков выступал в печати под псевдонимами «Г. Язвин» и «Гаврила Московский», он также «является автором автобиографического романа «Литературная богема», стихов, фельетонов, «Восточных сказаний» в стихах и др.»³

Из архивных дел становится ясным несколько моментов. Во-первых, к 1893 году Долгоруковым было уже «закрыто участие в «Сибирском вестнике»»⁴; проект газеты «Сибирская летопись» был, с точки зрения начальника губернского управления, инициативой в первую очередь не Н.Н. Айгустова, а собственно Долгорукова, и именно он «должен быть его фактическим редактором».⁵ Однако разрешения на издание газеты по-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 120об.

² Сибирский, Всеволод. Не от скуки. Стихотворения Всеволода Сибирского. – Томск: Тип. «Сибирского вестника», 1890. В 1912-м году вышло второе издание стихотворений В.А. Долгорукова: Сибирский, Вс. Стихотворения. – Томск: Издание М.П. Долгоруковой, 1912. Также есть сведения о произведении, созданном Долгоруковым в соавторстве с Дм. Корнатовским: «В водовороте»: драма в 5 д. Дм. Корнатовского и Всев. Сибирского. – М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1884. Кроме того, существует еще одно издание, приписываемое Долгорукову: Восточные сказания в стихах. – Томск, 1909. – Перед загл. авт.: Северянин.

³ Долгоруков Всеволод Алексеевич // Русские словари: краткий словарь лиц и терминов: [Электронный ресурс] – Код доступа: http://lexic.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=108605&Itemid=9999, свободный.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 125.

⁵ Там же.

лучено не было, и Долгорукову временно пришлось оставить идею редактирования периодического издания.

А с 1895 года В.А. Долгоруков начал заниматься собственной издательской деятельностью, выпуском ежегодника «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (1895–1899). За эту работу в 1898 году он «получил уведомление жюри Международной выставки в Бордо (Франция) о присуждении ему серебряной медали»¹. Кроме того, известны положительные отзывы о ежегоднике «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (нередко называемом «книгой»), опубликованные в «Русской мысли»², «Новом времени»³; «Русской старине»⁴ и других изданиях (С.А. Венгеров приводит целый список газет и журналов, напечатавших отзывы о «Путеводителе...», в работе «Источники словаря русских писателей»⁵).

В 1898 году «мариинский купец из ссыльных, бывший князь В.А. Долгоруков получил разрешение на издание в Томске сборника «Дорожник по Сибири и Азиатской России»»⁶. Первый номер журнала увидел свет в январе 1899 года; он печатался в паровой типолитографии П.И. Макушина. «Дорожник» выходил 6 раз в год, характерной особенностью этого журнала было то, что часть материалов публиковалась одновременно на русском и французском языках: «различные путеводительские сведения, небезынтересные для иностранцев в видах ознакомления с Сибирью и с Азиатскими владениями России» (Дорожник... 1899, № 1 (январь–февраль). С. 2). Отличное знание

---

¹ Дмитриенко, Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. – Томск, 2003. – С. 84.

² Русская мысль. – 1895. – № 10, Библиографический отдел. – С. 523–524.

³ Новое время. – 1897. – № 7710.

⁴ Русская старина. – 1897. – Т. 91, № 9. – На обложке.

⁵ Венгеров, С.А. Источники словаря русских писателей. – СПб, 1910. – Т. II. – С. 287–288.

⁶ Дмитриенко, Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. – Томск, 2003. – С. 131.

французского языка помогло Долгорукову знакомить Европу с Сибирью не только в форме французских частей в его журналах.

«Дорожник...» должен был дополнять «Путеводитель...» (ежегодник по-прежнему продолжал выходить в прежнем виде), так как последний, «в виду обширности Сибири и Азиатских владений России», «не имел возможности помещать в одной книге, не увеличивая тем ее ценности и вследствие этого делая ее менее доступной для большинства, более подробные описания городов, селений и проч., и вынужден был часто ограничиваться, так сказать, календарными сведениями». Поэтому, самокритично замечал Долгоруков, «читатель, пользующийся «Путеводителем», иногда не мог ознакомиться вполне с необходимыми для него городом или местностью, что являлось недостатком издания». Впрочем, добавлял издатель, этим «недостатком» страдают «большинство книг справочного характера» (Дорожник... 1899, № 1 (январь–февраль). С. 2).

О содержании «Дорожника» редактор-издатель писал: «Кроме справочных сведений о железнодорожных, водяных и сухопутных (смотря по времени года) путях сообщения, будут помещаться возможно подробные описания городов, селений и вообще местностей как Сибири и Азиатских владений России, так и стран, сопредельных с ними, <...> описания эти будут иллюстрироваться видами местностей, изображением замечательных памятников, портретами выдающихся личностей в жизни Сибири и, вообще, Азиатской России, и т. д.» (Дорожник... 1899, № 1 (январь–февраль). С. 2).

Дореволюционный исследователь сибирской журналистики Вс.М. Крутовский так характеризовал историю основания журнала: «Успех «Сибирского календаря» Романова подал В.А. Долгорукову мысль создать в Сибири нечто в роде толстого журнала»¹. Однако изучение фондов РГБ показало, что у Долго-

---

¹ Крутовский, Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск. – Томск, 1912. – С. 301.

рукова уже был опыт подобной работы: в 1872 году он выпустил «Путеводитель по Троицко-Сергиевой Лавре, Вифании, Гефсиманскому скиту и другим примечательным монастырям, а также селениям, близ Москвы лежащим».¹

Толстые томики «Дорожника...» заполнялись разнообразной справочной информацией, касающейся железнодорожного расписания, правил продажи билетов, а также описаниями городов и селений Сибири: Омска, Туруханска, Самарканда, Акмолинска и т. д., статьями о положении дел в Сибири: «Заметки о судопроизводстве и судоустройстве (Дорожник... 1899, № 1 (январь–февраль)), «Северный морской путь в начале XVIII века» А. Ш-ва (Дорожник... 1899, № 1 (январь–февраль)), «Театры в Томске» В. Долгорукова (Дорожник... 1899, № 2 (март–апрель)) и другими.

В начале XX века форма журнала, выходящего раз в два месяца, перестала удовлетворять потребности читающей аудитории. Долгоруков реорганизовал «Дорожник...» в ежемесячник и изменил его название на «**Сибирский наблюдатель**» (1901–1905). В нем уже были четко выделены отделы: 1) «описание путей сообщения <...>», 2) «описание городов и селений <...>», 3) «краткие путеводительные сведения на французском языке», 4) «виды замечательных местностей, городов, портреты государей и чем-либо выдающихся личностей», 5) «смесь», 6) «рассказы, анекдоты, стихотворения», 7) библиография, 8) «иностранный обзор», 9) «объявления».

Тематика и жанровая палитра «Сибирского наблюдателя» значительно расширилась по сравнению с предыдущим журналом Долгорукова. Здесь можно найти и материалы о преданиях и суевериях сибирских коренных жителей, отчеты о деятельности обществ, мемуары, очерки, стихотворения, историче-

¹ Путеводитель по Троицко-Сергиевой Лавре, Вифании, Гефсиманскому скиту и другим примечательным монастырям, а также селениям, близ Москвы лежащим / [сост. В. Долг-ой] – М: [Изд. конторы] «Путеводителя по России» (В.Г. кн. Долгорукого и В.И. Анофриева), 1872.

ские, этнографические и краеведческие статьи, театральные рецензии, библиографические материалы. В определенном смысле этот журнал может претендовать на признание его энциклопедическим сибирским изданием. Однако он пользовался интересом у весьма ограниченного читательского круга, так как был далек от политики и общественной жизни, не вступал в полемику и в целом производил впечатление издания «безликого». Современники объясняли это следующим образом: «Будь у В.А. Долгорукова более широкие взгляды на цели и значение ежемесячного журнала, быть может его попытка и не прошла бы так тускло и бесследно. Потребность в серьезном общественно-политическом и литературном ежемесячном органе несомненно существовала <...>, но тусклый «Сибирский наблюдатель», при всей его чистоте и добросовестности, будущности не имел, особенно в начале XX века».¹

Тем не менее обращает на себя внимание огромное количество рекламы, которая публиковалась в каждом номере «Сибирского наблюдателя», что говорит, во-первых, об интересе рекламодателей к журналу (или о хороших деловых связях издателя), а во-вторых, о том, что журнал приносил прибыль своему хозяину.

В 1905 году в журнале появляется ряд материалов, связанных с революционными событиями этого времени. Заметим, что «Сибирский наблюдатель» Долгорукова был единственным частным журналом в Томске в 1905 году, и потому особенно интересно увидеть, как первая русская революция отразилась в региональной сибирской журнальной периодике, какую оценку получила в материалах сибиряков.

Уже в № 1–2 (сдвоенном номере) за 1905 год была помещена небольшая информация о совещании томских деятелей печати: «27 февраля состоялось собрание редакторов, издателей

---

¹ Крутовский, Вс. Периодическая печать в Томске // Город Томск. – Томск, 1912. – С. 302.

и сотрудников томских периодических изданий – «Сибирского вестника», «Сибирской жизни», «Сибирского наблюдателя» и «Горных и золотопромышленных известий». Обсудив нужды и потребности сибирской печати, Собрание пришло, между прочим, к следующим заключениям:

1) Необходима полная и безусловная отмена предварительной цензуры во всех ее видах.

2) Необходима полная отмена системы административных взысканий, налагаемых органами правительственной власти на периодическую печать.

3) Необходима полная свобода обсуждения вопросов общественной и государственной жизни.

4) Преступления печати должны подлежать суду присяжных на точном основании закона.

5) Необходимо установление явочного порядка открытия изданий, на каком бы языке они ни издавались, с отменой всякой регламентации условий издания.

6) Нижеследующие меры необходимо осуществить немедленно, не дожидаясь издания нового закона о печати: 1. уравнивание подцензурных провинциальных изданий с бесцензурными столичными и некоторыми такими же провинциальными; 2. отмена всех временных правил и ограничительных циркуляров, последовавших после издания закона о печати 1865 г., и 3. допущение полной свободы обсуждения всех вопросов общественной и государственной жизни.

7) Довести до сведения особого совещания о печати под председательством члена Государственного Совета д.т.с. Кобеко высказанные положения и просить председателя этого совещания допустить к участию в его работах представителей томской периодической печати, имеющих быть избранными для этой цели собранием.

Эти заключения подписали 34 лица – из редакторов, издателей и сотрудников томских повременных изданий – «Си-

бирского вестника», «Сибирской жизни» и «Сибирского наблюдателя», за исключением редактора-издателя «Горных и золотопромышленных известий» горного инженера Э.К. Фреймана, который, хотя принимал участие в прениях, происходивших в Собрании, и, по-видимому, соглашался с вышеизложенными заключениями, но, затем, до окончания собрания удалился, уклонившись, таким образом, от подписи под заключением.

Следует отметить, что к вышеизложенным заключениям лица, находившиеся в собрании, пришли единогласно» (Сибирский наблюдатель. 1905, № 1–2 (январь–февраль). С. 210–211).

Попытка осмысления революционных событий года также предпринята в отделе «Заметки сибирского наблюдателя» В. Долкова. И здесь особенно отчетливо видна либеральная политика редактора, его поддержка правительственных начинаний: «Впереди – загораются зори, и с **высоты** [выделение «Сибирского наблюдателя»] раздается слово, призывающее нас к самостоятельности <...>» (Сибирский наблюдатель. 1905, № 3 (март)).

В № 4–5 за 1905 год публикуется «Высочайший Манифест об учреждении Государственной Думы», а в № 10 за 1905 год появляется материал «Добавление к статье «События дня»», автор которого в хронологическом порядке описывает революционные события российского и томского масштабов: забастовки в Томске («в том числе забастовали и работники печатного станка. Выход газет приостановился – задержался и выход нашего журнала»), действия властей («бюрократия продолжала делать ошибку за ошибкой»), появление манифеста 17 октября 1905 года (приводится текст), томский черносотенный погром. Автор выражает сочувствие всем пострадавшим в это время, но воздерживается от резких оценок действий власти. Основная тональность – печаль о «страшном кровавом побоище...» (Сибирский наблюдатель. 1905, № 10 (октябрь). С. 127–130).

Следующей трансформацией издания стало его преобразование в еженедельный журнал, а затем еженедельную газету «Сибирские отголоски». Из архивной переписки по поводу этого органа печати выясняется, что первоначально Долгоруков просил «разрешить издавать в Томске иллюстрированный листок общественной, политической и литературной жизни под заглавием «Колокольцы» с правом выпуска этого издания в свет в количестве от 3-х до 5-ти раз в месяц»¹. Это прошение датировано 20 января 1906 года, в него была включена также программа издания:

1. «Правительственные распоряжения.
2. Жизнь Сибири (корреспонденции из разных городов Сибири, перепечатки из разных газет и проч.).
3. Обзорение русской жизни.
4. Обзорение жизни за границей.
5. Фельетон (романы, повести, рассказы, стихотворения и проч.).
6. Театральная хроника. Судебная хроника.
7. Всякого рода [первоначально было впечатано «карикатуры», затем зачеркнуто от руки и подписано сверху:] рисунки, гравюры, эстампы и т. д.
8. Объявления»².
9. 28 января 1906 года Долгоруков подал следующее прошение, в котором он писал, что «имеет честь заявить, что я, вместо «Колокольцев», желаю дать название журналу «Сибирские отголоски», выпуская его в свет по той же программе, какая мною была предъявлена», с одним изменением: «вместо помещения исключительно карикатур, я прошу о разрешении помещать всякого рода рисунки»³. Здесь же Долгоруков уточняет, что «Сибирские отголоски», «как ил-

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 85.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 85–85об.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 87.

люстрированный журнал, будет выходить вместо разрешенного мне господином министром внутренних дел под моим редакторством повременного издания «Сибирский наблюдатель», и печататься новый журнал будет по-прежнему в типографии П.И. Макушина»¹.

За время своего существования журнал несколько раз менял место издания: первоначально он выходил в типографии Макушина, затем печатался в типографии Зеленецкого в Томске, после закрытия в 1907 году издание журнала было перенесено в типографию Орловой.²

Первоначально издателем-редактором «Сибирских отголосков» был единолично В. Долгоруков; в 1908 году его соиздателем стал частный поверенный при Томском окружном суде Василий Тимофеевич Молотковский³, а в августе 1910 года Долгоруков передал уже газету «Сибирские отголоски» в полную собственность издателю Преловскому, редактором ее выступил А.И. Збукирев⁴. С этого времени газета приобрела отчетливый социал-демократический характер, а в октябре новые владельцы изменили ее название на «Сибирское слово»⁵.

При Долгорукове журнал, а затем газета «Сибирские отголоски» следили за изменением российского законодательства (отмена смертной казни), деятельностью Думы, здесь публиковались материалы по истории, этнографии, географии Сибири. Значительное место в «Сибирских отголосках» занимала художественная литература: стихотворения, рассказы, «психологические наброски», «эскизы» и т. д. К изданию были привлечены сибирские литераторы, принимавшие участие и в других изданиях – А. Ордынский, Е. Бахарев, И. Малиновский и другие. Политическое направление «Сибирских отголосков» мож-

---

¹ Там же.

² См.: ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 90, 95.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 99.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 115.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 128.

но определить как умеренное, близкое к кадетскому: В.А. Долгоруков не входил в круг людей, настроенных резко оппозиционно по отношению к правительству, хотя в увеличении числа сатирических материалов выразился повышенный интерес издателя к политике. В «Сибирских отголосках» печатались карикатуры, сатирические стихотворения («Отдел юмористики»), наконец как «сатирический и карикатурный отдел «Сибирских отголосков» выходит сатирический журнал «Бубенцы» (с 1906 по 1909 годы).

Несмотря на ежедневный выход, «Сибирские отголоски» по оперативности, широте охвата действительности, информативности не могли соперничать с «большими» газетами типа «Сибирской жизни». Издание Долгорукова выходило в небольшом формате (несколько больше А4), было умеренно иллюстрировано и по типу скорее было журнальным, нежели газетным проектом. Тем не менее сам факт перехода Долгорукова к изданию именно газеты говорит о повышении значимости этого вида периодики во время бурного общественного подъема, охватившего всю Россию, и Сибирь в том числе.

В 1910 году инспектор по делам печати в Томске предоставил в Главное управление по делам печати ежегодный отчет с указанием изданий, выходящих в Томске, и их тиражей. По данным этого отчета, «Сибирские отголоски», «политическая, общественная и литературная газета», печаталась в количестве 1200 экземпляров.¹

В архивах также сохранилась «Характеристика повременным изданиям в г. Томске, выходящим в 1909 году», составленная инспектором по делам печати. «Сибирские отголоски» характеризуются здесь следующим образом: «Газета откликалась на возжелания прогрессивной партии, не вдаваясь в крайности. Оригинальных передовых статей было мало. В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 67об.

с революционным пошибом «В зареве пожара». Газета печаталась всегда в количестве 1200 экземпляров, из которых число $\frac{1}{4}$ оставалось в типографии. Материальное положение «Сибирских отголосков» плохое: редактор из своего кармана покрывал дефицит по изданию газеты, а дефицит за год простирался свыше 3000 р.»¹

Что же касается «Бубенцов», то этот журнал выходил до середины 1907 года, всего было издано 19 номеров. Нумерация «Бубенцов» чередовалась с нумерацией «Сибирских отголосков» (первый номер оказался № 16 от 1906 года), отчего создавалось впечатление особой «долговечности» этого журнала. «Бубенцы» также печатались в паровой типографии П.И. Макушина, в журнале принимали участие Е.А. Бахарев, П.Я. Блиновский, В.П. Булыгин, В.Э. Дембовецкий, П.А. Казанский, В.В. Курицын, А.А. Мокшанцев, И.Я. Петров, В.Ф. Смолин, Ф.Ф. Филимонов и другие.

«Бубенцы» были самым умеренным изданием из томских сатирических журналов 1906–1907 годов, хотя здесь обсуждались практически те же самые темы, что и в других сатирических изданиях этого периода («Ерш», «Осы», «Красный смех» и др.): деятельность Думы, жизнь Томска (в том числе во время военного положения), описывались томские «знаменитости», подвергалась критике цензура – местная и общероссийская, и т. д. Материал «Бубенцов» был более упорядоченным, чем в других журналах; здесь можно выделить постоянные рубрики «Телеграммы «Бубенцов»», «Мелочи», «Афоризмы, шутки, загадки и др.», «Шутки» и т. д. В целом уровень сатиры в «Бубенцах» был относительно невысоким.

Кроме издательской деятельности, Долгоруков в Томске увлекся культурной и благотворительной деятельностью. Согласно сведениям из «Энциклопедии города Томска», «дома Долгорукова на углу Дворянской улицы и Ямского переулка и

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181.

на Воскресенской улице были известны в Томске литературными и музыкальными вечерами. Летом 1899 года на даче Долгорукова в с. Заварзино открылся летний театр. 23 декабря 1899 при участии и под председательством Долгорукова в Томске было учреждено отделение Российского общества покровительства животным, 19 мая 1911 в целях благоустройства Томска и покровительства птицам и растениям при отделении был открыт детский «Майский союз». Вместе с проф. Н.Ф. Кашенко и Б.П. Вейнбергом Долгоруков участвовал в разработке устава союза, его эмблемы и знамени (белая ласточка на зеленом фоне). В 1911 члены «Майского союза» провели перепланировку и разбивку народного сада императора Александра II в Лагерном саду. В 1909 Долгоруков вошел в общество «Патронат» с первым в мировой практике капиталом имени присяжных заседателей Томского окружного суда в пользу осужденных и членов их семей. Долгоруков занимался также благотворительностью в пользу церковноприходской школы при Никольской церкви»¹.

Уже после смерти В.А. Долгорукова (в 1913 году) в Томске вышла небольшая брошюра Е.М. Баранцевича под названием «Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната)»², посвященная памяти В.А. Долгорукова; здесь же был помещен его портрет.

Таким образом, в конце XIX – начале XX веков бывший князь, бывший уголовный ссыльный В.А. Долгоруков стал заметной фигурой в издательском деле города Томска. Он прошел путь от сотрудника периодики до издателя собственных газетных и журнальных проектов. Благодаря выпуску его журналов «Дорожник», а позднее «Сибирский наблюдатель», с Сибирью

¹ Сворцов, Г.В. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. д-ра ист. наук Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2004. – С. 103.

² Баранцевич, Е.М. Страничка благотворительной деятельности (из жизни Томского патроната) – Томск: Типография Дома Трудолюбия, 1913. – 47, [3] с., 1 л. портр.

могли ближе познакомиться путешественники по Азиатской части России, в том числе иностранцы; издание Долгоруковым газеты «Сибирские отголоски» и сатирического журнала «Бубенцы» позволило выразить взгляды на происходящие политические события той части общества, которая придерживалась умеренно-либеральных взглядов. Несмотря на то, что и личность, и деятельность Долгорукова не всегда однозначно оценивались современниками, нельзя не отметить его вклад в повышение издательской культуры Томска, его внимание к нуждам сибирского читателя.

Статья предоставлена автором.

Рецензии на произведения В.А. Долгорукова

I.

Справочные книги и календари

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России, с подробным дорожником. Описание городов и разных местностей. Достопримечательности. Сведения о речных и сухопутных сообщениях. Судопроизводство и судоустройство. Спутник по минеральным водам Азиатской России. Составлен под редакцией В.А. Долгорукова (Н.А. Гурьевым и В.А. Долгоруковым). Издание В. А. Долгорукова. Томск, 1895 г. Цена 74 коп., на лучшей бумаге 1 руб.

Быстро подвигающаяся на Дальний Восток постройка «великого сибирского железнодорожного пути», развитие пароходных сообщений по рекам Сибири, предположенное продление в глубь Средне-Азиатских владений закаспийской и уральской железных дорог, удобства сообщения с Владивостоком через Одессу на пароходах Добровольного флота сильно оживили интерес к столь недавно еще почти недоступным для путешественников окраинам России. До сих пор отправлялись туда по доброй воле только люди, привлекаемые выгодами служебными и торговыми. Теперь значительная часть Азиатской России уже свободно доступна для обыкновенных туристов, людей просто любознательных, а не специалистов – ученых и исследователей. И как нельзя более вовремя появляется в свет первый *Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России*. В предисловии издатель говорит: «Сознаемся, это только слабая попытка дать справочную, доступную по цене, дорожную книгу о Сибири (и, насколько было возможно вообще, о всей Азиатской России).

Но мы рассчитываем пополнить все пробелы, которые окажутся в настоящем выпуске, при втором издании». Сведения о городах, лежащих на путях сообщения с далеким Востоком, вполне удовлетворительны для лиц, едущих в эти страны. К *Путеводителю* приложен *Адрес-календарь* двух городов: Красноярска и Томска, – «на первый раз, в виде опыта», – как говорят составители. Было бы очень желательно, чтобы в *Путеводитель* вошли при следующих изданиях *Адрес-календари* всех крупных городов Азиатской России. Сделать это издатель может, только изменивши и внешность, и содержание адресного отдела. Шрифт необходимо взять для него очень убористый; сообщаемые в нем сведения надо, по возможности, сократить и совсем исключить всё, имеющее характер публицистический и обличительный. Пример: о гостиницах Красноярска расписано на двух страницах то, что можно и *должно* сказать в двух строчках, а именно: все гостиницы плохи, грязны, еды в них не добьешься; ресторанов нет; меблированные комнаты дрянные. Обличению магазинов посвящена страница – достаточно трех слов: цены невероятно дорогие. Гостиницы следует отмечать только лучшие, – до «постоялых дворов» туристам нет дела. Перечислять магазины нет никакой надобности, достаточно отметить важнейшие, – книжные, при которых есть библиотеки для чтения. О музее, театре, городском саде сказано много лишнего и ненужного, могущего интересовать только местных жителей. *Адрес-календарь* гор. Красноярска занимает 22 стр., – при мелкой и убористой печати в две колонки его можно уместить на двух страницах. Адресы гор. Томска занимают 30 стр. К *Путеводителю* приложены портреты и биографии Н.М. Ядринцева, П.П. Ершова, Г.Н. Потанина, Г.И. Шелехова, эмира Бухарского. В *Путеводителе* такие биографии едва ли уместны. Занятое ими место лучше отвести для сведений, более необходимых путешественникам. В объявлении о 2-м издании обещаны портреты: гр. Муравьева-Амурского, М.М. Сперанского, поэта Омлевского и др. и, кроме того, «адрес-календарные

сведения» о Томске, Красноярске, Тобольске и Иркутске. Настаиваем на выраженном нами выше мнении о необходимости изменить содержание и форму таких сведений и увеличить их сведениями по другим городам. В *Путеводителе* 370 стр., при перемене шрифта на более убористый, при исключении из него всего ненужного в справочной, дорожной книге, на тех же 23 печатных листах можно уместить вдвое, если не втрое, больше полезных сведений, и тогда книга эта будет на самом деле путеводителем по *всей* Сибири. Настоящий выпуск издан роскошно и цена за него назначена весьма умеренная. Дорожные указания составлены очень основательно и дельно.

Источник: Русская мысль. – 1895. – № 10. – С. 523–524.

II.

Библиографическая заметка

Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России, составленный В.А. Долгоруковым. Год 3-й. Томск, 1898 г.

С тех пор, как Сибирь вошла в колею новой жизни, она, как окраина с особенным строем гражданской и экономической жизни, постепенно стала привлекать внимание не только русских, но и заграничных предпринимателей и туристов, видящих в Сибири страну с богатым будущим по промышленности, торговле и гражданской жизни. Но ввиду того, что Сибирь слишком громадная территория и представляет такую массу разнообразия, что ориентироваться в ней для заезжего человека дело весьма затруднительное, то путеводитель является как бы необходимою принадлежностью для всякого, кто имеет прямое и косвенное отношение к Сибири. Мы в своё время уже говорили, как о прекрасном пособии в этом роде – календаре г. Романова, издающемся в

г. Томске. Означенный «Путеводитель», заглавие которого полностью выписано выше, в исправленном и дополненном виде в период времени с 1895 по 1898 г. вышел ныне 3-м изданием и представляет сборник кратких сведений, необходимых как для туриста, так и для торгово-промышленного люда. В «Путеводителе» имеется 496 стр. печатного текста справочных сведений, около 200 стр. объявлений и реклам фирм, функционирующих в Сибири и России, имеющей с Сибирью торгово-промышленные связи. Кроме того, в «Путеводителе» помещены некоторые сведения о судостроительстве в Азиатской России, о минеральных источниках Сибири, адрес-календарь некоторых значительных городов и отдел кратких путеводительских сведений на французском языке, в расчете, конечно, на иностранных туристов, не владеющих русским языком. Правда, «Путеводитель» дает большинство сведений чисто календарн[ого] свойства, иллюстрации его в общем невысокой ценности и не отличаются новизной или характерностью для Сибири (есть даже и такие, которые не имеют никакого общественного интереса или практического значения), но помимо этого читатель все-таки в «Путеводителе» найдет многое, что необходимо знать заезжему человеку, в смысле справочных сведений, касающихся Сибири. Более полно изложены в книге г. Долгорукова отделы водных и сухопутных сообщений с более или менее подробным описанием городов, имеющих какое-либо значение. В конце книжки приложена карта Российской Империи с обозначением на ней великого сибирского железнодорожного пути с ветвью на г. Томск. С внешней стороны «Путеводитель» издан в 1/8 долю листа, довольно изящно, и как справочная книга заслуживает полного внимания, в особенности со стороны людей, незнакомых с Сибирью. Цена путеводителя назначена 1 руб., с приложением же сведений на французском языке – 1 р. 50 к.

-ский

Источник: Сибирская жизнь. – 1898. – 7 июля (№ 142). С. 3–4.

III. Библиография

В.А. Долгоруков. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Томск. 1899 г.

Только что названная книга не новинка для читающей публики: «Путеводитель» начал издаваться в 1895 г. и недавно вышел в свет уже четвертым изданием. Уже это одно доказывает, что у издания есть свой круг читателей, которому нужна эта книга, который [читатель] интересуется изданием и поддерживает его.

В своё время мы говорили уже, и довольно подробно, об этом издании и об его целях, и, признав его полезным и нужным для нашей окраины, высказывались за желательность подобных изданий в Сибири. Поэтому, не останавливаясь на нём в настоящее время подробно, скажем только, что «Путеводитель» с каждым годом улучшается. В нём много прибавилось справочных сведений, описания местностей и городов с каждым годом пополняются, и есть совершенно новые, не включенные в старые издания.

Источник: Сибирская жизнь. – 1899. – 22 июня (№ 131). – С. 3–4.

IV. Библиография

В.А. Долгоруков. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. (Шестое издание). Цена 1 р. 25 к.

В.А. Долгоруков вот уже 6-й год, ежегодно, выпускает «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России». Шестое издание его, о котором мы хотим сейчас погово-

речь с читателем, представляет из себя том почти в 500 страниц, со 120-ю весьма недурно выполненными рисунками, с не особенно подробной картой Российской Империи, с обозначением сети железных дорог и с весьма незначительным количеством объявлений. Как справочная книга, – этот Путеводитель, – и по цене своей, 1 р. 25 к., книга недорогая, – почему мы и рекомендуем её вниманию читателей. Но в то же время, справедливость требует предупредить читателя, что он наткнётся в 6 издании Путеводителя на кое-что и огорчительное для себя. Так, напр., станет читатель прочитывать описание Барнаула и найдет сведения о Н.М. Ядринцеве, но при этом составитель предупредительно скажет тут же: «более подробные сведения о нём (Ядринцеве) читатели найдут в Путеводителе 1-го издания. Портрет Н.М. был помещен в «Путеводителе» 1, 2, 3 и 5-го издания». Указание это, конечно, очень ценно, но приобретшему шестое издание Путеводителя, тем не менее, приходится только вздыхать или отправиться, куда следует, и приобрести еще и 1-е издание Путеводителя.

Кроме того, некоторые части «Путеводителя» произвели на нас довольно комичное впечатление, а именно, аттестации, выдаваемые составителем гостиницам в городах и минеральным водам в Сибири. Возьмем, напр., из городов Хабаровск. Здесь – «есть гостиницы. Так, на Протодиаконовской улице под названием «Лондон». Стоимость номеров от 1 р. до 3 руб. Стол удовлетворительный.

Имеется бильярд. Затем «Звездочка» и «Ориенталь» помещаются на Инженерской улице, в маленьких грязных домишках, весьма неряшливы. Кроме того, по Большой улице, в доме Гергондопуло имеются номера для проезжающих. Номера содержатся удовлетворительно с приличным *домашним* (?) и сравнительно не дорогим столом». Откуда составитель почерпнул все эти сведения о гостиницах г. Хабаровска, – сам ли он их исследовал или понаслышке даёт о них аттестации, – из Путеводителя не видно. Во всяком случае, за время составления и печатания 6-го

издания Путеводителя – всё это могло совершенно измениться: и стол в «Лондоне» мог или улучшиться, или ухудшиться, и стол в номерах для проезжающих в д. Георгондопуло мог из домашнего превратиться не в домашний, и «Звездочка» с «Ориенталем» могли или окончательно померкнуть, или из грязных домишек переместиться в совершенно приличные здания.

А вот как составитель Путеводителя характеризует минеральные ключи и вообще целебные воды Сибири.

Желаете ли вы, недугующий читатель, быстро поправиться, быстро поправиться и начать тучнеть? Конечно, да. Раскройте 6-е издание Путеводителя на 323 стр. и читайте: «опыт показал, что физиологическое действие воды Старо-Даросунского источника состоит в том, что улучшается пищеварение, *возбуждаются отделения* (!?), усиливается обмен веществ в организме, улучшается кровообращение и успокаивается нервная система. Поразительное влияние имеет эта вода на желудочно-кишечный канал: аппетит при употреблении её сильно увеличивается, больной быстро поправляется и начинает тучнеть». По прочтении такого описания Старо-Даросунских вод – (где ни строчка, то смехотворный курьез) читателю остается только поскорее собрать необходимые вещи и мчаться в Забайкалье на чудодейственный Старо-Даросунский источник! А, может быть, читатель желает учинить основательную промывку всего организма извне и изнутри? Да, да – промывку, всего организма! В таком случае отправляйтесь в Ферганскую область, в Андижанский уезд на Джелалабад-Аюбские горячие источники, о которых составитель 6-го издания Путеводителя вот что говорит на стр. 325. «Благотворное же действие вод происходит, главным образом, от температуры их. Горячая вода раздражает и вызывает к усиленной деятельности наружные покровы тела, а *повышая внутреннюю температуру* (курсив наш), заставляет выделять пот в громадном количестве; таким образом, весь организм как бы промывается».

А вот какие болезни излечиваются в воде озера Инголь, в Ачинском окр. Енисейск. губ.: «из болезней, которые более всего подходят к климато-гидропатическому пользованию на Инголе, на первом плане надо поставить болезни, зависящие от общего расстройства питания, всякого рода (?) малокровия и худосочия. Очень пригоден Инголь в случаях трудной реконвалесценции (о!), малярии, общего истощения сил, при английской болезни, золотухе, нервных болезнях. Рекомендовать же для лечения ревматиков, сифилитиков, чахоточных, золотушных – оснований нет».

Удивительное озеро Инголь: пригодно против золотухи, и не пригодно для золотушных! (Кстати, читатель не должен очень смущаться совсем почти неупотребительным словом реконвалесценция; в переводе на русский язык оно означает: «выздоровление»; и решительно непонятно, почему составитель предпочел трудно произносимое и необычное иностранное слово такому простому и ясному – русскому). Нам кажется, читатель, что подобного рода характеристики гостиниц и минеральных вод, отдающие комически-наивной важностью, совершенно излишний, ни к чему негодный балласт в Путеводителе. А между тем, он занимает место в книжке и вытесняет материал, более пригодный и более приличествующий цели издания. На стр. 203 шестого издания Путеводителя составитель говорит: «не имея возможности подробно остановиться на каждом округе Забайкальской области, мы даём краткие сведения вообще обо всей области». Вот и думается нам, если бы повыбросить из Путеводителя весь ненужный балласт, в роде вышеприведенного, так, пожалуй, в Путеводителе нашлось бы место и для более подробного описания округов Забайкальской области, – и во всяком случае, нашлось бы тогда место в 6 издании и для портрета Ядринцева с более подробными биографическими сведениями о нём.

Источник: Сибирская жизнь. – 1901. – 18 сент. (№ 202). – С. 3–4.

От изданий В.А. Долгорукова до «Утра Сибири»

Переходим к серии периодических изданий, вдохновителем которых был В.А. Долгоруков.

В.А. Долгоруков принимал, как известно, деятельное участие еще в Картамышевском «Сиб[ирском] вестнике». Перешел и в состав новой редакции к Г. Прейсману, с которым впоследствии разошелся.

Успех «Сибирского календаря» Романова подал В.А. Долгорукову мысль создать в Сибири нечто вроде толстого журнала. Первоначально, как и П.И. Макушин, он ведет дело крайне осторожно. Быть может, и здесь сыграли роль почти непреодолимые трудности получить разрешение на ежемесячник литературно-политического типа.

В 1899 году В.А. Долгоруков выпускает «Дорожник по Сибири и Азиатской России», где преобладают географического и этнографического характера статьи и справочный отдел.

В 1901 г. «Дорожник» преобразуется в периодический журнал более разностороннего типа – «Сибирский наблюдатель». «Мы не даем никаких заманчивых обещаний, но употребим все усилия и старания, чтобы наше маленькое издание – *на-рождающийся в Сибири журнал* – удовлетворяло своему назначению».

В такой скромной форме редакция извещала читателей о произошедшей перемене.

В списке сотрудников числились: М.Р. Бейлин, В.П. Булыгин, А. Бахарев, Р. Вейсман, А. Голодников, И.К. Голубев, Н.А. Гурьев, А.Б. Клюге, А.А. Сибиряков, Ф.Ф. Филимонов, С. Коваленко, В.А. Долгоруков.

Будь у В.А. Долгорукова более широкие взгляды на цели и значение ежемесячного журнала, быть может, его попытка и не прошла бы так тускло и бесследно. Потребность в серьезном общественно-политическом и литературном ежемесячном органе, несомненно, существовала и особенно чувствуется за последние годы. Но тусклый «Сибирский наблюдатель», при всей его чистоте и добросовестности, будущности не имел, особенно в начале XX века.

В 1906 г. оживление общественной жизни затронуло и редактора «Сиб[ирского] набл[юдателя]», человека менее всего интересовавшегося политикой. Чтобы поспеть за ускорившимся пульсом общественной жизни и иметь возможность своевременно отзываться на злобы дня, ежемесячный журнал превращается в еженедельные «Сибирские отголоски», выходявшие впоследствии с юмористическим приложением «Бубенцы».

Не думаем, что бы сибирская печать выиграла от этой замены. Редакция «Сиб[ирских] отг[олосков]» была удивительно наивна и невинна в политических вопросах.

Вот, например, отрывок из передовой, от 26 марта. «Сразу в жизни народа ничего не делается, это не то, что в сказке; все великие реформы вводились ли они мирным путем, исходя от верховного вождя народа, или путем кровавого террора, никогда сразу не усваивались массами, не проникали в сознание масс и, как бы они ни были благотворны, всегда встречали несочувствие известной части общества, а случалось – и большинства народа». Это печаталось в марте 1906 года!

Еще умильнее статья 2 апреля: «Но вот народ проснулся, почуял в себе силу и заговорил, и слово его дошло до Царя и раздалось великое Царское Слово, манифест 17 окт[ября], положившего конец старому режиму, Народ дожидается и всеобщего, прямого и тайного и равного избирательного права, ибо в этом жгучий вопрос для него...

А пока... забудьте всякую рознь, всякое недоброжелательство друг к другу. «Аз же глаголю вам: любите врага ваша, благословите клянущих вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за творящих вам напасть и изгоняющих вы».

Но были минуты раздражения и у тишайшей редакции «Сиб[ирских] отг[олосков]». В номере от 19 марта 1906 г. читаем такую тираду: «Однако, многомиллионному читателю агентских телеграмм не пришлось порадоваться: из огня он попал в полымя. Вместо неинтересной правды ему преподносили интересную, но, вместе с тем, скверную, наглую ложь. С лакейской развязностью оно (Пет[ербургское] тел[еграфное] агентство) взялось за систематическую ложь, доходившую поистине до геркулесовых столбов...» и т. д.

Такие бутады были редки. Еженедельник почти не касался общественных и политических вопросов, отдавая всё место литературе и театру.

Дело не пошло. Предполагая, что вина тут не в самом отношении редакции к кипевшей кругом политической жизни, а в форме издания, В.А. Долгоруков реформирует «Сиб[ирские] отг[олоски]» в выходящую 3 раза в неделю газету.

И в газетной форме «Сиб[ирские] отг[олоски]» успеха не имели. В.А. Долгорукову нечего было сказать сибирскому обществу, немудрено, если последнее осталось безучастно глухим ко всем его попыткам издательства.

Всё же с уверенностью можно сказать: обычно В.А. Долгоруков, как редактор-издатель, умел избегать всего того, что могло быть истолковано, как некрасивый поступок в той сфере деятельности, где, особенно за последние годы, нередко бывали падения. Исключением явилось печатание им серии типично бульварных романов-фельетонов.

До В.А. Долгорукова сибирская пресса была чужда подобной пошлости.

В 1910 г. «Сиб[ирские] отголоски» переходят к прис[яжному] повер[енному] Преловскому, пытавшемуся придать им характер органа демократического направления. Недостаток средств и, как результат, полная зависимость от финансового успеха и неуспеха заметно препятствовали этому. Тяготело и «бульварное» наследие В.А. Долгорукова.

Поэтому, вскоре, редакция меняет название газеты. Однако и «Сибирское слово» не может твердо встать на ноги, происходит новая смена редакторов, и в настоящее время «Утро Сибири» издается, как известно, под редакцией В. Воложанина.

Источник: Крутовский, Вс. М. Периодическая печать // Город Томск: [сб. материалов] / изд. Сиб. т-ва печат. дела. – Томск: Типолитогр. Сиб. т-ва печат. дела, 1912. – С. 301–303.

**Отдел «Библиография» журнала
«Сибирский наблюдатель» (1901–1906):
К истории критической библиографии
и рецензирования в Сибири**

Строительство Транссибирской железной магистрали дало мощный толчок к быстрому экономическому росту Сибири. Это обстоятельство отразилось и на развитии книжного дела, в том числе, частного книгоиздания¹. В 1896 г. в Томске, в одном из крупнейших городов Сибири, начал выходить ежегодник «Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатской России». Его издателем и редактором был В.А. Долгоруков. В ежегоднике помещались разнообразные справочные материалы, охватывавшие все стороны жизни Азиатской России.

В связи с успешностью своего начинания в январе 1899 г. В.А. Долгоруков, в дополнение к «Путеводителю», начал издавать одно из первых в Сибири изданий журнального типа – «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899 – апр. 1901 г.). Программа «Дорожника», как это подчеркивалось в рекламе, была утверждена Министерством внутренних дел.

Эволюция этого сибирского издания в своем роде уникальна. От, так сказать, «периодичного» «Путеводителя» к подобию «толстого» журнала (журнал «Сибирский наблюдатель», 1901–1906). От толстого журнала к еженедельному иллюстрированному журналу, далее газете «Сибирские отголоски» (1906–1910). От еженедельника к газете «Сибирское слово» (1910–1911) и, наконец, к газете «Утро Сибири» (1911–1916). В данной работе будет рассмотрен один из аспектов истории журналов «Дорожник по Сибири и Азиатской России» и «Сибирский наблюдатель».

¹ Очерки книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2001. – Т. 2. – С. 115–117.

Одним из приоритетов редактора и издателя «Дорожника» В.А. Долгорукова была оперативность освещения событий российской и сибирской жизни. Ключевые выражения в программе журнала и редакционных статьях – «своевременность» публикаций и предоставление «здоровых материалов для чтения».

В январе 1901 г. программа «Дорожника» была расширена. Появились литературно-художественный и библиографический отделы. Это было обусловлено:

- улучшением финансового положения издателя, увеличением цены и периодичности журнала, следствие – увеличение объема номеров;
- попыткой создать в Сибири подобие «толстого» журнала с соответствующими отделами такового (литературно-художественный отдел, отдел «Библиография» и т. д.);
- потребностью в увеличении числа подписчиков.

В мае 1901 г. В.А. Долгоруков преобразовал «Дорожник» в журнал «Сибирский наблюдатель». Это был первый в Сибири ежемесячный иллюстрированный журнал. О месте журнала «Сибирский наблюдатель» в истории литературы и журналистики Сибири уже писали исследователи¹.

Журнал своей скромной программой, больше ознакомительного, познавательного характера, был ориентирован на читателей, живших вне Сибири. В массе своей материалы, публиковавшиеся в нем, носили обзорный, статистический, нередко компилятивный характер. Этим «Сибирский наблюдатель» явно отличался от иркутского «Сибирского сборника» (1886–1904 гг.), периодического издания журнального типа.

Одним из самых интересных, ценных для истории книжного дела в Сибири отделов журнала можно считать отдел «Библиография».

---

¹ Трушкин, В.П. Пути и судьбы: лит. жизнь Сибири 1900–1917 гг. – Иркутск, 1972. – С. 14–23; Очерки русской литературы Сибири. – Новосибирск. – 1982. – Т. 1. – С. 513–516.

Первые рецензии появились еще в «Дорожнике»¹. Автором первой рецензии был публицист, поэт, сотрудник «Восточного обозрения» М.С. Кларин (настоящая фамилия – Попов). Она была написана в лучших традициях рецензий на сибирские издания, с несомненной критикой сибирских порядков, в частности, положения инородцев².

За время выхода «Сибирского наблюдателя» в нем было помещено более 370 рецензий на более чем 420 изданий. Были даны отзывы на более чем 290 книг, брошюр и отдельных оттисков (около 80 из них – сибирские) и около 140 номеров журналов.

Вначале рецензировались практически только сибирские издания. Отзыв давался, и это подчеркивалось, на все издания, поступающие в редакцию, потом данная практика прекратилась (последнее подобное упоминание в № 5 за 1902 г., с. 142).

С первого номера за 1902 г. в «Сибирском наблюдателе» стали появляться обзоры художественных произведений, опубликованных в столичных журналах.

К февралю 1906 г., к концу издания «Сибирского наблюдателя», определился круг рецензировавшихся изданий:

- произведения, опубликованные в столичных литературных и научно-популярных журналах: «Вестник Европы», «Вестник знания», «Русская мысль» и др.;
- книги известных русских беллетристов: В. Дорошевича, Н.Н. Каразина, Вас. И. Немировича-Данченко и др.;
- книги авторов, публиковавшихся в журнале: А. Вознесенского, А. Рославлева, М. Цейнера и др.;
- научно-популярные издания, в большей степени, по истории;
- поэтические сборники;
- литература по законодательству и делопроизводству;

¹ Дорожник по Сибири и Азиатской России. – 1901. – № 1, 3, 4.

² А. К. [Клюге, А.]. Из жизни угасающего племени. – Томск: Типоли-тогр. П.И. Макушина, 1899. – 96 с.; Кралин, М.С. // Дорожник по Сибири и Азиатской России. – 1901. – № 1. – С. 84–85.

- сибириведческие издания (около 30-ти, в т.ч. многие работы П.М. Головачева);
- сибирские издания, в большей степени, статистического, отчетного и справочного содержания, половину из которых составляли томские издания (из 80-ти – 41);
- издания на военную тематику в период Русско-Японской войны.

К 1903 г. сложилась основная группа рецензентов «Сибирского наблюдателя» и круг разбираемых в нем изданий. Основными авторами отдела «Библиография» были: В.А. Долгоруков (редактор-издатель журнала), Г.А. Вяткин и М.Г. Флеер.

Можно сформулировать несколько типов подхода к рецензированию в журнале «Сибирский наблюдатель»:

а) подробная характеристика произведения (издания), информация о внешнем виде и цене издания (В.А. Долгоруков). Рецензии Долгорукова можно было воспринимать как одну из форм рекламы издания. Ключевое слово – «интересно». В.А. Долгоруков, являясь издателем и редактором «Сибирского наблюдателя», написал большую часть материалов для отдела «Библиография» своего журнала;

б) критическо-аналитический разбор текста и издания в целом (Г.А. Вяткин). Рецензии Вяткина, в связи с его ярко выраженным личностным, оценочным восприятием текста, интересно читать, особенно рецензии на поэтические сборники поэтов декадентского направления. Одна из лучших рецензий Г.А. Вяткина – рецензия на пьесу М. Горького «На дне»¹;

в) совмещение обоих подходов в работе над текстом рецензии (М.Ф. Флеер). Сокращение объема отдела и процента интересных и значительных изданий, поступавших для отзыва, не дает полной информации об его творческих возможностях как рецензента.

К концу 1905 г. сложилась следующая ситуация. В редакцию для отзыва поступало уже небольшое количество изданий.

---

¹ Сибирский наблюдатель. – 1903. – № 6. – С. 149–156.

Сократился также общий объем номеров журнала, примерно с 250–280-ти до 150–180-ти страниц. Стало преобладать аннотирование произведения (издания) над критическим анализом его содержания. Нередко рецензировались малоинтересные брошюры и книги¹. Осенью 1905 г. из журнала ушел один из лучших его сотрудников – Г.А. Вяткин. Все эти факторы способствовали упадку отдела «Библиография» в журнале «Сибирский наблюдатель».

Изменения в общественно-политической жизни Сибири, и, в связи с этим, желание редактора «своевременно» освещать то или иное событие в своем периодическом издании, послужило одним из поводов того, что В.А. Долгоруков в марте 1906 г. преобразовал свой ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» в иллюстрированный еженедельник «Сибирские отголоски». В программу этого издания на 1907 г. отдел «Библиография» был вообще не включен. Рецензии в нем появлялись, но крайне редко, зато увеличился объем развлекательных материалов. В 1910 г. В.А. Долгоруков прекратил заниматься издательской деятельностью.

Значение томского журнала «Сибирский наблюдатель» для истории книжного дела Сибири – фактическое число рецензий и аннотаций на сибирские издания, чаще всего подробный анализ содержания, прекрасные библиографические описания сибирских книг. Отдел «Библиография» может служить своего рода отражением репертуара книжной продукции, издававшейся в Сибири и на Дальнем Востоке в 1900–1905 гг., а также для изучения читательских потребностей, духовных и интеллектуальных запросов определенной части жителей Сибири, в том числе и журналистов. Отдел «Библиография» в журнале «Сибирский наблюдатель» ценен также тем, что в нем публиковались рецензии Г.А. Вяткина. Опыт работы в журнале «Сибирский наблюдатель» был для Г.А. Вяткина своеобразной школой мастерства, которая раскрыла его творческий потенциал как поэта, писателя, критика. К середине 1910-х Г.А. Вяткин уже являлся одним из лучших сибирских поэтов.

---

¹ Сибирский наблюдатель. – 1905. – № 4–5. – С. 197; № 7. – С. 163.

В.А. Долгоруков: материалы к биографии

Преамбула

Настоящая подборка материалов о жизни, творчестве и деятельности В.А. Долгорукова посвящена исключительно сибирскому, томскому периоду его биографии (1879–1912 гг.). Обстоятельства его бурной молодости, от жизни в семье и учебы в Морском кадетском корпусе до участия в преступном сообществе «червонных валетов», достаточно полно представлены в целом ряде публикаций, начиная с 70-ых гг. XIX-го века и вплоть до последнего времени. Отсылая читателя к этим текстам¹, считаем только необходимым предостеречь, что авантюрная повесть Е.Е. Сухова «Гастролеры и фабрикант», в которой Долгоруков именован «Всеволодом АРКАДЬЕВИЧЕМ», имеет весьма приблизительное отношение к реальным историческим фактам и недостоверна как опыт психологического портрета бывшего князя.

Наши источники – Государственный архив Томской области, периодика тех лет, мемуарные свидетельства современников.

---

¹ Сажин, В.Н. Издатель запретной литературы / В.Н. Сажин // Книга: исследования и материалы. – М., 1978. – Вып. 36. – С. 160–162; Мельцин, М.О. Судьбы старинного российского дворянства в конце XVIII – начале XX века: князья Долгоруковы в системе общественных отношений: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. – СПб., 1999. – 21 с.; Мельцин, М.О. Автор одного из первых путеводителей по Новгороду // Новгорожика-2006: материалы науч. конф. – Великий Новгород, 2007. – С. 257–264.

На пути в Сибирь

В ссылку В.А. Долгоруков отправлялся, будучи вторично наказанным преступником, то есть рецидивистом. Еще в 1870 г., по приговору Санкт-Петербургского окружного суда (от 23 февраля) он был лишен «всех особенных прав», потерял княжеский титул, превратившись в «ефремовского мещанина»; в 1878 г., уже в Москве, приговором от 23 сентября, он был осужден на тюремное заключение (отбывал срок в Бутырке) и последующую ссылку в Сибирь, где его ожидало поверстывание теперь уже в мариинские мещане¹.

Сохранилось любопытное свидетельство А.Г. Ковнера, оказавшегося с Долгоруковым в одной этапной партии во второй половине 1879 г.²

«Он был довольно литературно-образованным человеком и обладал порядочным литературным талантом (...). Жил он очень бедно, никаких близких родных у него в Москве не было, так как он принадлежал к захудалой ветви князей Долгоруковых»³. (Напомним, что наш герой в эпоху «червонных валетов» выдавал себя за племянника московского генерал-губернатора В.А. Долгорукова. Кстати, томский губернатор с 1883 г. И.И. Красовский был при «большом» Долгорукове вице-губернатором и был близким для него человеком. Это не могло не сказываться на его отношении к Долгорукову «томскому», однако он, являя благородство, никак не препятствовал «томичу» в его первой, заведомо неудачной попытке в 1885 г. восстановить свой гражданский статус⁴: «(...) Долгоруков, 35 лет, поведения хорошего, занимается сотрудничеством в разных периодических изданиях, семейства при себе не имеет, податной недоимки за ним не чис-

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 11.

² А. К. [Ковнер, А.Г.]. Тюремные воспоминания // Исторический вестник. – 1897. – Т. 67, № 1. – С. 177–178.

³ Там же.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1782. Л. 4, 4об.

лится, под судом и следствием в Сибири не состоял и не состоит. При этом Губернское правление имеет честь доложить, что ввиду одобрительного поведения Долгорукова правление находит со своей стороны ходатайство его, Долгорукова, о возвращении утраченных им по суду прав и преимуществ заслуживающим удовлетворения, если не получит к этому препятствием краткость времени, проведенного им в ссылке...»).

«Впрочем, когда он был привлечен к делу «червонных вальтов», Долгоруков уже не был князем, а считался мещанином, так как за какое-то мелкое мошенничество был лишен особых прав и преимуществ, а, следовательно, и княжеского достоинства. Но он сам, да и все его товарищи по тюрьме продолжали величать его князем и вашим сиятельством, одни в насмешку, а другие серьезно.

Во время суда, сидя на скамье подсудимых, Долгоруков, увлеченный красноречием талантливой обвинителя, написал весьма недурное и лестное для последнего стихотворение, которое и доставил, через судебного пристава, по назначению. Прокурор, по видимому, был польщен музой подсудимого, которого далеко не щадил. По окончании суда и по вступлении приговора в законную силу (...) грозный обвинитель прислал ему в тюремный замок полное собрание сочинений стихотворений графа Толстого в изящном переплете, с надписью: автору стихотворения такого-то».

Стихотворение-экспромт это, с соответствующими комментариями, было напечатано в нескольких московских газетах¹.

В самом конце 1879 г. Долгоруков проследовал через Томск в Мариинск². В прошении, поданном в Томский окружной суд

---

¹ Живя в Томске, В.А. Долгоруков славился своими экспромтами. Они публиковались в томских газетах и журналах, ряд из них вошли в сборники его стихотворений 1890-го и 1912-го гг.

² Каким был Мариинский полуэтап в период жизни В.А. Долгорукова можно узнать из материалов сайта «ГУФСИН России по Кемеровской области» – Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области: [Электронный ресурс]. – Код доступа: <http://www.42/fsin.su/history>, свободный.

10 февраля 1898 г., он укажет: «Во время почти 19-тилетнего пребывания в Сибири...»¹. Согласно закону, который он теперь должен был соблюдать неукоснительно, он обязан был в течение двух лет практически неотлучно проживать в назначенном ему населенном пункте, а уже затем получал право переселиться по своему усмотрению в любой другой – в пределах губернии, в том числе и в Томск, что он и сделал. Но каждые три года, вплоть до 1898 г., ему приходилось продлевать отпускную от Мариинской городской управы.

Исходя из этого, мы можем с уверенностью полагать, что в Томске Долгоруков обосновался весной 1882 г., учитывая тогдашний ход официальных бумаг и зная, что квартирный рынок в перенаселенном Томске открывался с апреля и сворачивался к июню.

Внешность

Фотопортреты В.А. Долгорукова сохранились, и это удача, поскольку, например, внешность таких видных его современников, как П.П. Аршаулов или В.П. Картамышев, известна нам только в словесных описаниях.

Первый (датируется приблизительно временем между 1885 и 1890 гг.), воспроизведен в энциклопедическом справочнике «Русские писатели»²; другой, неоднократно потом перепечатываемый, снят позже, он был опубликован в брошюре Е.М. Баранцевича «Страничка благотворительной деятельности» (Томск, 1913). Здесь под портретом, проложенным папиросной бумагой, указаны даты жизни Долгорукова: «5 декабря 1850 – 27 июля 1912».

На левом лацкане фрака – знак присяжного поверенного (хотя сам был выбран частным поверенным). Возможно, пор-

---

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 3об.

² Русские писатели, 1800–1917: биограф. словарь. – М., 1992. – Т. 2: Г – К. – С. 148.

трет и был снят по поводу и по следам важных событий 1898 г., когда Долгоруков наконец-то добился восстановления своих гражданских прав со всеми вытекающими последствиями, что досталось ему с большими драматическими перипетиями. Во всяком случае, здесь ему лет 50. Породистая голова, выразительное лицо. Перед нами человек, вполне подпадающий под присказку: «Мордаст, да не по-крестьянски чив.».

В документах Мариинской городской управы находится такая его паспортная характеристика (1896 г.): «Приметы: лета – 46. Рост – 2 аршина 6 вершков (*то есть 171 см – стандартный средний рост мужчины того поколения – В.К., А.Я.*). Волосы и брови – темно-русые, глаза – серые. Нос обыкновенный. Рот (*пропущено – В.К., А.Я.*). Подбородок – лицо – чистые. Особые приметы – нет»¹.

А сколько-нибудь развернутый, психологизированный словесный портрет Долгорукова оставил нам, кажется, один Иосиф Хейсин, марксист и газетный «батрак» В.А. В своих мемуарах «Страницы прошлого» (воспоминания о литературной Сибири) он вспоминает Долгорукова предсказуемо недоброжелательно; критически, язвительно резюмирует его жизненный путь, допуская при этом небезобидные фактические ошибки, называя В.А. почему-то «калыванским мещанином», сообщает, что «платил Долгоруков своим сотрудникам очень мало и очень неаккуратно»².

Долгоруков глазами Хейсина в середине 1900-ых гг.: «Колоритной фигурой среди томских издателей и журналистов был издатель газеты «Сибирские отголоски» В.А. Долгоруков. Томичи хорошо знали его приземистую фигуру, большую крупную голову с крупными чертами лица, огромную шевелюру седых волос, его старческую шаркающую походку и низкий хрипловатый голос».³

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 5об.

² Хейсин, И. Томские литераторы: [разд. воспоминаний «Страницы прошлого: воспоминания о лит. Сибири»] // Ангара: [альманах]. – Иркутск, 1959. – № 2 (апр.-июнь). – С. 115–117.

³ Там же.

Частная жизнь

Очевидно, что Долгоруков приехал в Сибирь совсем небогатым человеком, никакой помощи от разоренных родных он не получал и мог рассчитывать только на свои силы. Он брался за любую газетно-журнальную работу (сохранив и кое-какие связи с периодикой столиц), поскольку владел пером, и, конечно, занимался той самой «черной адвокатурой», за которую его так рьяно обличали недоброжелатели в 90-ые годы, поскольку имел богатый и специфический юридический и уголовный опыт.

В нападках на него позволим себе усмотреть некое квасное ханжество, неискренность – на фоне эпохи и среды ничего сугубо преступного в том, что он давал консультации и помогал составлять иски и прошения, увидеть и доказать было невозможно. Да, он не платил налоги, беря пример с законных присяжных, но заплатить налог в его положении – признаться в нелегальной деятельности! А речь идет о борьбе за жизнь человека, который не владел ремеслами, не состоял на государственной службе и не имел вклада в банке.

Трудолюбие его было поразительным, он был неутомим. Он знал, что такое «хорошая жизнь», он был амбициозен и не мог позволить себе спуститься в её подвалы, тем более, опуститься. Книгоиздатель, редактор, автор путеводителей, судебной хроники и театрално-музыкальных рецензий, литературных обзоров и фельетонов в стихах и прозе, он успевал еще и сочинять лирические стихотворения «для души» и «не от скуки» и заниматься благотворительностью.

И, несмотря на то, что и в лучшие годы в «Сибирском вестнике» ему платили построчно, на то, что убытки от издания, например, «Сибирских отголосков» приходилось покрывать из собственных средств (до трех тысяч рублей в год¹), на то, что он помогал бедным, дом его и образ его жизни казались иным его современникам подозрительно благополучными и даже роскошными. Попутчик А.П. Чехова на пути до Иркутска в 1890 г. И.Я. Шмидт

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181.

в своих воспоминаниях так описывает дом Долгорукова и приводит словесный портрет В.А.: «Пришел к Чехову также некий Долгоруков, плотный мужчина большого роста с густыми волосами до плеч и протодиаконским басом. Он поднес А.П., а заодно и мне по тому своих стихотворений и пригласил нас к обеду. Долгоруков жил в большом, богато обставленном особняке. Сервировка стола и обед были изысканны. Но место хозяйки оставалось почему-то не занятым. О семейной жизни Долгорукова и о его прошлом говорили разное. Сам он называл себя политическим, но злые языки утверждали, что он попал в ссылку за то, что в свое время ухитрился запродать дворец московского генерал-губернатора¹.»

Один из его зоилов приписывал Долгорукову теневой доход до 15 000 рублей в год – не слишком ли пышно для уголовного ссыльного? Конечно, такая темная личность, одержимая тщеславием, может себе позволить издавать убыточную газетку, ею же прикрывая свои неблаговидные дела.

Но что бесспорно – какие бы толки ни ходили вокруг бывшего князя, нами не найдено ни намек на какую-нибудь серьезную аферу в сибирских трудах и днях Долгорукова. Просто он МНОГО работал, не покладая рук, хорошо ли, плохо ли, в текучке, но пользовался, что называется, спросом. И когда он принялся, в связи с рождением единственного сына, возводить с 1901-го г. собственный дом, записанный на его супругу Марию Петровну, дом, отстроенный лишь в 1910-м г., был оплачен его трудовыми деньгами, ибо М.П. средствами не располагала². Благо, что с 1898 г. он мог заниматься адвокатурой легально. Дом был выстрадан Долгоруковым – и тут же сдан в аренду, по материальным соображениям. Ни дня не прожил в нем сам Долгоруков, снимая квартиру на Воскресенской горе, так выходило выгоднее.

¹ Шмидт, И.Я. Из далекого прошлого: [воспоминания попутчика А.П. Чехова] // Вопросы литературы. – 2010. – № 2. – С. 418.

² Дом находился на перекрестке нынешних улиц Кирова и Тверской; см.: 1) ГАТО. Ф. 233. Оп. 4. Д. 510 («Дело об аренде земли с правом выкупа»); 2) Там же. Ф. 233. Оп. 4. Д. 1254 «Дело об утверждении плана на строительство дома».

И вспоминается, как В.П. Картамышев в 80-ые годы, законно отхватив отличный куш в Иркутске по делу о завещании, сразу сумел купить и дом, и построить рядом флигель, и приобрести собственную типографию для своей газеты «Сибирский вестник...»¹.

В общем, злопыхательствовали завистливые современники, эксплуатируя черное пятно в биографии В.А. Долгорукова.

Нам известны семь адресов, по которым проживал В.А. Долгоруков в Томске (на самом деле их могло быть больше, и много больше). Все это – большие съемные квартиры (от 600 рублей в год) или целиком арендованные дома (с конца 19-го века – от 1000 рублей в год). Ср., в записках Е. Корша говорится о снятом в 1882 г. одноэтажном особняке в шесть комнат, с двумя мезонинами за 650 рублей в год – это очень недорого, замечает Корш².

В 1885 г. Долгоруков живет на Юрточной горе, в доме Елисеевой (на Дворянской улице?)³. В знаменательном «чеховском» – на Дворянской, в доме Ансиевой. Этот адрес мы обнаружили в «Сибирском вестнике» за 2 и 6 января в письмах Долгорукова в редакцию, в которых он просит вернуть ему его дорогую енотовую шубу: ее по ошибке(?) надел на себя какой-то гость, покидая некое общее для них новогоднее застолье. В 1893 г. мы обнаруживаем В.А. в доме Петлина на Дворянской⁴, в 1898 – на Дворянской, дом № 36 (может быть, это тот же дом Петлина?)⁵. С 1899 г. Долгоруков проживает уже на Дворянской, № 4, в доме Томчака на пересечении с Ямским переулком (занимал верхний этаж; соседями по улице у него были К.Н. Евтропов, В.А. Хаов, М.М. Дмитриев)⁶.

---

¹ См.: Корш, Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. – 1910. – Т. 121, № 7. – С. 27–44.

² Там же. – С. 446.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1782. Л. 1.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 91.

⁵ ГАТО Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

⁶ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 79, 81; Сибирский вестник. – 1899. – 1 июня (№ 115). – С. 1.

А затем, не установлено точно, когда, покидает старую добрую Дворянскую, с ее уличной грязью и дурной водой, и переселяется на Воскресенскую гору. Возможно, переезд прямо связан с рождением сына и поиском более комфортной среды обитания. Известно, например, что на Горе пили ключевую воду. В 1906–1908 гг. адрес семьи Долгоруковых – Воскресенская, № 5¹. А с 1909 г. и до кончины В.А. их пристанищем, последним для него, станет уютный и хорошо известный в городе дом на Воскресенской, 1².

Можно предположить, что его вдова и сын проживали по этому адресу до прихода новой власти, продолжая сдавать собственный дом на Тверской, после ухода кормильца это было тем более целесообразно. А затем, при Советах, вынуждены были, при неотвратимом «уплотнении» в 20-ые годы, обосноваться в нем раз и навсегда. В нем наверняка оставила этот мир Мария Петровна, из него отправился в ГУЛАГ без обратного билета сын Федор в 1933 году.

Женой В.А. Долгорукова стала Мария Петровна Аршаулова, родная сестра знаменитого томского полицейского пристава, а затем полицмейстера Петра Аршаулова. В нашей книге о нем мы уже рассказывали о Марии Петровне, одной из первых в России женщин-адвокатов (присяжных поверенных), обладавшей «милым, но слабым меццо-сопрано и с успехом выступавшей в любительских концертах»³. М.П. неплохо владела словом, что явствует

---

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 88, 96.

² ГАТО Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 103, 105, 106, 109. По спискам томских домовладельцев дом на Воскресенской улице был записан на имя М.П. Аршауловой.

³ Здесь мы воспроизведен полностью отзыв о её дебюте на сцене, опубликованный в газете «Сибирский вестник», в отделе «Сибирская летопись»: «В четверг, 9 апреля [1887 г.], в театре Королева, дан был концерт М.П. Аршауловой, при участии А.А. Ауэрбаха, Н.В. Осипова, Л.О. Москалева и И.В. Котовича. Программа была составлена очень интересно, и потому публики собралось изрядное количество. До какой степени в нашем обществе существует любовь к пению и музыке это еще раз доказано концертом г-жи Аршауловой. Несмотря на роскошную погоду, наступившую у нас за эти дни, погоду, которая тянет на улицу, а не в душную залу, несмотря на отвратительную дорогу и несезонное время, публика, как я уже сказал, пришла в театр, и можно сказать, в со-

из ее судебной речи 1889 г., и тоже пописывала стихи, вторичные, в надсоновском духе. Она обладала «симпатичной наружностью» и имела сильный наследственный характер¹.

Знакомство их состоялось во второй половине 80-х годов. Но еще в 1887 г. В.А. Долгоруков, рецензируя концерт любите-

вокупности представляла цвет нашего небольшого общества. Концерт имел положительный успех. Концертантка обладает небольшим меццо-сопрано, верхние ноты чище и звучнее нижних. К сожалению, самый голос, с точки зрения обработки, сравнительно слаб, хотя из природного материала г-жа Аршаулова, при работе, может достигнуть лучшего. Впечатлению мешала отчасти и робость молодой дебютантки, которая совершенно оконфузилась при выходе на сцену. Кроме того, партия «Рогнеды» и Леля из «Снегурочки» требуют большой силы и выразительности, которых г-жа Аршаулова пока не проявила. Романс *Si tu m'aimais* – прошел уже лучше, а «Тучи черные» Ромберга, вещь очень красивая, была исполнена удовлетворительно. Если г-жа Аршаулова будет продолжать усердно заниматься, то нет сомнения, что она будет петь и увереннее и лучше. Г. Москалев исполнил прелестную вещь *Tempo di mazurka* – Шуберта и очень удачно. Мне кажется, однако, что эту вещь следовало играть скорее. Игра нашего почтенного любителя А.А. Ауэрбаха достаточно известна, и выбор пьес был именно такой, как и следует, в особенности хорошенький романс Рубинштейна. Г. Осипов был по обыкновению старателен и сделал с своим невозможным инструментом (и когда он приобретет новую скрипку!) всё, что могли сделать добросовестность и прилежание. Но героем вечера был, по истине, И.В. Котович. Сделанный на этот раз выбор вещей для пения показывает в г. Котовиче настоящего художника, а превосходные голосовые средства и отличная школа сказываются в каждом звуке. Словом, мы слушали такое пение, какое Томск едва ли и слышал раньше. Каждый номер г. Котовича сопровождался бурными и совершенно заслуженными рукоплесканиями. На *bis* им было исполнено: «Так жизнь молодая» Малашкина, «Далеко равнина морская» Пауфлера, «Чуют правду» Глипки и «Чаруй» Даргомьжского. Трудно сказать, что было исполнено лучше. По моему мнению, все было спето чудесно. Мы серьезно обращаем внимание Е.И. Королева на этого певца, который способен действительно своим участием поднять любую провинциальную труппу. В общем нельзя не поблагодарить г-жу Аршаулову за доставленное нам художественное удовольствие. Сбору было около 400 р. И цены были умеренные, что составляет у нас большую, хотя и похвальную редкость. Автор: Один из публики (Сибирский вестник, 1887, 12 апр. (№ 42), с. 2).

¹ П.П. Аршаулов: сб. материалов / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; сост.: В.М. Костин; А.В. Яковенко. – Томск, 2012. – С. 17–19.

лей в королевском театре, где М.П. оказалась главным действующим лицом, слишком хладнокровно говорит об ее исполнительских достоинствах и, главное, недостатках, чтобы задуматься об их сколько-нибудь коротких отношениях¹. Сблизиться они могли как на музыкальной ниве, так и в судебных пространствах. Долгоруков был и музыкальным критиком, и судебным хроникером. И о симпатичной наружности М.П. высказался именно он, в судебном отчете («Сибирский вестник», 1889, 14 мая)!

Сошлись они, судя по пересечению фактов и лирике В.А. (посвятившего ей множество стихотворений) в 1890 году. Ему было 40 лет, ей – 31. При этом долгие годы, до самой смерти мужа, она сохраняла свою девичью фамилию, как свидетельствуют документы (знак «прогрессизма?»), и стала подписываться Долгоруковой с 1912 г. Это говорит о том, что В.А. и М.П. жили невенчанными, а если и повенчались, то перед уходом мужа из жизни. Были ли их отношения заверены печатью, или мы имеем дело с чисто гражданским долголетним браком – нам неизвестно. В любом случае семья М.П. вряд ли могла предъявлять ей и В.А. какие-то претензии: ее авторитетный старший брат сошелся с мужней женой, А.Я. Боровиковой («любовишка», о которой он поведал Чехову в мае 1890 г.), прижил от нее детей, но узаконить брачные узы так и не смог, не успел, что горестно сказало на семье после его преждевременной смерти.

Но вот что обращает на себя внимание: удачные в карьерном и творческом отношении годы Аршаулова и Долгорукова подсказывающе совпадают (1889–1891 гг.). Долгоруков много печатается, он на виду, играя важную роль (до соредакторства с В.П. Картамышевым – или «редакторства» даже, как он утверждает после в 1893 и 1898 гг.) в «Сибирском вестнике». Слава Аршаулова – на апогее. В 1890 г. он печатает все свои произведения в «Сибирском вестнике», получая в нем себе комплименты за профессиональную деятельность (и заслуженно!). Здесь Долгоруков безусловно поддерживал реноме родственника. Когда же с января 1892 г. Ар-

---

¹ Сибирский вестник. – 1887. – 12 апр. – С. 2.

шаулов оказывается вынужден подать в отставку, а затем возвращается на службу своего рода штрафником, отработывая два года в глуши приставом Змеиногорского рудника, газетные дела и репутация Долгорукова немедленно идут прахом (см. ниже). Очевидно, поддержка и защита героического опального родственника для него была очень, критически весомой.

Союз М.П. и В.А. был союзом понимающих и ценящих друг друга интеллигентных людей. Основной мотив стихотворений Долгорукова, посвященных жене, – благодарность. «Она» воскресила, воодушевила «его», подняла из бездны отчаяния, из нравственной тьмы, поверила «ему», «его» раскаянию – и «он» поверил в себя, воскрес для новой жизни.

Известно, что М.П. активно помогала Долгорукову во всех его многочисленных общественных начинаниях и продолжениях¹. После его смерти она издала том его стихотворений, подготовленный им к печати в 1911 – начале 1912 г.

День ее кончины нами не установлен. В 1920 г. она была еще жива, ей был 61 год, согласно формулярного списка её сына.

Единственным их ребенком, долгожданным, поздним (В.А. – 51 год, М.П. – 42) был сын Федор, родившийся летом 1901 г. на даче в пригородном с. Заварзино (там, где В.А. устроил летний любительский театр²). Напомним, что хлопоты о собственном доме начались у них 20 июня 1901 года!

---

¹ Известно, что в журнале «Сибирские отголоски» было опубликовано несколько её материалов в отделе «По Сибири» (№№ 14, 21).

² Идею об открытии летнего театра В.А. Долгоруков высказывал ещё в 1899 г. в журнале «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1899, кн. 2, с. 100). Театр в с. Заварзино был открыт в июне 1901 г., одним из первых его арендаторов была актриса А.Н. Антонова (см.: Сибирский наблюдатель. – 1901. – Кн. 6. – С. 89. – Подпись: В. Д.; Сибирский вестник. – 1901. – № 118. – С. 3. – Без подписи). О существовании театра упоминается в 1912 г., в сборнике «Город Томск» (Томск, 1912, с. 319). В том же сборнике Г.А. Вяткин в статье «Театр в Томске», указывает, что материалом для написания статьи, отчасти, послужили сведения, предоставленные В.А. Долгоруковым и артистом Художественного театра Н.О. Массалитиновым (Здесь же. С. 324).

Судя по всему, Федор не унаследовал родительских достоинств, и судьба его была трагичной.

В ГАТО сохранилось «Личное дело начальника Разведывательного отделения отдела Угрозыска [на железной дороге] Долгорукова Федора Всеволодовича» (1920–1921)¹. Ему 19–20 лет. Он маленький начальник. Грамотных тогда катастрофически не хватало. А он власть большевиков принял, с «колчаками» не ушел. Впрочем, похоже, что он принял бы любую власть. Из дела, несмотря на его грозную титулатуру, явствует, что Федор был занят «канцелярским трудом», чем он будет заниматься и до самого ареста в других, более безобидных учреждениях. «Окончил частную мужскую гимназию» (в 1919 г., значит, хватило на это убывающих достатков), «холост», «имею дом» (см. выше. Дом переписан матерью на него? Наверное, он же защищеннее, он «совслужащий», еще и в УГРО!). Характерно, что он «описывается» – «ДолгорукийИЙ», и о нем пишут – «тов. ДолгорукийИЙ». На вопрос о происхождении ответил – «сын князя». Тщеславие победило осторожность (не «бывшего князя», не «мещанина»). В 1920 г. еще можно было этого не скрывать и даже кичиться кровью².

По отрывочным воспоминаниям разных лиц Федор был человеком слабым, ленивым, распущенным и пьяным. Был высокого о себе мнения, любил пожаловаться на судьбу. В 1930 г. он был привлечен, в рамках очередной «кампании», к уголовной ответственности за недоказанную принадлежность к несуществовавшей белогвардейской организации. Единственным правдоподобным агентурным фактом против него стала фраза «Раньше мы жили лучше» (*А когда это «раньше»? При царе? При НЭПе? – В.К., А.Я.*). Получил десять лет лагерей, досрочно освобожден летом 1932 г. В 1933 г. снова арестован по принадлежности к орга-

¹ В личном деле его отца было зафиксировано, что большая часть ведомых дел перед смертью были дела, связанные именно с Сибирской железной дорогой.

² ГАТО. Ф. 214. Оп. 19. Д. 866.

низации «Белогвардейский заговор» (еще одна кровавая «липа» НКВД). Сломался окончательно. Его заставили, в числе многих, под копырку, дать признательные показания и оговорить указанных следователями лиц. Прискорбно, что несогласный с приговором Ф.В. Макаров-Тонский с особым негодованием отметил в своем заявлении Прокурору СССР, что среди свидетелей-уличителей его в контрреволюционной деятельности – «пьяница, совершенно разложившийся морально Долгоруков»¹.

Умер или погиб в лагере во время Великой Отечественной войны. Реабилитирован посмертно в сентябре 1959 г.

Политические взгляды

Общественная позиция В.А. Долгорукова не укладывалась в идеологические матрицы и коды, сложившиеся к началу нового века. Разобраться в них мешает и то, что его, как бывшего князя и уголовника (о чем ему не уставали напоминать), и не должны были принимать всерьез. И радикалы, и монархисты, и областники предпочитали видеть в нем тривиального присудебного и пригизетного деятеля, почти зоологически обреченного с переменным успехом хлеба ради потрафлять публике, НЕВАЖНО какой. Да и не способен такой человек на что-то серьезное в принципе, если бы и захотел. Он – некое чрево, исходно глухое к большим запросам современности, тем более несостоятельное ответить на них.

Типичное мнение: «Конечно, существовало немало и литературной бульварщины, особенно в изданиях В.А. Долгорукова, но это было ОБЫЧНЫМ ЗЛОМ того времени»².

Долгоруков пал жертвой эпохальной предвзятости. На трезвый взгляд, главными причинами многих неудач и незадач его

¹ См. Уйманов, В.Н. Ликвидация и реабилитация: политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919 – 1941 гг.). – Томск, 2012. – С. 180, 181, 202; Боль людская: книга памяти томичей, репрессий в 30–40-е и в начале 50-х годов. – Томск, 1991. – С. 295.

² Хейсин, И. Указ. соч. С. 115.

(не говоря уже о том, что он работал в спешке и не блистал яркими талантами) были две: во-первых, «двух станов не боец»; во-вторых, как раз недостаток, недобор вульгарности, балаганности, той самой бульварщины, в которой упрекает его Хейсин. Образование помешало. Не будучи с радикалами, не смог поклониться он и толпе обывателей.

Издавна и до сего дня мы встречаемся с суждениями об аморфности, расплывчатости политических взглядов В.А., и даже об его аполитичности. Справедливо ли это?

Попробуем задуматься над этим, идя от противного. Радикалы брезгливо считали его механическим ретроградом, чей политический горизонт ограничен реформой 1861 г. Близоруким постепеновцем, не осознавшим, например, смысла событий ни революции в России, ни томского погрома в 1905 году. Но вот мы знакомимся с мнениями о нем с другой стороны, со стороны постманифестного томского чиновничества, поголовно октябристского. Дата – 19 февраля 1908 г.

«Начальник Томского губернского жандармского управления – господину Томскому губернатору. Долгоруков был выслан из Европейской России за уголовное преступление и известен как КРАЙНИЙ РАДИКАЛ»¹ (выделено нами – В.К., А.Я.; В.Д. Долгоруков иногда публиковал сатирические небольшие стихотворения на политические и около-политические темы²).

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 100об.

² Как образчик этой стороны его творчества приведем стихотворение «Шутка» (Сибирский наблюдатель. – 1905. – № 12. – С. 70. – Подпись: Гаврила Томский):

«За свободою гонялись
И свободы мы желали,
Но свободы не дождались
И вновь в клетку мы попали.
И крепки её запоры:
Охраняют их исправно.
Но за что – ликуют воры
И нас, граждан, грабят славно!».

В 1902 году состоял членом закрытого общества книгопечатников в городе Томске.

Еще мнение (томского цензора, 1909 г., более уравновешенное): «Сибирские отголоски» откликались на вождение ПРОГРЕССИВНОЙ партии (? – В.К, А.Я. Выделено нами), не вдаваясь в крайности. Оригинальных передовых статей было мало. В рубрике фельетона довольно много места занимал роман из местной жизни с революционным пошибом «В зареве пожара»¹. (Автор романа – В.В. Курицын, он же – Не-Крестовский, автор романа «Томские трущобы». Д. и Курицына связывало многолетнее сотрудничество. Эпизоды с недоплатой безусловно, случались, но, полагаем, не потому, что Д. не хотел, а потому что не мог расплачиваться как должно ввиду убыточности издания.)

Для власти – радикал, для радикалов – рептилия власти.

Между тем, статьи Долгорукова и его поэзия даже в особенности, как и филантропические труды (см. ниже), говорят, по крайней мере, об АКТИВНОЙ жизненной позиции, о деятельном участии в жизни общества. Стихи Долгорукова, откровенно религиозные и патриотичные (дурной тон с точки зрения тогдашних радикалов), конечно, плоховаты, вторичны, тавтологичны. Но в них – «больная совесть», горячее сочувствие к униженным и оскорбленным. Россия – в ночи, и – сквозной мотив – непрестанно слышится в этой ночи звон цепей, кандалов, оков. Публицистика Долгорукова обличает произвол, невежество, дикость (впрочем, тут он бывает осторожнее, избегая местных применений – пойдем его и простим ему это). Он, безусловно, духовный и упрямый наследник трудового народничества, с его постулатом пусть малых, но ежедневных дел, с его философией ступенчатого бескровного развития общества. Безусловно, он против кровавой оплаты светлого будущего, потому что оно не будет светлым. Труд, созидание – основа всего, и, как благотворитель, В.А. уверен, что краеугольный камень воспи-

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 181.

тания человека с детства, тем более оступившегося – воспитание трудом, а не социальной ревностью с неизбежно агрессивными выводами и грядущей охлократией. Известны контакты В.А. с томскими конституционными демократами – кадетами. Это представляется логичным. Можно полагать, что кадеты не были заинтересованы в ассоциировании его в свои ряды. Но в том-то и дело, что он был гуманистом, человеколюбом, никогда не изменявшим в зрелые томские годы сегодняшней любви к ближнему ради завтрашней любви к дальнему. И холодная буржуазность кадетов могла ему претить.

Репутация и реабилитация

В.А. Долгоруков приехал в Томск с дурным шлейфом отпетого высокородного мошенника и в продолжении почти двух десятков лет должен был настойчиво доказывать свою нравственную и профессиональную состоятельность, вести борьбу с самим собой и теми, кто продолжал ему не доверять, сомневался в его раскаянии и перерождении, а то и попросту не верил, что такое возможно под Луной. Ситуация отчасти смягчалась бы тем, что уголовных ссыльных такого полета в Томске хватало с избытком. Но так получилось, что период адаптации в новой среде, выбор конкретного жизненного маршрута у В.А. совпали с появлением в Томске нового и, как выяснилось вскоре, успешного периодического издания – газеты «Сибирский вестник» (1885 г.). История этой газеты, драматические перипетии ее единоборства с прогрессивной «Сибирской газетой», с областниками изучены достаточно полно, притом, что оценки ученых до самого последнего времени страдали тенденциозностью и односторонностью не в пользу «Сибирского вестника».

Сейчас нам важно отметить, что Н.М. Ядринцев и его единомышленники приняли новую газету в штыки изначально – и как опасного конкурента на рынке (здесь интуиция Ядринце-

ва не подвела), и как одиозную, до «благонамеренности», надо полагать, трибуну пусть образованных, но уголовных ссыльных, людей безнравственных и равнодушных к судьбе угнетенной Сибири. Мысль о том, что эти люди будут влиять на общественное мнение в Сибири, а то и прямо формировать его, была для Ядринцева нестерпимой, и он объявил войну еще до выхода первого номера «Сибирского вестника». И не стеснялся в средствах.

Поэтому пришедший в газету в 1885 г. и набравший к чеховскому приезду серьезный в ней вес Долгоруков (он же Всеволод Сибирский, он же Селин, он же Неизменный театрал, он же Гаврила Томский) оказался в неожиданно плотном поле негатива, его прошлое тем более не отпускало его, нависало над ним дамокловым мечом. И меч обидно срывался.

Впервые и всерьез это произошло, когда (см. выше) убыл из Томска Аршаулов. Редактор В.П. Картамышев (сам еще вчера безо всяких оснований объявленный уголовным ссыльным) постепенно уступал свои позиции в газете Прейсману; под давлением не столько областников, сколько встревоженной администрации и лично губернатора Г.А. Тобизена (это вам не добряк И.И. Красовский!) вынужден был задуматься над чистотой своих рядов. Хотя главный и самый одиозный ссыльный талант Корш и покинул Томск еще в 1888 г., другие оставались, и это было опасно, и Картамышев сильно охладел к Долгорукову, может быть, слишком активному своему сотруднику (еще и мотив ревности). Уже с 1892 года Долгорукова начинают вытеснять из газеты, постепенно отбирая у него разделы, штатным поэтом ее становится М. Цейнер, в целом более одаренный стихотворец, но, в отличие от В.А., неспособный писать злободневные фельетоны в стихах. А в начале 1893 г. произойдет скандал с ссыльным Шклярским, которого по недоразумению обидит в заметке Долгоруков (подведут респонденты. Начало – «Сибирский вестник», 11 февраля, потом 21 февраля – и так далее...), скандал за-

тянется, никакие оправдания, никакие ссылки на заслуги перед газетой («Я восемь лет в СВ...») Долгорукову не помогут. Ясно, что жаждущий его крови Шклярский обиделся на него «вовремя», «удачно», и его претензии были скорее поводом, нежели причиной окончательного изгнания В.А. из газеты¹. Картамышев не только открестится от Долгорукова в этой трудной ситуации, но и начнет свое оправдательное письмо цензору с такого пассажа: «Осведомился я, что ССЫЛЬНЫЙ ПО ДЕЛУ ЧЕРВОННЫХ ВАЛЕТОВ В.А. Долгоруков подал, или думает подать Вам как цензору опровержение на редакционную заметку, сделанную мною в оправдание Шклярскому...» и т. д. Датировано 15 февраля 1893 г.

В 1894 г. Долгоруков уже предмет постоянных издевок со стороны бывших коллег: глумятся над ним, глумятся над «Сибирским листком», который он пытается издавать, а в августе Г. Прейсман даже называет его «Крап Крапычем» – прямое оскорбление (и притом, что В.А. – бывший «червонный валет, но в шулерстве-то как раз замечен не был»)².

¹ См. №№ газеты «Сибирский вестник» за 1894 г., а также материалы ГАТО (см.: Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 87–90, 91, 91об, 103–104об, 106, 106об.).

² Здесь мы сочли уместным воспроизвести целиком этот текст, помещенный в газете в конце отдела «Местная хроника» в разделе, где печаталась уголовная хроника: «Под умным и добросовестным руководством Крап Крапыча открыта негласная контора частного поверенного или аблаката. Основатель обладает солидной наружностью и олимпийским взглядом, говорит внушительным тоном о своих связях и юридических познаниях, коих приобретение обеспечило ему бесплатный проезд в Сибирь; может и желает участвовать в концертах, если бы это было ему разрешено господином полицмейстером. Непокорным и строптивым клиентам Крап Крапыч угрожает, что их *продернет* в «Восточном обозрении», «Енисейском листке», «Новом времени», «Артисте» и даже «Сибирском вестнике», из которых, как нам достоверно известно, первое и последний не принимают его драгоценных рукописей. В конторе Крап Крапыча желающие могут за приличное вознаграждение получать разные наставления. Так, напр., должник может получить совет и целый план действий для того, чтобы не только не уплатить причитающегося с него долга, но обвинить кредитора в подлоге и мошенничестве. Тот

В феврале 1893 года, понимая, что надо искать заработок в другом месте, Долгоруков уговаривает авторитетнейшего Н.Н. Айгустова, действительного статского советника, просить губернатора Г.А. Тобизена о разрешении издавать газету под названием «Сибирская летопись». Этот сюжет обстоятельно изучен Н.В. Жиликовой. В издании, редактором которого мыслился Долгоруков, было отказано, и вот какие характерные аргументы против В.А. приводит в конфиденциальном письме цензор Бедарев.

«(...) Стало быть, пока единственным и обязательно постоянным сотрудником г. Айгустова следует признать лишь г. Долгорукова, которому, как мне известно, закрыто участие в «Сибирском вестнике» и который, по собранным мною сведениям, является действительным инициатором и должен быть его фактическим редактором. Поэтому я считаю необходимым коснуться его литературных и нравственных качеств. Сосланный в Сибирь по делу червонных валетов, Долгоруков постоянно занимается разной мелкой адвокатурой, а с 1887 года также сотрудничал в «Сибирском вестнике». Будучи человеком довольно способным и образованным, Долгоруков, однако, по характеру своей адвокатской деятельности не возвышается над другими заурядными адвокатами из ссыльных, эксплуатирующими в свою пользу невежество своих клиентов; в газете же оказался заурядным сотрудником, статьи и заметки которого отличались тривиальным содержанием и составляли литературный балласт, в них не замечалось принципиальных воззрений и стремлений,

---

же кредитор, из той же конторы, за сумму не свыше 500 рублей, может получить двух свидетелей, которые, под присягой, дадут показания в его пользу. Кроме всесторонней аблакатской деятельности, Крап Крапыч с благодарностью принимает деньги, жертвуемые на богоугодные заведения и с благотворительною целью. Вообще, разнообразная деятельность новой конторы распространяется и, вероятно, охватит Нарымский край, хотя, к сожалению, с самым городом Нарымом Крап Крапыч не успел еще познакомиться» (Сибирский вестник. – 1894. – 17 авг. (№ 95). – С. 2. – Без подписи).

а по большей части узкое и пристрастное отношение к трактуемому предмету, очевидно, в личных видах автора.

Хотя Долгоруков в течение последних лет много работал для «Сибирского вестника», но, насколько мне известно, всегда за построчную плату, не получая определенного содержания, и, вопреки утверждению г. Айгустова, никогда не состоял фактическим редактором газеты. (...) Если фактическим редактором ее будет Долгоруков, то общественное его положение и личные качества естественно возбуждают подозрение, что большая часть «Сибирской летописи» будет состоять из ссыльных, полноправные же интеллигенты, не испорченные нравственно, едва ли пожелают иметь с ним литературное общение, когда есть возможность участвовать в другом органе. Нельзя сомневаться в том, что бывшая значительная роль ссыльных в издании «Сибирского вестника» в значительной степени подорвала нравственную репутацию и материальную обеспеченность этой газеты (...). Последнее утверждение весьма сомнительно, если вспомнить, кто создавал и «раскрывал» газету¹.

Предубежденность отзыва Бедарева не вызывает сомнений, спорные утверждения сочетаются в нем с прямыми поклепами, и, к сожалению, мы понимаем, что информатором-экспертом цензора выступил сам В.П. Картамышев.

Вся эта история доказывает непреходящую уязвимость социального статуса Долгорукова. С 1893 по 1898 г. в его жизни наступает своеобразное «черное пятилетие». Даже стихи, с их неотвратимой банальностью, в эти годы не даются ему.

В «Сибирский вестник» он вернется после кончины Картамышева (1894 г.), в 1896-м году. 1898 год станет для В.А. Долгорукова особенным, и это будет связано с очень весомыми переменами.

Предшествовать тому будет загадочная для нас попытка отчаявшегося В.А. найти жизненную альтернативу в приобще-

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 125–128об.

нии к купеческому сословию. Он, совсем ненадолго, будет записан «мариинским купцом второй гильдии»¹, но показательно, что именно с 1898 г. (когда он официально должен был числиться купцом) и до смерти об этом не говорят документы, в них он по-прежнему мещанин. Почему он поспешно отказался от коммерческой доли?

В начале февраля 1898 г. Долгоруков получает долгожданное сообщение о том, что 7 января Государь Николай Александрович амнистировал его: «(...) Разрешить Мариинскому мещанину Всеволоду Алексею Долгорукову повсеместное в Империи жительство, с восстановлением утраченных им по суду прав и преимуществ, кроме княжеского титула и прав дворянского достоинства.»²

«Согласно общему закону», время все-таки работало, не могло не работать на него, «по делам его». Известие пришло, когда обстоятельства начали улыбаться Долгорукову. Новым губернатором был А.А. Ломачевский, справедливый до горячности, неравнодушный человек, хорошо разбиравшийся в людях и, что немаловажно, совсем неплохой писатель, прозаик и поэт³. Ломачевский разменяет восьмой десяток, когда его, как врангелевского генерала, расстреляют в 1921 г. большевики⁴. Значительно окрепли тогда позиции Аршаулова, также ценимого Ломачевским, тогда – пристава новообразованной Пятой части. Сам Долгоруков уже имеет несколько публикаций в «Сибирском вестнике».

¹ См.: Сибирский вестник. – 1898. – 19 нояб. (№ 249). – С. 2; Дмитриенко, Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. – Томск, 2003. – С. 88; Зиновьев, В.П. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 2013. – Т. 1: А – Л. – С. 198–199.

² ГАТО. Ф. 10. Оп. 10. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

³ Ломачевский, А.А. Небылицы в лицах: [сб. рассказов, статей и стихов]. – М.: Т-во «Печатня С. Яковлева», 1914. – 76, 104, 83, [1], 64 с.

⁴ Яковенко, А.В. Томские губернаторы / А.В. Яковенко, В.Д. Гахов. – Томск, 2012. – С. 148.

Уже 10 февраля 1898 г. В.А. направляет в Томский окружной суд прошение. «Желая получить свидетельство на право быть частным поверенным по судебным делам в районе ведомства Томского окружного суда, почтительнейше прошу суд дозволить мне быть таковым и выдать надлежащее свидетельство; причем, во исполнение требования 406-5 статьи «Учреждения судебных установлений», ИМЕЮ ЧЕСТЬ (*выделено нами. Теперь он имеет право на такую формулировку!* – В.К., А.Я.) объяснить, что, во-первых, во время почти 19-летнего пребывания в Сибири я не находился ни под судом, ни под следствием и ныне не нахожусь, что, во-вторых, последствия прежней судимости были сняты с меня в силу Указа 17-го апреля 1891 года, что, в-третьих, ныне Государь Император в седьмой день января сего года Высочайше повелеть соизволил: восстановить меня в правах и преимуществах, по суду утраченных, каковое особое Высочайшее повеление, смею полагать, сняло с меня окончательно последствия судимости. Других же препятствий, о коих говорит 246 ст. «Уст. гр. Суд.», нет. (...) Мариинский мещанин Всеволод Алексеев Долгоруков.»¹

Положительного решения Долгоруков дождался через семь месяцев, и не столько потому, что медленно работала бюрократическая машина той эпохи, сколько из-за ухабов на ее дороге и каверз современников. И главные оппоненты Долгорукова находились в среде высшего чиновничества губернии (к его счастью, не САМОГО высшего). Затем осложнения возникнут и после 8 августа, когда, казалось бы, вопрос был решен.

Уже в марте появились устные и письменные протесты и прямые доносы на В.А. Вот самый значимый из них (автор текста – бывший официальный гонитель Долгорукова, а ныне юрисконсульт Сибирской железной дороги Г.В. Юркевич): «Его превосходительству Ф.Ф. Деппу от 14 марта 1898. Секретно. (...). Из частных сведений, которые доходили до меня стороною и

---

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–3об.

которым я не решаюсь придать значения полной достоверности, я лично составил о г. Долгорукове мнение, для него в общем неблагоприятное, на том основании, что из этих частных слухов – я убеждался в том, что он, г. Долгоруков, не имея в течение более или менее продолжительного времени никаких положительных занятий, вел, тем не менее, образ жизни на таких широких началах, что некоторые из близких его знакомых определяли ежегодную доходность г. Долгорукова в 10–15 тысяч рублей и объясняли тайною адвокатурою, чрез подставных лиц, с употреблением при этом как здесь, на месте, так и в столичных сферах, приемов, не всегда примиримых с началами чистой и безупречной нравственности и справедливости (...)»¹.

Но сторонники Долгорукова из тех же «высших сфер» немедленно предупреждают его, и он тут же, 19 марта пишет дополнение к прошению, прилагая даже к нему образчик своего журналистского труда (текст брошюры об убийстве купца Кана и его семьи). Текст Юркевича ему известен.

«(...) Имею честь представить два предписания Томского губернатора, из коих видно, что я был удостоен два раза Высочайшей благодарности за поднесение Его Величеству составленного мною «Путеводителя по Сибири и Среднеазиатским владениям России» (1 и 2 выпуски).

Затем, представляю удостоверения от первоклассных томских торговых фирм, подписанные представителями их и владельцами, а за отсутствием некоторых из Томска – их главными уполномоченными (...).

На основании этих данных Ваше Превосходительство можете, смею думать, убедиться, что я в течение долговременного пребывания в Сибири отличался трудолюбием и прилежанием и ни в чем предосудительном не был замечен (...).

Я знаю – у меня, как и у всех, есть враги и люди, почему-то нерасположенные ко мне. Рассказывают, например, о каких-то

---

¹ ГАТО. Там же. Л. 36, 36об.

десятках тысяч, которые я, будто бы, зарабатывал в Сибири (так это говорил одному из присяжных поверенных бывший председатель Губернского суда Г.В. Юркевич) (*Вынужденный оставить свое высокое кресло по подозрению в служебных злоупотреблениях!* – В.К., А.Я.). Ничего подобного никогда не было.

Действительно, были годы, когда я зарабатывал 4–5 тысяч рублей (напомним, что оклад действительного статского советника составлял тогда 2400–2600 рублей в год. – В.К., А.Я.), но такая сумма составлялась из гонорара, получаемого не только за написание просьб, но и за литературный труд. И я работал иногда не только целые дни, но и целые ночи.

Одно время я вел (в 1886–1889 гг.) в «Сибирском вестнике» судебный отдел, давал отчеты по судебным процессам (...), по заседаниям думы, заведовал театральным отделом, писал фельетоны, литературные обзоры и, кроме того, участвовал и в некоторых московских изданиях. В 1889–1890 гг. я редактировал «Сибирский вестник».

И теперь, помимо издания «Путеводителя по Сибири», я заведую томским отделением газеты «Енисей» и сотрудничаю как в этой газете, так и в «Сибирском вестнике» (...).

Если выходили у меня когда столкновения на почве литературной, то без этого нельзя обойтись ни одному из пишущей братии (...).»¹

Долгоруков умело аргументировал, и было чем. Губернатор А.А. Ломачевский благожелательно контролировал ход дела.

4 августа Томский окружной суд, изучив эту, как выяснилось, юридически непростую ситуацию, принял решение о правомочности для Долгорукова заниматься трудом присяжного поверенного. Экзамен на звание он сдает 8 августа, и в тот же день его официально приняли присяжным поверенным при Томском окружном суде².

---

¹ ГАТО. Там же. Л. 37а–53об.

² ГАТО. Там же. Л. 9–12, 15, 15об.

Но – этим дело еще не закончилось. Товарищ, то есть заместитель прокурора данного суда Н.А. Громов подал протест в иркутскую судебную палату¹. И тут на стороне Долгорукова пошла в ход тяжелая артиллерия. Мы впервые публикуем обнаруженное нами в ГАТО письмо губернатора А.А. Ломачевского главному юристу губернии Ф.Ф. Делпу.

«Милостивый государь Филипп Филиппович! Вам угодно было восстановить в памяти данные, мною сообщенные по вопросу о предоставлении Всеволоду Долгорукову прав частного поверенного при Томском окружном суде. По сведениям, у меня имеющимся, мною Вам словесно сообщенным, Всеволод Долгоруков своим долголетним пребыванием в г. Томске, несмотря на звание ссыльного – кару суда, обращенную к нему в давно прошедшем, заслужил в Томском среднем обществе достойное положение.

На возбужденный вами вопрос о том, достоин ли Долгоруков в настоящее время получить звание частного поверенного, я отвечаю и отвечаю совершенно положительно. Не скрою от Вас, что при назначении моем в Томск г. Министр Юстиции обратил мое особенное внимание на отношение к ссыльным, рекомендуя к ним особую осторожность и советуя ни под каким предлогом не призывать их к служебной деятельности. Исключительное положение Долгорукова, заслуженное безупречным поведением в Томске, определялось для меня достаточно ясно отношениями к нему служащих как по другим министерствам, так и по Министерству Юстиции. В числе лиц, составляющих круг знакомых Долгорукова, мне было известно имя Губернского прокурора и его товарищей, посещавших дом Долгорукова.

Вполне убежденный, что взгляды г. Министра Юстиции на лиц, понесших осуждение, были известны Томской прокуратуре – я и ныне совершенно уверен, что Долгоруков вполне достоин звания частного поверенного.

---

¹ ГАТО. Там же. Л. 62, 63.

Покорнейше прошу принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности Вашего (подпись Ломачевского). 25 сентября 1898 года.»¹

Письмо частное, понятно, почему, с двойным дном, но оно тем более эффективное. (Депп подарит его Долгорукову, и тот сохранит это драгоценное судьбоносное для себя письмо в связке бумаг, посвященных истории его реабилитации.) Депп понял – Депп сделал. 28 ноября суд определил: «Признать протест и. д. Прокурора не заслуживающим уважения.»² В то же день Долгоруков получил свидетельство – патент и нагрудный знак частного присяжного поверенного.

В завершение темы. Через 9 лет из Томского окружного в Омскую судебную палату, в ответ на официальный регулярный запрос, пришлют следующее свидетельство: «Вследствие отношения от 10 января за № 3 имею честь сообщить Вашему Превосходительству, что В.А. Долгоруков состоит частным поверенным при Томском окружном суде с 4 августа 1898 года и при безукоризненных нравственных обладает обширными познаниями по гражданскому процессуальному и материальному праву. Исп. обязанности председателя – подпись.»³

Реквием по филантропу

В новом веке Долгоруков – преуспевающий адвокат, не всегда задачливый, но известный журналист и издатель и непременный член всевозможных благотворительных и иных томских обществ, многие из которых учреждались при его непосредственном инициативном участии⁴.

¹ ГАТО. Там же. Л. 73–74об.

² ГАТО. Там же. Л. 27.

³ ГАТО. Там же. Л. 100.

⁴ Здесь мы перечислим некоторые томские общества, членом которых был В.А. Долгоруков: Общество о начальном образовании, Общество содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской гу-

Подлинный масштаб его человеколюбивых свершений станет очевидным его современникам после его ухода из жизни. В 1913 г., публикуя очередной ежегодный отчет Правления Томского общества патроната, Е.М. Баранцевич, конечно, согласно Общему решению, посвятит его памяти В.А. Долгорукова и предвосхитит в своей брошюре текст отчета настоящим панегириком бывшему князю¹, присовокупив к нему три стихотворения покойного («Придавленный судьбою брат...», «Тот не погиб, кто погибает...», «Вперед! За истину, за разум...»)².

Вот что пишет авторитетный Е.М. Баранцевич (выборочно): «Заслуги Всеволода Алексеевича тем ценны, что всегда, везде и все доброе им делалось искренно, с охотой, с любовью, и шел он навстречу общественному добродетельному служению бескорыстно»³. «Всеволод Алексеевич привлекал к себе сердца людей исключительно своей добротой и служением правде. И эта доброта особенно рельефно проявлялась в его обширной благотворительной деятельности»⁴.

бернии, Общество взаимопомощи книгопечатников, Томское отделение Русского Императорского Музыкального общества, Томское общество охотников конского бега, Томское благотворительное общество (членом общества была так же и М.П. Аршаулова), Томское общество любителей художеств и др. Как активный участник общественной жизни также был членом и секретарем Томского общества «Патронат» покровительства лицам, освобожденным из мест заключения города Томска и уезда, членом Томского отдела Российского общества Красного Креста, Томского отдела Российского общества покровительства животным и членом организованного при нем общества «Майский союз», Томского общества защиты женщин «Пчельник» и почетным членом Томского общества «Ясли», попечителем церковно-приходской школы при Никольской церкви. В начале XX в. В.А. Долгоруков был председателем Совета старшин Коммерческого собрания.

¹ Баранцевич, Е.М. Страничка благотворительной деятельности: (из жизни Томского Патроната). – Томск, 1913. – С. 11–19.

² Там же. – С. 20–22.

³ Там же. – С. 10.

⁴ Там же. – С. 11.

Баранцевич подчеркивает, что В.А. много помогал из личных средств, не регистрируя свою помощь; В.А. считал, что патронируемое лицо должно выниматься из неблагоприятной среды и помещаться в «честные» семьи, получая необходимое образование; мечтал о создании Дома трудолюбия.

«Одна школа при Никольской г. Томска церкви содержалась в течение десяти лет на его средства, причем воспитанникам до двадцати лет он выдавал и на завтраки. Последняя его благотворительность стала известна обществу лишь из талантливого надгробного слова священника Воскресенской церкви о. Федора Смиренского в день похорон (*Увы, это «слово» не дошло до нас – В.К., А.Я.*). В общественной жизни Всеволод Алексеевич был и прост, и доступен, и отзывчив»¹, помогал своим клиентам и деньгами, дарил книги в библиотеки². «Доброе сердце».

Заканчивает свое слово о Долгорукове Баранцевич стихотворной цитатой из Некрасова:

«Да осенит твою могилу
Свет вечной правды и любви»³.

Нам остается только поклониться памяти человека, хотевшего и сумевшего победить в себе дурные наклонности, поднявшегося над «свинцовыми мерзостями жизни». В этом именно – главная заслуга В.А. Долгорукова, давшего замечательный пример, или урок, нравственного преображения личности, стойкости человека, не сломленного тяжелыми обстоятельствами биографии.

Сегодня этот урок имеет особую, животрепещущую актуальность.

---

¹ Там же. – С. 14.

² Из каталогов и отчетов Томской городской публичной библиотеки известно, что В.Д. Долгоруков пожертвовал в её фонд ряд своих изданий и книг из личной библиотеки.

³ Там же. – С. 17.

Некрологи

I.

В.А. Долгоруков

В ночь на 28 июля [*в газете «Сибирская жизнь» указана другая дата – 27 июля, 9 часов вечера – А.Я.*] скончался неизвестный г. Томску В.А. Долгоруков. Покойный родился в 1850 г. в г. Петерб[урге], где и получил образование. В 1882 г. В.А. приезжает в Томск и вскоре посвящает себя адвокатуре. Позднее состоит председателем многих обществ [*последнее место – председатель Совета старшин Коммерческого собрания – А.Я.*]. У В.А. первого является мысль создать в Сибири нечто вроде толстого журнала. В 1899 г. В.А. выпускает «Дорожник по Сибири и Азиатской России». В 1901 г. «Дорожник» преобразуется в периодический журнал более распространенного типа – «Сибирский наблюдатель». В 1906 г. волна общественной жизни захватывает В.А., и он спешит своевременно отзываться на злобы дня: ежемесячный журнал превращается в [*газету*] «Сибирские отголоски», выходящие впоследствии с юмористическим приложением «Бубенцы». В 1910 г. ликвидирует и прекращает издательство навсегда.

Все знавшие В.А. отзываються о нём как об отзывчивом и добром человеке.

II. Шебеков

Источник: Утро Сибири. – 1912. – 29 июля (№ 168). – С. 3. – Опечатка, вернее: П. Шебеков.

II. Кончина В.А. Долгорукова

27 июля в 9 час. вечера скончался частный поверенный В.А. Долгоруков. Смерть последовала вследствие болезни сердца.

Источник: Сибирская жизнь. – 1912. – 29 июля (№ 169). – С. 3. – Без подписи.

Всеволод Алексеевич Долгоруков

(библиографические материалы)

От составителя

Создавая наш сборник материалов о В.А. Долгорукове, мы не стремились составить полнейшую библиографию его публикаций, вероятнее всего, одного из самых плодовитых журналистов дореволюционного Томска. К сожалению, мы не имели возможности обратиться к петербургским и московским периодическим изданиям, в которых публиковался В.А. Долгоруков, начиная с середины 1860-ых годов – «Народный голос», «Сын Отечества», «Развлечение», «Маляр», «Будильник», «Стрекоза», «Московский листок», «Русская газета», «Русский курьер», «Свет», «Новости дня», «Ребус», «Театральный мирок», «Колося», «Северный вестник», «Луч», «Артист», «Правда» и других, а также к красноярским газетам 1890-ых годов¹.

Настоящая библиография представляет первый опыт сбора информации о произведениях В.А. Долгорукова с прицелом на последующие историко-библиографические изыскания. Наследие его неравнозначно по своему содержанию и уровню: стихи, рассказы, публицистические очерки, статьи о юриспруденции, краеведческие публикации, рецензии и т. д.

Рецензии на книги и на спектакли, которых за свою длинную творческую жизнь он написал великое множество, представляют собой тему для отдельной книговедческой и театроведческой библиографии и могли бы быть изданы отдельно. Многие публикации подписывались псевдонимами, возможно, еще до конца и не выявленными.

---

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3740. Л. 120об; Рейтблат, А.И. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Русские писатели, 1800–1917: биограф. словарь. – М., 1992. – Т. 2: Г – К. – С. 148

В данной библиографии мы не стали указывать первые публикации его стихотворений, так как практически все они были включены в два его сборника.

Публикации об его жизни, творчестве и деятельности довольно скудны. В советское время его очень редко упоминали в исследованиях литературоведов и историков книги, и подчас с уничижительными характеристиками, однако отмечался его вклад в историю книгоиздания наравне с другим томским издателем Ф.П. Романовым.

Собранные материалы, надеемся, смогут дать определенное представление о разнообразии интересов В.А. Долгорукова.

I.

Публикации В.А. Долгорукова

1. Отдельные издания

Аскочинский новый оракул, или Советы красным девицам. [Ч. 1] / сост. Всеволод А. Крестовский 3-й [псевд. В.А. Долгорукова]. – СПб.: Тип. И. Маркова и Ко, 1862. – 15 с., 1 л. ил.

Заря для всех: [сб. лит. произведений] / [изд. В. Пропавшего (Пропашего) [псевд. В.А. Долгорукова]. – СПб.: Тип. И. Маркова, 1862. – 24 с., 8°.

Среди авторов: В. Пропавший, Л. Пальмин, И. Крупеников и др.

Путеводитель по Новгороду / [изд. В.А. Долгоруков]. – Аноним. изд. – СПб., 1862.

Литературный сборник произведений русского юношества, с карикатурами 1860–1861 гг. / изд. кн. Вс. Долгорукова и

Мих. Куприянова [Купреянова]. – СПб.: [Тип. Голике, 1862]. – [82] с. – Без тит. л. и обл.

Из содерж.: Послание к N. N.; Песня; Переход от богатства к бедности; Рассказ: (из истинного); Венера: (Афродита); Разбор некоторых стихов г-на Хомякова. – Подписи: В. Северянин, Д..., В. Долгоруков.

Сборник произведений учащихся Морского кадетского корпуса 13–17 лет; князь В.А. Долгоруков заведовал литературной частью сборника, М. Купреянов (Куприянов) – карикатурным отделом. Контора сборника была учреждена при книжном магазине Битепанна и Калугина.

Издание на 5-м печатном листе было остановлено по распоряжению начальника корпуса, тираж «был отобран из типографии и пошел на разные употребления».

Путеводитель по Москве и её окрестностям: [1-й вып. «Путеводителя по России»]. – С прил.: «Москвы и её окрестностей», «Политехн. выставки», портретов..., видов..., указателя ж.д. – М.: Изд. В.Г. Долгорукова [в тексте – В.Г. Долг-ой] и В.А. Анофриева, 1872. – 506 с. разд. паг., 7 л. ил., портр.

Под «крышей» конторы «Путеводителя по России» «проворачивались» аферы членов «Клуба червонных валетов»; к тому времени В.А. Долгоруков уже был лишен княжеского титула и числился, как «ефремовский мещанин» [*т. е. мещанин г. Ефремов Тульской губ. – А.Я.*].

Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские: (с приложением: статьи «О происхождении первых русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора», портрета князя Якова Федоровича Долгорукого и гербов рода: князей Долгоруких и Долгоруких-Аргутинских). [Ч. 1] / издано под ред. и ответственностью князя Всеволода Долгорукого; [предисл., послесл. и примеч. кн. В. Долгорукого, с публикацией стихотворений]. – СПб.: В тип. Ю. Штауфа, 1869. – [2], XII, 207 с., 2 л. ил., 1 л. схем.

Из содерж.: Памяти князя Якова Федоровича Долгорукого: [стихотворение]; [Автобиографические материалы] / В. Долгоруков. – С. 172–175; Заметки о первых русских князьях и о происхождении: Рюрика, Синеуса и Трувора: ст. / князя Алексея Долгорукого / [предисл. и послесл. кн. В. Долгорукого (с. 197)].

То же. – СПб.: Тип. Р. Голдарбейтер, 1913. – 148 с., 120 л. ил. – Загл. обл.: Род князей Долгоруких.

Корнатовский, Д.Н. В водовороте: драма в 5 д. / Дм. Корнатовского, Всев. Сибирского. – М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1884. – 52 с.

Корнатовский Дмитрий Николаевич (ок. 1855? – после 1905) – драматург, писатель, член Петербургского отделения Общества русских драматических писателей. Опубликовал ряд своих произведений в журналах В.А. Долгорукова. Псевдоним – Высокий. Согласно рекламе в журнале «Сибирский наблюдатель» (1901, кн. 10, с. 17 (1-я пагинация) являлся в Москве владельцем «книжного склада, типографии и переплетного производства»; адрес – ул. Моховая, против старого здания Университета, д. Бенкендорф).

Рыдание и хохот: сб. новых стихотворений для чтения в концертах и лит. вечерах / составленный под ред. Александра Соколова. Ч. 2. – СПб.: Тип. П.И. Шмидта, 1884. – [4], 164, III с.

Среди авторов: С.А. Бердяев, В. Крестовский, А.Н. Майков, Л.А. Мей, Н.П. Огарев, И.В. Федоров-Омулевский, В. Сибирский [В.А. Долгоруков], Л.Н. Трефолев, К.М. Фофанов, А.Н. Яхонтов и др.

Домашнее развлечение: сб. избранных стихотворений, некоторых песен, смешных куплетов, пословиц, поговорок и пр. / собрал Е.П. Садовников. – Пятигорск: Тип. А.М. Байкова, 1885. – 191 с. – Цензор. разрешение от 8 марта 1885 г.

Среди авторов: Д.Д. Минаев, В. Немирович-Данченко, И.С. Никитин, Всеволод Сибирский [В.А. Долгоруков] и др.

Долгоруков, В.А. Дело об убийстве купца Бориса Кана и его семьи: [отчет публ. заседания Том. губерн. суда, 16 июня 1887 г.: отд. отт. из газ. «Сибирский вестник», 1887, 19 июня (№ 70), с. 2–3]. – Томск, 1887. – [2], 24 с., 16°. – Цена – 50 коп. – В тексте газеты опубликовано без подписи автора, загл.: Дело убийц купца Кана и его семьи.

Источник информации об издании: Каталог книг Томской городской публичной библиотеки. Вып. 1. – Томск, 1901. – С. 145. В 2013 г. издание

было выявлено в одном из дел, хранящихся в фонде Государственного архива Томской области (см.: ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 38–52).

В темном царстве: рассказ / Всеволода Сибирского. – Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1889. – 53, [1] с., 16°. – Сибирский Вс. – псевд. В.А. Долгорукова. – Отг. из «Сиб. вестн.», 1889: [перепечатано для автора, из номеров «Сибирского вестника» за 1889 год].

Источник информации об издании: Каталог книг Томской городской публичной библиотеки. Вып. 1. – Томск, 1901. – С. 145. Издание было выявлено в 2013 г. в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ; коллекция Г.К. Тюменцева).

Не от скуки: стихотворения / Всеволода Долгорукова; [предисл. автора, с. 2]. – Томск: Тип. «Сиб. вестн.», 1890. – [4], 356 с. – Тираж 1200 экз. – Цена: 1 руб. 50 коп. на простой бумаге, 2 руб. на веленовой, за пересылку приплачивается 25 коп. – Дозволено цензурою. Москва, 20 июля и 7 октября 1888 г.

Объявление: (см.: Сибирский вестник, 1889, 24 июня (№ 72), с. 1). Текст объявления: Окончена печатанием и на днях выйдет в свет книга: «**Не от скуки**», *стихотворения Всеволода Сибирского*. Том 356 страниц. Цена на веленовой бумаге 2 рубля, на простой – 1 р. 50 к., за пересылку прилагается 25 к. Выписывающие из склада (типография «Сибирского вестника») за пересылку не платят. № 235. 1–(3).

Экземпляр книги был подарен А.П. Чехову. В.А. Долгоруков надписал на ней: «В знак памяти и уважения маленький писателишка талантливому А.П. Чехову. 1890, мая 20».

Содерж.: *В храме сокровища...* – С. 3; Из весенних песен. I: «Весна! зеленеют поля...»; II: На кладбище. – С. 4–5; *Когда бы солнца свет...* – С. 6; Из мотивов критян: [перевод]. I, II. – С. 7–9; *Помню маленький тот домик...*: [мотив с английского]. – С. 10–11; Начало нового века: [из Шиллера]. – С. 12–13; *Боже! какая тоска...* – С. 14; Русская песня. – С. 15; Из народных мотивов. – С. 16–17; *Мы спим – и реет ночь...*: [с болгарского]. – С. 18; *Сплю, но слышу голос...*: [с еврейского]. – С. 19–20; *Нет! не скажи...* – С. 21; Из поэмы «Нищета»: [отрывок]. – С. 22–24; *Труд – святое дело...* – С. 25; В родной деревне. – С. 26–27; *Годы летят...* – С. 28; Осень. – С. 29; *Гибнут силы...* – С. 30; *Юность, полная привета...* – С. 31; Не сойтись: [посвящен. А. Мак-ой]. – С. 32; Пророк: [перевод]. – С. 33–34; *Тот не погиб...* – С. 35; *Я верю в будущность...* – С. 36; Жрец славен храма...: [М.П. Тихомирову]. – С. 37;

Весной. – С. 38; *Молодые годы...* – С. 39; *Грезой яркой...* – С. 40; *Ласки мне, помню...* – С. 41; *Ждем чего-то мы...* – С. 42; *Не цветут уж больше...* – С. 43; *Придавленный судьбою...* – С. 44; *Из сумрачной дали...* – С. 45; Из прошлого. – С. 46; 27-го декабря 1877 года: [памяти Н.А. Некрасова]. – С. 47 [в тексте – «27 декабря 1877 г».]; *Сердце мучительно...*: [с болгарского]. – С. 48; Разбитые грёзы. – С. 49; *Добрая фея.* – С. 50; *Не покоряйся рабской...*: [с французского]. – С. 51; В дороге. – С. 52–53; *Ты когда-то так...* – С. 54; *Я бы пел любовь...* – С. 55; *Мой день прошел...* – С. 56; *Цепи, цепи роковые...* – С. 57; Сонет. – С. 58; *Минули молодые...* – С. 59; *Прошла весенняя...* – С. 60; *Клевета за клеветой...*: [другу прежних дней]. – С. 61; После болезни. – С. 62; *Оставь сомненье!*: [посв. М-ой]. – С. 63; *Грезы волшебные...* – С. 64; Она пришла. – С. 65; О, замолчи: [посв. О.Н. Пол-ской]. – С. 66 [в тексте – О, замолчи!]; *Грезы детства золотые...*: [с французского]. – С. 67–68; *Любовь – не те же ли...* – С. 69; *Смейся! поболее...* – С. 70–71; *Перед тобой с понишим...*: [посвящ. Г.А. Н-ву]. – С. 72; *Опальный край.* – С. 73; Из мира грез. – С. 74; *Зачем былое, с страстной...* – С. 75; Пробуждение. – С. 76; *Помнятся мне...* – С. 77; Призраки. – С. 78–79; В тайге. – С. 80; *Опали листья...* – С. 81; *В туманных грезах...* – С. 82; *На душе уныние...* – С. 83; Иллюзия. – С. 84–85; *Страшные годы:* [из тюремных мотивов]. – С. 45–46; 27 января 1837 – 1887 г.: [экспромт, прочитанный актером Фелоновым в бенефис г-жи Рудольф, перед бюстом Пушкина, на сцене Томского театра, 27 января 1887 года]. – С. 88; Из грез изгнанника. – С. 89–90; Юному другу: [посвящ. Пете Карт-шеву]. – С. 91; *Которые меня любили...* – С. 92–93 [в тексте – ...Которые...]; Родина. – С. 94–95; Отживающим. – С. 96–97; Памяти Островского: [экспромт]. – С. 98; *Этот год – ужасный...*: [посвящ. памяти Надсона и Крашевского]. – С. 99–100; *В каморке грязной...* – С. 101–102; *В молодые годы...* – С. 103; *Некогда, в ярком...* – С. 104; *Нет больше песен!* – С. 105; *Грезы живут...* – С. 106; *В сияньи лучезарном...* – С. 107; *Не много лет, но...* – С. 108; Без рассвета. – С. 109; Друзьям и недругам. – С. 110–112; *Душа истерзана тоской...* – С. 113; *Вечно под молотом!* – С. 114; Многим. – С. 115; При встрече. – С. 116; Счастливая минута. – С. 117; Ad Patres. – С. 118; *В безмолвии ночном...* – С. 119; В поле: [памяти бабушки]. – С. 120–121; Утро. – С. 122–123; *Помнишь время поры...* – С. 124; Стон: [посвящ. [памяти] Н.В. К-вой]. – С. 125–126; *Я преклоняюсь...*: [посвящ. М.П. Ар-ой]. – С. 127; *Мираж.* – С. 128; *Я один... кругом...* – С. 129; *Сняться мне, порою...* – С. 130–131; Кручинный путь. – С. 132–134; Без возврата. – С. 135; Поздно. – С. 136–137; *Вот дом родной...* – С. 138; *Пышным, ярким...* – С. 139; *Ярких грез, цветов...*: [посв. И.Г. Гамкрелидзе]. – С. 140; *Я живу среди недоли...* – С. 141; *Та, которую любил...* – С. 142; С киргизского. – С. 143–144; Деревенская картинка. – С. 145; *Когда душа озлоблена...* – С. 146; Памяти бабушки. – С. 147; На

покосе. – С. 148; Из грез о былом. – С. 149; *Я помню юные...* – С. 150; Заветный кубок. – С. 151–152; *Я помню ласки...* – С. 153; Разрушенные мечты. – С. 154–156; *Я песни пел...* – С. 157; *Я помню няню...* – С. 158; *Ты не пришла...*: [посвящ. М-ой]. – С. 159; В минуты хандры. – С. 160; *Мрак кругом и мрак...* – С. 161; *Тучи повсюду...* – С. 162–163; Грезы. – С. 164–165; Действительность. – С. 166–167; *Приди ко мне...* – С. 168 [стихотворение пропущено в «Оглавлении»]; *Счастья нет уже...* – С. 169; Музе. – С. 170; *С каждым днем...*: [посвящ. друзьям]. – С. 171–72; *Годы проходят...*: [с болгарского]. – С. 173–174; Памяти [Е.Ю.] Баршевского: [«*Над этой свежей могилой...*»]. – С. 175; Когда бы: [М.П. Арша-ой]. – С. 176–177; Один: [из сибирских рождественских рассказов]. – С. 178–183; Юному другу. – С. 184; *Волна несётся...* – С. 185; *Желаний страстных...* – С. 186; Из сибирских мотивов. 1–3. – С. 187–190; Новогодние иллюзии: [с английского]. – С. 191–194; Из мира грез: [памяти бабушки]. – С. 195–196; *Vivat Universitas!*: [экспромт на открытие Сибирского университета 22 июля 1888 года]. – С. 197; Христос воскрес: [пасхальный гимн]. – С. 198–200; *Не вернуть прошедшие...* – С. 201–202; С сербского: [из сборника Вука Караджича]. – С. 203; **Из Шевченки. I–XIII.** – с. 204–216; **Юмористические стихотворения:** Типы. Шутки. Экспромты: [**раздел**]. – С. 217–357; Ренегат. – С. 218–219; Оплошал. I–III. – С. 220–221; *Когда я был ребенком, – няня...* – С. 222 [в «Оглавлении» стихотворение не указано]; Современный романс. – С. 223–224; Не заклейте! – С. 225–226; Житейские примеры. – С. 227–230; Темы. – С. 231–232; Спим. – С. 233–234; Современный совет. – С. 235; Слово и дело. – С. 236–237; Желанная встреча. – С. 238; Из весенних песен: [посв. Мих. Иос. Карковскому]. – С. 239–240; Властный бог: [фантазия]. – С. 241–244; Идеал. – С. 245–246; Срезался. – С. 247–248; На новый год. – С. 249–250; Разочарование. – С. 251–252; Погремушек: [памяти Афон. –ова [т. е. А.П. Щапова – А.Я.]]. – С. 253–256; Замечательный медиум: [опыт спиритического сеанса в провинции]. – С. 257–259; Счастливый человек. – С. 260; На мотив Беранже. – С. 261; Романсы на современные темы. I, II. – С. 262–264; Счастливый век. – С. 265–266; Сладкий сон. – С. 267–268; Завидная доля. – С. 269–272; «Золотое время»: [из дедушкиных рассказов]. – С. 273–275 [*следует читать – ...: [рассказ дедушки] – А.Я.*]; Дом сумасшедших: [фантазия]. – С. 276–277; Просветление: [нечто в роде поэмы]. – С. 278–279; Действительность. – С. 280; Урок. – С. 281–282; Что ни шаг, то и актер. – С. 283–285; Обыденная история: [рифмы]. – С. 286–287; Сибирские мотивы. – С. 288–290; Век на новоселье! – С. 291–293; Хамелеон. – С. 294–295; Родной тип. – С. 296–297, Яркая звезда на «купецком» небе. – С. 298–300; Сказка [о славных «лыцарях»: хитроумном Кварце, Мочалке-конном, Рангузе и о глупом Маке]. – 301–307; Джентльмен Халустовский: [один из наших маленьких Неронов]. – С. 308–

310; Трактирщик Желтый: [фантазия из действительного мира]. – С. 311–313; Благополучный зубной врач: [баллада]. – С. 314–317; Благодетель рода человеческого. – С. 318–321; Мудрец. – С. 322–323; Идеал. – С. 324–325; Сын своего века. – С. 326–327; Ловкий человек. – С. 328–329; На всякого мудреца – довольно простоты. – С. 330–332; Автобиография одного из сибирских «просветителей». – С. 333–348 [в «Оглавлении» опечатка – Биография...; Экспромты. Шутки: **[раздел]**. I–XV. – С. 349–354 (содержание в тексте) I. После представления «Горе от ума»: [в Томском театре 1884 г.]. – С. 349; II. *Театр народною зовется школой...* – С. 349; III. Весна: [посвящ. провинциальным городам]. – С. 349; IV. Одному из многих. – С. 349–350; V. *Да, под влияньем просвещенья...* – С. 350; VI. Великий: [автору «золотых» и «острожных» книг]. – С. 350; VII. Одному из «насих». – С. 350. – Датировка – 1878 г.; VIII. Эпитафия. – С. 351; IX. *Всё одно и то же в мире...* – С. 351; X. *Замолкни сердце, брось мечтанья!..* – С. 351; XI. *Любить весь век – и без печали...* – С. 351–352; XII. *Голов у нас не занимать...* – С. 352; XIII. *Наш мир – огромная тюрьма...* – С. 352; XIV. Превращение. – С. 352–353; XV. Совет. – С. 353–354; Его. – С. 355–356. – Датировка – 1889 г.

Восточные сказанья [в стихах] / Северянина. – Томск: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1909. – 22 с. – Тираж 70 экз.

Содерж.: Турецкие события: (аллегорическое повествование). – С. 1–10; Сказанье о трех путешественниках. – С. 11–22.

Стихотворения / Всеволода Сибирского [псевд. В.А. Долгорукова] / [«Предисловие издательницы», с. 3–4]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – 521, IV, [2] с.

В предисловии от издательницы был опубликован фрагмент письма А.П. Чехова В.А. Долгорукову (с. 4).

Содерж.: В храме сокровища... – С. 5. – Датировка – 1889 г.; Весной. – С. 6; *Не покоряйся рабской...* – С. 7; *Боже! какая тоска...* – С. 8; *Я песни пел...* – С. 9; *Я помню няню...* – С. 10; *Нет! не скажи...* – С. 11; Из поэмы «Нищета»: (отрывок). – С. 12–14; Жрец славен...: [М.П. Тихомирову]. – С. 15; Весной. – С. 16; *Не цветут уж...* – С. 17; *Молодые годы...* – С. 18; *Придавленный судьбою...* – С. 19; *Из сумрачной дали...* – С. 20; Из прошлого. – С. 21; *Сердце мучительно поет.* – С. 22; Заветный кубок. – С. 23–24; *Смейся! поболее смеха!..* – С. 25–26; *Перед тобой...*: [посвящ. Г.А. Н-ву]. – С. 27; *Грезы детства...* – С. 28–29; *Зачем былое...* – С. 30; Пробуждение. – С. 31; Памяти бабушки. –

С. 32; *Когда бы солнца свет...* – С. 33; *Которые меня любили...* – С. 34–35; *Родина*. – С. 36–37; *Отживающим*. – С. 38–39; *Я бы пел любовь...* – С. 40; *Мой день прошел...* – С. 41; *На душе уныние...* – С. 42; *Иллюзия*. – С. 43–44; *Страшные годы*: [из тюремных мотивов]. – С. 45–46; 27 января 1837 – 1887 гг.: [экспромт, прочитанный актером Фелоновым в бенефис г-жи Рудольф, перед бюстом Пушкина, на сцене Томского театра, 27 января 1887 года]. – С. 47; *Новогодние иллюзии*: [с английского]. – С. 48–51; *Этот год – ужасный...*: [посвящ. памяти Надсона и Крашевского]. – С. 52–53; *В безмолвии ночном...* – С. 54; *В поле*: [памяти бабушки]. – С. 55–56; *Утро*. – С. 57–58; *Помнятся мне...* – С. 59; *Призраки*. – С. 60–61; *В тайге*. – С. 62; *В минуты хандры*. – С. 63; *Когда душа озлоблена...* – С. 64; *Мы спим...* – С. 65; *Мрак кругом...* – С. 66; *Тучи всюду...* – С. 67–68; *Грезы*. – С. 69–70; *Действительность*. – С. 71–73; *Приди ко мне...* – С. 74; *Счастья нет...* – С. 75; *Музе*. – С. 76; *С каждым днем...*: [посвящ. друзьям]. – С. 77–78; *Годы проходят...*: [с болгарского]. – С. 79–80; *Без возврата*. – С. 81; *Поздно*. – С. 82–83; *Из народных мотивов*. – С. 84–85; *Многим*. – С. 86; *При встрече*. – С. 87; *Душа истерзана тоской...* – С. 88; *Вечно под молотом!*.. – С. 89; *Некогда, в ярком сиянии...* – С. 90; *Нет больше песен!*.. – С. 91; *Грезы живут...* – С. 92; *В сиянии лучезарном...* – С. 93; *Не много лет...* – С. 94; *Без рассвета*. – С. 95; *Друзьям и недругам*. – С. 96–98; *После болезни*. – С. 99; *Ждем чего-то...* – С. 100; *Грезы волшебные...* – С. 101; *Я один...* – С. 102; *Осень*. – С. 103; *Гибнут силы...* – С. 104; *Счастливая минута*. – С. 105; *Юность, полная привета...* – С. 106; *На Урале*: [из дорожных впечатлений; посвящ. Ив. Кал. Голубеву]. – С. 107; *Будите!* – С. 108; *Был мрак кругом...* – С. 109; *Поэту*. – С. 110; *Весь окутан...* – С. 111; *Не вернуть...* – С. 112–113; *Пасхальный гимн*. – С. 114–115; *Новогодние грёзы*. – С. 116–117. – Датировка – 1895 г.; *На битву шел...* – С. 118; *Стою печально...* – С. 119; *Опали листья...* – С. 120; *В туманных грёзах...* – С. 121; *Труд – святое дело...* – С. 122; *В родной деревне*. – С. 123–124; *Годы летят...* – С. 125; *Я помню...* – С. 126; *Ни день, ни ночь...* – С. 127; *Кое-где лежит снежок...* – С. 128; *В лесу*. – С. 129; *На лоне природы*. – С. 130; *Отрывок*: [из поэмы «Освобожденный»]. – С. 131; *С болгарского*: [«Отовсюду грозная туча...»]. – С. 132; *Страницы былого...* – С. 133; *Юному другу*. – С. 134; *Я живу среди недоли...* – С. 135; *Милое личико...*: [посвящ. Е. Л-у]. – С. 136; *Из мотивов критян*: [отрывок]. – С. 137–138; *Диалог*: [посв. М. Ар-вой]. – С. 139–141; *Работай...*: [посв. Э.Е. Зол-вой]. – С. 142; *Когда-нибудь...*: [посвящается М. А-ой]. – С. 143–144; *Где светлый рай?..* – С. 145; *Сон богдыхана*: [посвящается О.В. Всеволожской]. – С. 146–149; *Где – скажи мне...*: [памяти Л-а]. – С. 150–151; *В глуши*. – С. 152–153; *Отцвели мои цветы...* – С. 154–155; *Пробуждение*. – С. 156; *В несчастьи...* – С. 157; *Стоят деревья...* – С. 158; *Зима*. – С. 159–160; *Тот не погиб...* – С. 161; *Я верю в будущее...* – С. 162; *Он умер...*: [посвящается памяти Н.М. Ядринцева (7-го июня 1894 г.)]. – С. 163; *Меня судь-*

ба не баловала... – С. 164–165; *Жар палит...* – С. 166; Из бурских мотивов. – С. 167–168; *Новый год...* – С. 169. – Датировка – 1901 г.; В дни недоли. I–IV. – С. 170–173; *Уходи же в область идеала...* – С. 174; Где доля? – С. 175; *Терпи – и смело...* – С. 176; Перед концом. – С. 177; *Всё весенней негой...* – С. 178; *И день и ночь...* – С. 179; Из мира сновидений. – С. 180–181; В минуты недуга: [посв. Н.П. Рыжакову]. – С. 182–183; *Он в мир пришел...* – С. 184; *Вперед! за истину...* – С. 185; Из осенних мотивов. – С. 186; *Дни идут...* – С. 187; Рассвет погас. – С. 188; Ей. – С. 189; Памяти Н.А. Некрасова: [к 25-летию со дня смерти, – 29 декабря 1877 г.]. – С. 190; В пути. – С. 191; Штрихи. – С. 192; Г.Н. Потанину: [21-го сентября 1905 года]. – С. 193–194; *Христос Воскрес!..* – С. 195–196; Из песен умирающего. – С. 197; *Дышит ласково природа...* – С. 198; Рассвет. – С. 199; Музе. – С. 200; *Много-много накопело...* – С. 201; Недопетая песня. – С. 202; *Друг! не горюй...*: [посвящ. И.И. Исупову]. – С. 203–204; *Хотя кой-где...* – С. 205; На пароходе: [из грёз в далёком былом]. – С. 206–208; *Звуки угнетают...* – С. 209–210; Из дум о свободе: [перевод]. – С. 211–212; Сонет. – С. 213; Из новых весенних песен. I, II. – С. 214–215. – Датировка – 1906 г.; Из дневника. – С. 216–219; *Он шел...* – С. 221; Да славится день. – С. 222–223 [в тексте – Да славится день Рождества Твоего]; Из дорожных впечатлений. – С. 224; *Порой не чувствую годов...* – С. 225; Памяти А.П. Чехова. – С. 226; *Я – певец...* – С. 227–228; *Христос, явись!..* – С. 229–230; В тумане. I–IV. – С. 231–234; Из весенних песен. – С. 235; *Мираж и действительность. I–III.* – С. 236–237; *Благоуханные зори...* – С. 238; *Смотрю на вас...* – С. 239; *Сохранив силу духа...* – С. 240; *На землю божество...* – С. 241; Из новогодних грёз. – С. 242–243; *Дни страданий...* – С. 244; *Рядом тени...* – С. 245; *К твоим ногам...* – С. 246; Л.Н. Толстому. – С. 247. – Датировка – 1908 г.; *Всё что было...* – С. 248–249; *Затихало сердце...* – С. 250–251; *Нескончаемой тканью...* – С. 252; *Ужас! ужас!..* – С. 253; Годы прошли. – С. 254–255; *С печальною весной...*: [из песен «Перед концом»: (на мотив Тардье)]. – С. 256–257; *Звон несётся погребальный...*: [памяти М-ва]. – С. 258–259; В дороге: [посвящ. И.К. Голубеву]. – С. 260–263. – Датировка – 1910 г.; *Над далекою страной...* – С. 264–265; Перед началом конца: [посв. И.К. Голубеву]. – С. 266–267; Из записной книжки¹. I–XLIX. – С. 268–290; Из мотивов критян: [перевод]. – С. 291–293; С английского. – С. 294; Начало нового века: [из Шиллера]. – С. 295–296; На мотив Гейне: [*«Та, которую любил...»*]. – С. 297; С киргизского. – С. 297–298; С еврейского. – С. 299; Сонет. – С. 300; С французского. – С. 301; Грёзы. – С. 302; С сербского: [из сборника Вука Караджича]. – С. 303–304; Из Шевченки. I–XX. – С. 304–327; Сибирские мотивы: **[раздел]**. – С. 328–374; Из грёз изгнанника. I–

¹ Включены в основном стихи, публиковавшиеся в журнале «Сибирский наблюдатель», журнале и газете «Сибирские отголоски» (1901–1912 гг.).

IV. – С. 328–333 (содержание в тексте: I. Из грез изгнанника, с. 328–330; II. Одиночество, с. 330–331; III. *Стояла ты передо мною...*, с. 332; IV. *Летний день, благоухая...*, с. 333–334); Сонет. – С. 334; *Цепи, цепи роковые...* – С. 334–335; *Минули молодые года...* – С. 335–336; *Прошла весенняя пора...* – С. 336; Кручинный путь. – С. 337–339; *Слякоть, холод...* – С. 339; В былом. – С. 340; Грёзы. – С. 341–342; В дороге. – С. 342; Опальный край. – С. 343–344; По тайге: [отрывок из поэмы]. – С. 344–348; Из весенних песен. I, II. – С. 348–350; Из прошлого. – С. 351–353; Один: [из сибирских рождественских рассказов]. – С. 354–359; Дорожные арабески. I–III. – С. 355–361; *Не пой, о, Муза...* – С. 362; *Снег хлопьями...* – С. 363; *Сижу один...* – С. 364; Из летних мотивов. – С. 365; Сибирские элегии. I–IV. – С. 366–373. – Примечания автора (с. 373); Она пришла. – С. 373–374; В альбомы. Посвящения. Эрот: [раздел]. I–LXIII. – С. 375–418 [в «Оглавлении» – I–XIV]: Не сойтись: [посвящен. А. Мак-ой]. – С. 382–383; Разбитые грёзы. – С. 383–384; XVII. Стон: [посвящ. памяти Н.В. К-вой]. – С. 384–385; У рояля. – С. 385; *Хлынул свет потоком...* – С. 386; Когда бы: [М.П. Арша-ой]. – С. 387–388; *Я песни...* – С. 388; В лесу. – С. 389; *Бьются ставни...* – С. 391; XXIV. *Сходит сумрак...*: [посв. М.П. Арш-ловой]. – С. 391–392; XXV. О, замолчи!: [посв. О.Н. Пол-ской]. – С. 392–393; *Я преклоняюсь...*: [посвящ. М.П. Ар-ой]. – С. 392–393; *Мираж*. – С. 394; *Снятся мне...* – С. 394–395; *Страстные речи...* – С. 395; *Оставь сомненья!*: [посв. М-ой]. – С. 396–397; *Уж последний луч...* – С. 397; Весеннее. – С. 397–398; *Волна несётся...* – С. 398; *Желаний страстных...* – С. 398–399; *Я помню ласки...*: [посв. Р-ой]. – С. 399–400; На покое. – С. 400–401; Деревенская картинка. – С. 401–402; *Войди ко мне...* – С. 402; Из мира грез. – С. 402–403; Из весенних песен. – С. 403–404; *Шутя ты...* – С. 404; *Пышным, ярким...* – С. 404–405; *Ярких грез...*: [посв. И.Г. Гамкредлидзе]. – С. 405; *Скучен день...*: [посв. М.П. Ар-ой]. – С. 406; *Пусть нет...*: [посв. сибирячке Д.Н. Г-дзе]. – С. 406–407; *Сердце забило тревогу...* – С. 407; *Ты мне дала всю свежесть...* – С. 407–408; *Я розу...* – С. 408; *Покорный раб...*: [А.П. П-ой]. – С. 409; *Сбросим цепи...* – С. 409; Сонет. – С. 410; *В порывах чудных...*: [А.П. Б-ой]. – С. 410–411; *Не знаю сам...* – С. 411; Порыв. – С. 412; *Словно слышу издадека...* – С. 412; *Восторг сжимает...* – С. 413; «*Возврата нет!*»... – С. 413–414; После концерта: [посв. Рейзенауэру]. – С. 414; *Когда поёшь ты...*: [посвящается В.А. Кронебергу]. – С. 415. Датировка – Томск, 18 февраля 1899 г.; Певице: [посвящается К.И. Томашинской]. – С. 415–416; LXI. Экспромт: [посвящ. артистке В.Э. Киселевой]. – С. 416; *Вся жизнь моя...* – С. 417; *Мне с тобой...*: [посв. М.П. Д-вой]. – С. 417–418; Юмористические стихотворения: [раздел]. – С. 419–521; Оплошал. I–III. – С. 419–420; Не заклейте! – С. 421–422; Житейские примеры. – С. 423–425; Спим. – С. 426–427. Датировка – 1885 г.; Благоразумный совет. – С. 428; Желанная встреча. – С. 428–429; Из весенних песен: [посвящ. Мих. Иос. Карковскому]. – С. 429–431; Властный

бог. – С. 431–434; Срезался. – С. 434–436; Разочарование. – С. 436–437; Погребушек: [памяти Афон. Щ-ова]. – С. 437–441; Замечательный медиум: [опыт спиритического сеанса в провинции]. – С. 442–444; Счастливый человек. – С. 445; Слово и дело. – С. 446–447; Счастливый век. – С. 447–449; Сладкий сон. – С. 449–450; Завидная доля. – С. 450–453; «Золотое время»: [из дедушкиных рассказов]. – С. 454–456; Дом сумасшедших. – С. 457–458; Просветление: [нечто в роде поэмы]. – С. 458–459; Действительность. – С. 460; Разрушенные мечты. – С. 460–462; Урок. – С. 463–464; Век на новосельи! – С. 464–466; Хамелеон. – С. 467–468; Благодетель. – С. 468–472; Идеал. – С. 472–473; Идеал. – С. 472–473; Современные пилаты. – С. 474–476; Ловкий человек. – С. 476–478; На всякого мудреца – довольно простоты. – С. 478–480; Сын своего века. – С. 481–482; Статским советником. – С. 482–483 [в тексте – *Статские советники в прежние года...*: [посв. отставным статским советникам]]; На новый год. – С. 484–485; Автобиография. – С. 485–505 [в тексте загл. – Автобиография одного из сибирских «просветителей»: [эпическое сказание]]. – Датировка – 1885 г.; Экспромты. Шутки. Типы: **[раздел]**. I–XXV. – С. 506–519 (содержание в тексте: I. После представления «Горе от ума»: [в Томском театре 1884 г.]. – С. 506; II. *Театр народною зовется школой...* – С. 506; III. Весна: [посвящ. провинциальным городам]. – С. 507; IV. Одному из многих. – С. 507; VI. *Да, под влияньем просвещенья...* – С. 507–508; V. Великий: [автору «золотых» и «острожных» книг]. – С. 508; VII. Рыцарь. – С. 508. – Датировка – 1878 г.; VIII. Эпитафия. – С. 508; IX. *Всё одно и тоже в мире...* – С. 509; X. *Замолкни сердце, брось мечтанья!..* – С. 509; XI. *Любить весь век – и без печали...* – С. 509; XII. *Голов у нас не занимать...* – С. 510; XIII. *Наши мир – огромная тюрьма...* – С. 510; XIV. *Творим мы часто зло без цели...* – С. 510; XV. *Только плети, только плети...* – С. 511; XVI. Счастливая пора. – С. 511; XVII. Обыденная история: [рифмы]. – С. 512–513; XVIII. «Со злом за правду смело в битву...». – С. 513; XIX. «За свободою гонялись...». – С. 513; XX. Образец панегирика. – С. 514; XXI. Бестолковые рифмы. – С. 514–515; XXII. *Редька с квасом, щи с грибами...* – С. 515; XXIII. Типы и типики. – С. 516–518; XXIV. *Воды чистойшей радикал...*: [посв. И. Д. С.]. – С. 519; XXV. *Новый год! надежды, грезы!..*: [экспромт]. – С. 519; Ego. – С. 520–521.

2.1 Издательская деятельность (книги)

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России с подробным дорожником; Спутник по минераль-

ным водам Азиатской России: описание городов и разных местностей. Достопримечательности. Сведения о речных и сухопутных сообщениях. Судопроизводство и судоустройство / сост. под ред. В.А. Долгорукова (Н.А. Гурьевым¹ и В.А. Долгоруковым). – Томск: Паровая типолитогр. П.И. Макушина, 1895. – [406] с. разд. паг., [20] л. ил., портр., карт. – В последующих изд. сост.: В.А. Долгоруков.

Рец.: «Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России». Н. А. Гурьева и В.А. Долгорукова. – «Крестный календарь на 1896 г.». А. Гатцука. – «Современный календарь на 1896 г.». А.Д. Ступина: [из разд. «Справочные книги и календари» отд. «Библиография»] // Русская мысль. – 1895. – № 10. – С. 523–524.

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год второй = Guide a travers la Sibirie et les territoires Russe en Asie Centrale / сост. В.А. Долгоруков. – Томск: Тип. Г.В. Прейсмана и Н.Я. Беляева, 1897. – [548] с. разд. паг., [17] л. ил., рис., фот.: ил. – Парал. загл. и текст: рус., фр. – Указ. важных наименований, вошедших в рус. текст «Путеводителя»: с. 1–7 [3-я паг.].

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год третий = Guide a travers la Sibirie et les territoires Russe en Asie Centrale / [сост.] В.А. Долгоруков. – Томск: Паровая типолитогр. П.И. Макушина, 1898. – 569 с. разд. паг., [10] л. ил., фото, портр., карт. – Парал. загл.: фр. – Указ. главнейших наименований: с. 3–8.

Рец.: А. К. [Рецензия] / А. К. // Енисей. – 1898. – № 120.

Рец.: Библиографическая заметка // Сибирская жизнь. – 1898. – 7 июля (№ 142). – С. 3. – Подпись: –ский.

Загл.: Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России, составленный В.А. Долгоруковым. Год 3-й. Томск, 1898 г.

---

¹ Н.А. Гурьев в своём издании «Практический путеводитель по Сибири и Туркестану» (Гурьев, Н.А. [сост.изд.]. 1-е изд. – Томск: Тип. Г.В. Прейсмана и Н.Я. Беляева, 1896. – С. 2) утверждал, что в книге вся чисто путеводительная часть была составлена им.

Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Год четвертый = Guide a travers la Sibirie et les territoires Russes en Asie Centrale = Ein Führer durch Sibirien und die Mittelasiatischen Besitzungen Russlands / [сост.] В.А. Долгоруков. – Томск: Паровая типолиитогр. П.И. Макушина, 1899. – [776] с. разд. паг., [6] л. ил., фот.: ил., рис., фот. – Парал. загл. и рез.: фр., нем. – Указ. главнейших наименований: с. 1–6 [2-я паг.].

Рец.: Библиография // Сибирская жизнь. – 1899. – 22 июня (№ 131). – С. 3–4. – Подпись: В. Ф. [т. е. – В. Ф.].

Загл.: **В. А. Долгоруков.** Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Томск. 1899 г.

Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России с подробным дорожником: Описание городов и разных местностей. Достопримечательности. Сведения о речных и сухопутных сообщениях, судопроизводство и судоустройство. Спутник по минерал. водам Азиат. России / В.А. Долгоруков. Год 5-й. – Томск: Паровая типолиитогр. П.И. Макушина, 1900. – 804 с. разд. паг.: ил., табл., 1 вкл. л. портр., 24 л. ил., карта.

Рец.: Библиография // Сибирская жизнь. – 1900. – 23 авг. (№ 183). – С. 3. – Подпись: Ф. [т. е. – Ф.].

Загл.: **В. А. Долгоруков.** Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. Томск. 1900 г.

Альбом Дорожника по Сибири и Азиатской России: (виды местностей, зданий, типы народностей). [Вып. I] / издание В.А. Долгорукова. – Томск: Паровая типолиитогр. П.И. Макушина, 1901. – [25] л.: ил.

Путеводитель по всей Сибири и средне-азиатским владениям России с подробным дорожником: Описание городов и разных местностей. Достопримечательности. Сведения о речных и сухопутных сообщениях, судопроизводство и судоустройство. Спутник по минерал. водам Азиат. России / В.А. Долгоруков.

Год 6-й. – Томск: Паровая типолитогр. П.И. Макушина, 1901. – VII, II, 432, VIII с.: ил., рис., табл.

Рец.: Библиография // Сибирская жизнь. – 1901. – 18 сент. (№ 202). – С. 3–4. – Без подписи.

Загл.: **В. А. Долгоруков.** Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатским владениям России. (Шестое издание). Цена 1 р. 25 к.

Путеводитель по всей Сибири и Азиатским владениям России. 7-й год: с 142 фото-типогравюрами и картой Империи / В.А. Долгоруков. – Томск: Паровая типолитогр. П.И. Макушина, 1903–1904 (изд. в 1903 г.). – 552 с. разд. паг.: ил., портр., табл.

Альбом «Сибирского наблюдателя» = Album de l'Observateur Sibérien. (Вып. 2): (Виды местностей, зданий, типы народностей). – Томск: Паровая типолитогр. П.И. Макушина, 1904. – 32 л. (в основном ил., фото).

2.2 Издательская деятельность

(журналы, газеты)

Дорожник по Сибири и Азиатской России = Itinéraire a Travers la Sibérie et la Russie d'Asie: журнал. 1899, кн. 1 (янв.) – 1901, кн. 4. Томск, 6 раз в год (1 раз в 2 мес.). Разрешение на издание было получено до 19 нояб. 1898 г. Ред.-изд. – В.А. Долгоруков. Паровая типолитогр. П.И. Макушина.

Был издан указатель содержания [за 1899–1901 гг. (изд. в 1902 г.)].

Далее (заглавие с мая 1901 г.): «Сибирский наблюдатель».

Сибирский наблюдатель = L'Observateur Sibérien: ежемесячный иллюстрированный журнал. Подзаголовок – «бывший Дорожник по Сибири и Азиатской России». 1901, № 1 – 1906, № 1. Томск, ежемес. Ред.-изд. – В.А. Долгоруков. Паровая типолитогр. П.И. Макушина. В каждом номере резюме на французском языке.

Был издан указатель содержания [за 1901–1902 гг. (изд. в 1902 г.)].

Далее (загл. с марта 1906 г.): «Сибирские отголоски».

Сибирские отголоски: политический, общественный, литературный журнал (до июля 1907 г.). В шапке 1906 г. – еженедельный иллюстрированный, политический, общественный и литературный журнал; в июле 1907 г. – политическая, общественная и литературная, иллюстрированная, «дешевая и общедоступная» газета; с № 1 за 1 авг. 1909 г. – литературно-общественная, политическая ежедневная газета. Подзаголовок – «Бывший «Сибирский наблюдатель». 1906–1910. Ред.-изд. (разновременно): В.А. Долгоруков, с № 41 (2 марта 1908 г.) – В.А. Долгоруков и В.Т. Молотковский (в конце 1908 г. – В.А. Долгоруков), А.И. Збукирев (ред. с 1 авг. 1910 г. (№ 1)). Изд. (разновременно): В.А. Долгоруков, В.Т. Молотковский, М.И. Преловский (изд. с 1 авг. 1910 г. (№ 1)). Паровая тип. Н. И. Орловой.

«Бубенцы»: сатирическо-карикатурный отдел (листок) «Сибирских отголосков». Приложение к журналу и газете «Сибирские отголоски», далее – самостоятельный журнал. 1906, № 1 (июнь) – 1909 (из объявления о подписке на 1909 г.). Томск, 1–2 раза в мес. Нумерация началась с № 16 1906 г. по № 16 1907 г., чередовалась с нумерацией номеров «Сибирских отголосков». Ред.-изд. – В.А. Долгоруков. Паровая типолитогр. П.И. Макушина (1906–1907 гг.).

3. Публикации в периодической печати

Художественные произведения

Мнимый брак: (рассказ) // Колосья: [журнал]. – 1885.

Весна: (экспромт): [стихотворение] / Всеволод С. // Сибирский вестник. – 1887. – 4 апр. (№ 41). – С. 1.

Христос Воскресе!: рассказ / Всеволод С. // Сибирский вестник. – 1887. – 4 апр. (№ 41). – С. 2–3.

Среди грёз: [стихотворение] / Всеволод С. // Сибирский вестник. – 1887. – 12 июля (№ 80). – С. 3.

Спичка: [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1889. – 25 марта (№ 36). – С. 1.

А. А. Фету: (в честь 50-летнего юбилея его литературной деятельности): [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1889. – 1 марта (№ 25). – С. 2.

После концерта 17 апреля: (посв. г. Рейзенауэру): [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1889. – 19 апр. (№ 43). – С. 2.

Дачные идиллии в Томске: (поэма без конца) / Гаврила Томский // Сибирский вестник. – 1889. – 28 июня (№ 73). – С. 1.

По тайге: (отрывок из поэмы) / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1889. – 9 июля (№ 78). – С. 1.

«С тех пор уже много лет прошло...»: *Воскресенья день! Просветимся, людие...*: [стихотворение] / Всеволод С-ий // Сибирский вестник. – 1890. – 1 апр. (№ 38). – С. 1.

Христос Воскрес: (набросок): [рассказ] / Всеволод С-кий // Сибирский вестник. – 1890. – 1 апр. (№ 38). – С. 1.

Злобы дня: (фельетон в стихах) / Всеволод С. // Сибирский вестник. – 1890. – 4 июня (№ 62). – С. 1.

Экспромты в честь «знаменитостей» [в стихах] // Сибирский вестник. – 1890. – 15 мая (№ 54). – С. 2. – Авторы: Женя и Гавр. Томский; 23 мая (№ 57). – С. 2. – Авторы: Женя и Гавр.

Томский; 6 июня (№ 63). – С. 3. – Авторы: Женя, Лена и Гавр. Томский. – Продолжение когда-нибудь будет.

Шутка: (пародия): [«Много уж дней...»: стихотворение] / Гавр. Томский // Сибирский вестник. – 1890. – 13 июня (№ 66). – С. 3.

Литературная богема: (отрывки из 1-й части романа-хроники «В житейском омуте»): [1-я часть автобиогр. романа] / Г.В. Суздальский; примеч. ред. // Сибирский вестник. – 1890. – 15 июня (№ 67). – С. 2–3; 20 июня (№ 69). – С. 2–3; 27 июня (№ 72). – С. 2–3; 4 июля (№ 75). – С. 2–3; 11 июля (№ 78). – С. 1–2; 18 июля (№ 81). – С. 1–3; 25 июля (№ 84). – С. 1–2.

Текст примечания в № 67: Роман этот состоит из трех частей. Вторая носит название «Мишура и грязь» и в ней автор вводит нас в два мира: высшего петербургского и московского обществ и мир разных прожектеров и аферистов. Третья часть называется «Гюрьма и край неволи». Пока мы помещаем извлечение из первой части, озаглавленной автором «Литературная богема». Роман охватывает 60-ые года в первой части и 70-ые – в последующих.

Текст примечания в № 84: Вторая часть этого романа – «Мишура и грязь», – по условиям времени, требует значительных сокращений и потому начнется печатанием не ранее, как через месяц.

Заявленные к напечатанию 2-я и 3-я части романа не были опубликованы.

Красят магазин: (набросок): [рассказ] / Г.В. Суздальский // Сибирский вестник. – 1890. – 20 июля (№ 82). – С. 3.

«Велик и славен город наш!...»: (экспромт): [стихотворение] / Гавр. Томский // Сибирский вестник. – 1890. – 25 июля (№ 84). – С. 3.

12 мая 1891 года: [стихотворение, посвящ. посещению Томска Цесаревичем Николаем Александровичем] / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1891. – 5 июля (№ 76). – С. 1.

«Он не поймёт твоих высоких чувств...»: [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирский наблюдатель. – 1901. – Кн. 10. – С. 48.

«Все те же думы и стремленья...» [стихотворение из цикла «Из записной книжки»] / Всеволод Сибирский // Сибирский наблюдатель. – 1901. – Кн. 11. – С. 87.

Мишка Блоха: (из рассказов заключенного) / Всеволод Сибирский // Сибирский наблюдатель. – 1902. – Кн. 1. – С. 23–28.

Памяти А.П. Чехова: [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7/8. – С. 91;

То же // Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский. – Томск, 1912. – С. 226;

То же // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 147.

Стихотворение опубликовано в статье Н.В. Жилияковой «Прощание Томска с Чеховым: 1904 год».

Типы и типики: [цикл юмор. 4-стиший] // Сибирские отголоски. – 1906. – № 4 (26 марта). – С. 16; № 8 (1 мая). – С. 15; № 9 (7 мая). – С. 16. – Подписи: Всеволод Сибирский; Вс. Сибирский.

Рифмы на современные темы [в стихах] / Всеволод Сибирский // Сибирские отголоски. – 1906. – № 5 (2 апр.). – С. 16.

Здесь же: Советы [в прозе]: (подражание незабвенному Кузьме Пруткову) / Гав. Томский.

Афоризмы и изречения: из «Отдела юмористики» / Гаврилы Томский // Сибирские отголоски. – 1906. – № 8 (1 мая). – С. 15.

Перед весной: [«Кое-где лежит снежок...»] / Всеволод Сибирский // Сибирские отголоски. – 1906. – № 9 (7 мая). – С. 4.

В сборнике 1912 г. заглавие стихотворения опущено.

«Оковы распались, – я вышел на волю...»: [стихотворение] / Всеволод Сибирский // Сибирские отголоски. – 1906. – № 15 (№ 18 июня). – С. 4.

О, колыбель моя Сибирь!: стихотворения / [сост. В.М. Сердюк]. – Томск: Томское кн. изд-во, 1991. – 222, [1] с.

Содерж.: О В.А. Долгорукове, с. 76; «Мы спим – и реет ночь над нами...». – С. 77; Посвящается памяти Н.М. Ядринцева, 7-го июня 1894 г. – С. 78–79; В тайге. – С. 80; В былом. – С. 81; «Молодые годы вспомните, друзья...». – С. 83; «Да, под влияньем просвещения...». – С. 84; «Сегодня – анархист...». – С. 85.

После представления «Горе от ума»: (В томском театре 1884 г.): [стихотворение-экспромт] // Суздальский, В.И. Театр уж полон...: из истории Томского драматического [театра]. – Томск, 1995. – С. 17.

Ранее стихотворение-экспромт было опубликовано в сборниках Всеволода Сибирского [В.А. Долгорукова] – «Не от скуки» (Томск, 1890, с. 349), «Стихотворения» (Томск, 1912, с. 506).

Пусть нет...: (посвящается сибирячке Д.Н. Г-дзе): [стихотворение] // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 83.

Стихотворение было опубликовано в статье В.М. Костина «Томск в 1890 году, или Два метеора».

Ранее стихотворение-экспромт было опубликовано в сборнике Всеволода Сибирского [В.А. Долгорукова] «Стихотворения» (Томск, 1912, с. 406–407).

Публицистика, фельетонистика, статьи

Мысли вслух // Сибирский вестник. – 1889. – 7 июня (№ 64). – С. 1–2. – Подпись: Всеволод С.

По поводу дела бывшего издателя газеты «Сибирь» [А.П.] Нестерова, рассматривавшегося в Иркутском губернском суде [см. сообщение от иркутского корреспондента газеты, № 41].

Приведен ряд биографических сведений.

В конце дано стихотворение автора публикации: «Фортуна очень своенравна...»; стихотворение более нигде не публиковалось.

М.Е. Салтыков[-Щедрин: биограф. сведения] / Всеволод Сибирский // Сибирский вестник. – 1889. – 3 мая (№ 49). – С. 1.
Публикация связана со смертью писателя.

Переселенческое движение: [публ. из одноимен. цикла ст.] / Всев. Сиб. // Сибирский вестник. – 1890. – 8 июля (№ 77). – С. 2; 11 июля (№ 78). – С. 2.

М.А. Архангельский. † 24 декабря 1891 г.: [некролог; о смерти тюремного инспектора по Томской губернии] / Всевол. Д-ов // Сибирский вестник. – 1891. – 29 дек. (№ 150). – С. 2.

Из сибирской старины: [о том, как заключались браки между сибирскими крестьянами в 1820-х гг.] / Всевол. Сиб-кий // Сибирский вестник. – 1891. – 20 дек. (№ 147). – С. 3.

Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных / Всевол. Сибирский // Сибирский вестник. – 1897. – 17 дек. (№ 108). – С. 2.

Томские негативы: [обзор томской жизни] / Гвидон // Енисей (Красноярск). – 1901. – 16 июля (№ 83). – С. 2–3; 9 авг. (№ 93). – С. 2–3; 17 сент. (№ 110). – С. 2–3; 4 окт. (№ 117). – С. 2–3.

Сибирские отголоски: [рубр.: из отд. «Смесь»] / Гвидон // Сибирский наблюдатель. – 1901. – Кн. 8. – С. 109–114; Кн. 10. – С. 116–123; кн. 12. – С. 86–92.

Заметки наблюдателя: [рубр.: из отд. «Смесь»] / Гвидон // Сибирский наблюдатель. – 1901. – Кн. 7. – С. 84–90; Кн. 9. – С. 90–96; Кн. 11. – С. 114–117.

А.П. Чехов / Вс. Долгоруков // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 7/8. – С. 210–217. – Воспоминания автора об А.П. Чехове: с. 216–217.

Рецензии

1. Рецензии на книги

Библиографические заметки / Всев. С. // Сибирский вестник. – 1890. – 13 июня (№ 66). – С. 3.

Заглавия 2 заметок: I. «К материалам для медико-топографического описания озера Широ» (с картою), приложение к протоколам общества врачей Енисейской губернии, доклад члена-соревнователя И.Т. Савенкова. Красноярск, типография Е.Ф. Кудрявцева, 1890 года, 48 стр.; II. Отчет по Нерчинскому публичному музею и Нерчинской городской общественной библиотеке за 1889 г. (третий год существования). Нерчинск, типогр. М.Д. Бутина, 1890 г.

Литературная беседа: «Русская мысль», «Северный вестник» и «Русская старина», за апр. месяц; «Вестник Европы», за май месяц / Всевол. Сиб-кий // Сибирский вестник. – 1890. – 22 июня (№ 70). – С. 1–2.

Литературная беседа: «Русская старина», за май и июнь; «Северный вестник», за май / Всевол. Сиб-кий // Сибирский вестник. – 1890. – 27 июня (№ 72). – С. 1–2.

Библиографическая заметка / Всев. С. // Сибирский вестник. – 1890. – 4 июля (№ 75). – С. 2.

Загл.: Библиографический указатель статей, корреспонденций и заметок в Сибирской периодической печати о золотопромышленности Сибири, Д. Головачева. С.-Петербург, 1890 г., 60 стр. Цена 40 к.

Библиографическая заметка / Всевол. С. // Сибирский вестник. – 1890. – 27 июля (№ 85). – С. 3.

Загл.: Устав о ссыльных, исправленный и дополненный по продолжениям к своду законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. Составлен и издан помощником саратовского губернского тюремного прокурора (бывшим товарищем томского прокурора) И. Сементовским. – Томск, типолитография Михайлова и Макушина. 1890 г.

Томск, 31 июля: [обозрение жизни Томска: из отд. «По городам и селам»] / Томский обозреватель [В.А. Долгоруков?] //

Енисейский листок (Красноярск). – 1893. – 15 авг. (№ 33). – С. 4.

В т. ч. о предстоящем издании в Томске «Сибирского торгово-промышленного календаря на 1894 год», предпринятым [Ф.П.] Романовым.

Библиографическая заметка / В. С-кий [Всеволод Сибирский?] // Енисейский листок (Красноярск). – 1893. – 28 нояб. (№ 48). – С. 3.

Загл.: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1894 год, изд. Ф.П. Романова. Томск, 1893 г. – типолитография П.И. Макушина, и частью, типография Е. Кудрявцева, в Красноярске.

[Рецензия на отдельный оттиск статьи П.М. Головачева «Ближайшие задачи исторического изучения Сибири» из «Журнала Министерства народного просвещения», 1902, № 9] / В. Долков // Сибирский наблюдатель. – 1902. – Кн. 11. – С. 159–161.

[Рецензия на книгу П.М. Головачева «Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири»: оттиск из журн. «Земледелие», М., 1902] / В. Долков // Сибирский наблюдатель. – 1902. – Кн. 10. – С. 158–159.

[Рецензия на книгу П.М. Головачева «Иркутское лихолетье 1758–1760 гг.: «Летопись о Крылове» и ее разбор», М., 1904] / В. Долков // Сибирский наблюдатель. – 1904. – Кн. 4. – С. 175.

[Рецензия]: из отд. «Библиография» / Гаврила Томский // Сибирский наблюдатель. – 1904 (в вып. дан. 1905). – № 11–12. – С. 287–288.

Загл.: К.Н. Евтропов. Лепта к трехсотлетию г. Томска. История Троицкого кафедрального собора в Томске в связи с историею города Томска. Томск, 1904.

[Рецензия на книгу П.М. Головачева «Сибирь: Природа, люди, жизнь». – М., 1905] / В. До-ов // Сибирский наблюдатель. – 1905. – Кн. 7. – С. 165.

Библиография: «Вестник Европы», за январь и февраль 1906 г. // Сибирские отголоски. – 1906. – № 1 (12 марта). – С. 16. – Подпись: В. Д.

Библиография: [рец.] / Гав. Томский; В. Д. // Сибирские отголоски. – 1906. – № 3 (19 марта). – С. 15.

Из содерж.: Товарищеское издание. Первый литературный сборник сибиряков. – Рассказы и стихотворения. Томск, 1906. Ц. 1 р.

Библиография: [3 рец.] // Сибирские отголоски. – 1906. – № 15 (18 июня). – С. 16.

В т.ч. рецензия на книгу С.К. Кузнецова.

Библиография // Сибирские отголоски. – 1906. – № 37 (19 нояб.). – С. 16. – Подпись: В. Д-ов.

Загл.: Наши юмористы за 100 лет в карикатурах, прозе и стихах. Обзор юмористической литературы и журналистики. СПб., 1906 г. 1/8 д. л. бол. фор., в два столбца, изд. П. Сойкина.

Библиография: [обзоры 3 журналов: «Сибирские вопросы», «Вестник Европы» и «Русский вестник»] // Сибирские отголоски. – 1906. – № 39 (3 дек.). – С. 13. – Подписи: Гаврила Томский; В. Д-ов.

Библиография // Сибирские отголоски. – 1907. – № 14 (8 апр.). – С. 14. – Подпись: Г. Томский.

Загл.: Г. Вяткин. Стихотворения. Томск, 1907 г.

Немного библиографии // Сибирские отголоски. – 1907. – № 17. – С. 11. – Подпись: В. Д.

Загл.: «Помощь голодным». Собрание авторов и факсимиле ученых, художников, общественных и политических деятелей, артистов и писателей. Издание М.М. Зензинова. Москва, 1907 г.

Библиография / Гаврила Томский // Сибирские отголоски. – 1910. – 25 июля (№ 105).

Загл.: П. Шебеков. – Сказки жизни. Стихи. Томск, 1910. 82 стр. ц. 40 к.

2. Рецензии на спектакли¹

[О дебютном концерте певицы М.П. Аршауловой, данном в театре Королева 9 апреля]: из рубр. «Сибирская летопись» // Сибирский вестник. – 1887. – 12 апр. (№ 42). – С. 2. – Подпись: Один из публики.

Театр и музыка: [о спектакле 24 сентября по драме Н.А. Потекина «Злоба дня»] / В. Д-ов // Сибирский вестник. – 1896. – 26 сент. (№ 210). – С. 3.

Театр и музыка: [о спектакле, данном 15 октября, по пьесе Л. Толстого «Власть тьмы»] / В. Д-ков // Сибирский вестник. – 1896. – 19 окт. (№ 228). – С. 3.

Театр и музыка: [обзор постановок] / В. Д-ков // Сибирский вестник. – 1897. – 3 янв. (№ 2). – С. 3.

Театр и музыка: [о спектаклях нового зимнего сезона] / Всев. Долг-ков // Сибирский вестник. – 1897. – 17 дек. (№ 108). – С. 4.

Театр и музыка / В. Правдин; В. Д. // Сибирские отголоски. – 1906. – № 1 (4 марта). – С. 12–14: ил.; № 37 (19 нояб.). – С. 11; № 25 (27 авг.). – С. 13–14. – Подписи: В. Д-в; В. Правдин.

Театр и музыка: концерты; «Дети солнца» М. Горького / В. Правдин; Неизменный театрал // Сибирские отголоски. – 1906. – № 2 (12 марта). – С. 11–13.

---

¹ Только с 1896 г. В.А. Долгоруков начал использовать для подписей свою фамилию, ранее – только подпись «Неизменный театрал», которой в дальнейшем нечасто, но пользовался.

Театр и музыка // Сибирские отголоски. – 1906. – № 3 (19 марта). – С. 10. – Подпись: В. Д.; № 9 (7 мая). – С. 14–15. – Подпись: В. Д.-ов; № 17 (2 июля). – С. 13–14. – Подпись: В. Д.

Театр и музыка: [2 заметки] // Сибирские отголоски. – 1906. – № 38 (26 нояб.). – С. 5. – Подписи: Гаврила Томский; В. С.

У Оноре: [из рубр. «Томская хроника»] // Сибирские отголоски. – 1906. – № 35 (5 нояб.). – С. 13–14. – Подпись: В. Д.-ов.
О гастролях в Томске барнаульского гипнотизера Л.Л. Оноре.

Томск: [из разд. «Провинциальная хроника»] / Всеволод Сибирский // Театр и искусство: [журн.] (СПб.). – 1907. – № 18. – С. 306.

II. О жизни и творчестве В.А. Долгорукова

Клуб червонных валетов. Уголовный процесс / изд. Н. Н. З. – М., 1877. – [1], 593 с.
О В.А. Долгорукове, с. 199, 562–566, 587.

Местная хроника: [о деятельности частной конторы «адвоката Крап Крапыча»] // Сибирский вестник. – 1894. – 17 авг. (№ 95). – С. 2. – Без подписи.

А. К. [Ковнер, А.Г.]. Тюремные воспоминания // Исторический вестник. – 1897. – Т. 67, № 1. – С. 172, 177–178.

Местная хроника // Сибирский вестник. – 1898. – 16 янв. (№ 12). – С. 2.

Текст заметки: Составитель «Путеводителя по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» В.А. Долгоруков получил на днях уведомле-

ние, что жюри международной выставки, бывшей в минувшем году в Бордо (во Франции) присудили ему *серебряную медаль* за его «Путеводитель» с французским текстом (за дешевизну и интерес издания), представленный им на означенную выставку.

[Объявление] // Сибирская жизнь. – 1898. – 14 авг. (№ 173). – С. 1; Сибирский вестник. – 1898. – 11 авг. (№ 172). – С. 1.

Текст объявления: Частный поверенный при Томском окружном суде В. А. Долгоруков принимает на себя ведение гражданских дел и защиту уголовных по доверенностям. Томск – Дворянская ул., д. № 36. Прием от 9 до 11 ч. утра и от 4 до 6 ч. вечера. [Иногородные адресуют письма: Томск. В.А. Долгорукову; телеграммы: Томск – Долгорукову].

Местная хроника // Сибирский вестник. – 1898. – 19 нояб. (№ 249). – С. 2.

Текст заметки: Мариинскому 2-й гильдии купцу В.А. Долгорукову разрешено издавать шесть раз в год в г. Томске, с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством, сборник, под названием: «Дорожник по Сибири и Азиатским владениям России», цензурирование которого возложено на Московский цензурный комитет.

Жорж, В. Словарь томских литераторов // Осы: лит.-сатир. листок: [журн.]. – Томск, 1906. – № 18 (21 июня). – С. 6–7. – Подпись: Жорж В.

О В.А. Долгорукове, с. 6. – Текст: Д. Долгоруков. Ред.-изд. «Сибирских отголосков» – издания, имеющего громадное распространение: последний № разошелся более чем... в 5 экз.

[Извещение о смерти В.А. Долгорукова 27 июля в 9 часов вечера и его похоронах 29 июля на Вознесенском кладбище] // Сибирская жизнь. – 1912. – 29 июля (№ 169). – С. 1.

[Извещение о смерти В.А. Долгорукова от Совета старшин Томского коммерческого собрания] // Там же. – С. 1.

[Извещение о смерти В.А. Долгорукова] // Утро Сибири. – 1912. – 29 июля (№ 168). – С. 1.

Кончина В.А. Долгорукова: [заметка из отд. «Томская жизнь»] // Сибирская жизнь. – 1912. – 29 июля (№ 169). – С. 3. – Без подписи.

Щебеков, П. В.А. Долгоруков: [некролог] / П. Щебеков // Утро Сибири. – 1912. – 29 июля (№ 168). – С. 3. – Опечатка, вернее: П. Шебеков. – В некрологе дата смерти: «В ночь на 28 июля».

Крутовский, Вс. М. От изданий В.А. Долгорукова до «Утра Сибири»: [раздел ст. «Периодическая печать»] / Вс. М. Крутовский // Город Томск: [сб. материалов] / изд. Сиб. т-ва печат. дела. – Томск: Типолитогр. Сиб. т-ва печат. дела, 1912. – С. 301–303.

[Извещение о проведении 27 июля в годовую день кончины В.А. Долгорукова в церкви Вознесения заупокойной литургии и панихиды] // Утро Сибири. – 1913. – 27 июля (№ 163). – С. 1.

Баранцевич, Е.М. Страничка благотворительной деятельности: (из жизни Томского Патроната) / Е.М. Баранцевич. – Томск: Тип. Дома Трудолюбия, 1913. – 47, [3] с., 1 вкл. л. портр. [В.А. Долгорукова]. – Посвящается памяти Всеволода Алексеевича Долгорукова. – 500 экз. – Текст подписи к фотографии: † Всеволод Алексеевич Долгоруков (5 декабря 1650 г. – 27 июля 1912 г.). – Надпись на 4-й стр. обл.: Пожертвования в школьный капитал Томским обществом Патронат принимаются с признательностью.

Из содерж.: Памяти Всеволода Алексеевича Долгорукова (с 27 июля 1912 года): согласно постановлению Правления Томского общества Патроната от 24 января 1913 года составлено настоящее посвящение [в примечании указано – Расходы по изданию приняли на себя друзья покойного В.А. Долгорукова]. – Эпиграф автора: «Даря бедному участие Смяг-

чал он скорбь больной души». – С. 10–29. – Публикация 3-х стихотворений В.А. Долгорукова. – С. 20–22. – Содерж.: «Придавленный судьбою брат!..» (с. 20); «Тот *не* погиб, кто погибает...» (с. 21); «Вперед! за истину, за разум...» (с. 22).

Хейсин, И. Томские литераторы: [разд. воспоминаний «Страницы прошлого: воспоминания о лит. Сибири»] / И. Хейсин // Ангара: [альм.]. – Иркутск, 1959. – № 2 (апр.–июнь). – С. 115–117.

Сажин, В.Н. Издатель запретной литературы / В.Н. Сажин // Книга: исследования и материалы. – М., 1978. – Вып. 36. – С. 160–162.

Лясоцкий, И. В.Я. Шишков в Томске / И. Лясоцкий // Воспоминания о В. Шишкове. – М., 1979. – С. 53.

Чехов, А.П. Письмо В.А. Долгорукову, 28 мая 1890 г., Красноярск (?): (отрывок) // Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. – М., 1976. – Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. – С. 95. – Примечания: с. 408;

То же // Чехов, А.П. Так же. – 2-е изд., стереотип. – М., 2009. – С. 95. – Примечания: с. 408.

Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. – Новосибирск, 1982. – Т. 1: Дореволюционный период. – С. 490, 513–516, 524.

Трушкин, В.П. Пути и судьбы: лит. жизнь Сибири 1900–1920 гг. / В.П. Трушкин. – 2-е изд., испр. – Иркутск, 1982. – С. 10–13, 15, 17–19, 31, 47, 147.5–26.

Казачков, А.Б. Три открытки из Петербурга / А.Б. Казачков // Сибирская старина. – 1992. – № 1. – С. 21–22: ил.

Разумова, Н.Е. В Томске проездом: (А.П. Чехов) / Н.Е. Разумова // Русские писатели в Томске: [сб. ст.]. – Томск, 1996. – С. 167–180.

О В.А. Долгорукове, с. 169, 170.

Мельцин, М.О. Судьбы старинного российского дворянства в конце XVIII – начале XX века: князья Долгоруковы в системе обществ. отношений: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / М.О. Мельцин. – СПб., 1999. – 21 с.

Дмитриенко, Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях / Н.М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 84, 88, 131.

Громова, О. Раскаявшийся князь / О. Громова // Красноярский рабочий. – 2004. – 13 янв.

Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томский некрополь: списки и некрологи погребен. на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2001. – С. 141–142: портр. (на с. 141).

Яковенко, А.В. Отдел «Библиография» журнала «Сибирский наблюдатель» (1901–1906): к истории критической библиографии и рецензирования в Сибири / А.В. Яковенко // Народная культура: личность, творчество, досуг: (этнокультурный и творческий потенциал личности в пространстве досуга): сб. ст. и материалов Всерос. науч. конф. – Омск, 2003. – С. 359–361.

Мандрика, Ю.Л. Сегментирование рынка печати: «Сибирский вестник» и «блестящий триумvirат» // Мандрика, Ю.Л.

Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. – Тюмень, 2007. – С. 57–72.

Мельцин, М.О. Автор одного из первых путеводителей по Новгороду // Новгородика-2006: материалы науч. конф. / М.О. Мельцин. – Великий Новгород, 2007. – С. 257–264.

Бурматова, Т.Г. 20 февраля – 110 лет со дня выхода в свет первого номера «Дорожник по Сибири и Азиатской России»: [текст докл. на заседании клуба] / Т.Г. Бурматова // Отчет краеведческого клуба «Старый Томск» за 2009 г. – Томск, 2010. – С. 6–11: ил., портр.

Жилякова, Н.В. В.А. Долгоруков – томский поэт, журналист, издатель периодики / Н.В. Жилякова // VII Сургутчевские чтения. Культура провинции: локальный и глобальный контекст: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Ставрополь: Изд-во Ставропол. гос. ун-та, 2010. – С. 200–203.

Шмидт, И.Я. Из далекого прошлого: [воспоминания попутчика А.П. Чехова, 1927 г.] / И.Я. Шмидт // Вопросы литературы. – 2010. – № 2. – С. 415–424.

Воспоминания были опубликованы в статье П. Фокина «Чеховиана» А. Жукова».

Жилякова, Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие: [моногр.] / Н.В. Жилякова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 444, [2] с.

О В.А. Долгорукове, с. 163, 221, 222, 228, 293–295, 303, 316, 320–323, 325, 327, 330, 335.

Жилякова, Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова / Н.В. Жилякова // Издательская деятельность и перевод: сб. материалов Первой всерос. науч.-приклад. конф., 20–22 мая

2010 г. (г. Томск). – Томск, 2011. – С. 129–142. – Библиогр. в примеч.

Пятая стихия бытия: 50 лет Томской писательской организации / [ред.-сост. С.А. Заплавный]. – Томск: Красное знамя, 2013. – С. 27–29, 34: портр. (с. 27).

III. Справочные и библиографические материалы

Томск в кармане: справ. книжка и адрес-календарь г. Томска. Год I / сост. Н.А. Гурьев; изд. Н.А. Гурьева и И.Л. Миллера. – Томск: Б.и., 1902. – [4], 118 с.

Раздел «Юридическая помощь населению г. Томска», подраздел «Присяжные поверенные, их помощники и частные поверенные» – Долгоруков, Всевол. Алекс., част. пов. Угол Дворянской и Ямского пер., д. Томчака (см. с. 78).

Чавыкин, Г.В. Весь Томск: адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. Год издания первый / Г.В. Чавыкин. – Томск: Б.и., [1911?]. – III, 332 с.

Частные поверенные: В.А. Долгоруков – Воскресенская ул., д. 1 (с. 198).

Здобнов, Н.В. Материалы для сибирского словаря писателей: (предварит. список поэтов, беллетристов, драматургов и критиков): прил. к журн. «Северная Азия» / Н.В. Здобнов. – М., 1927. – С. 22.

Петряев, Е.Д. Псевдонимы литераторов-сибиряков: материалы к «Истории русской литературы Сибири» / Е.Д. Петряев. – Новосибирск, 1973. – С. 41.

Смирнов-Сокольский, Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. / Ник. Смирнов-Сокольский. – М.: Книга, 1965. – 590, [2] с.: ил.

О В.А. Долгорукове, № № 715 [с. 273; здесь – В. Пропащего], 716 [с. 273], 1191 [с. 366], 1197 [с. 367].

Рейтблат, А.И. Долгоруков Всеволод Алексеевич / А.И. Рейтблат // Русские писатели, 1800–1917: биограф. словарь. – М., 1992. – Т. 2: Г – К. – С. 148–149: портр. (с. 148). – Русские писатели 11–20 вв.: серия биограф. словарей. – Библиогр.: с. 149.

Об отце – А.В. Долгорукове см. с. 147–148.

[Библиография о периодических изданиях, редактировавшихся В.А. Долгоруковым] // История книги и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке: библиогр. указ. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2001. – Ч. 1: XVII в. – 1917 г. – С. 68, 74, 100, 132, 136.

Скворцов, Г.В. Долгоруков Всеволод Алексеевич / Г.В. Скворцов // Томск от А до Я: крат. энциклопедия города; под ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск, 2004. – С. 103.

О В.А. Долгорукове также см. с. 67, 116.

Род князей Долгоруковых Оболенских; колено XXX от Рюрика: [из разд. «Черниговское великое княжество»] // Потомство Рюрика. – Новгород, 2007. – С. 514–525.

О В.А. Долгорукове, с. 523.

А.П. Чехов и Томск: библиогр. указ. / сост. Л.С. Траксель, ред. Н.Е. Разумова // Чехов и Томск: [сб. материалов] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 176–249.

Из содерж.: Томские знакомства А.П. Чехова. – С. 182–187. – О В.А. Долгорукове: с. 183–185.

В целом, в сборнике практически в каждом из разделов упоминается В.А. Долгоруков.

Косых, Е.Н. Повременная печать Сибири (вторая половина XIX в. – февр. 1917 г.): свод. указатель период. и продолж. изданий / Е.Н. Косых, А.В. Яковенко; ТОУНБ им. А.С. Пушкина. – Томск: [Ветер], 2011. – 375 с.

О В.А. Долгорукове, с. 158, 160, 175, 223, 224, 230.

Зиновьев, В.П. Долгоруков Всеволод Алексеевич / В.П. Зиновьев // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 2013. – Т. 1: А – Л. – С. 198–199.

Томский литературный некрополь: [справ. / авт.: Г. Скарлыгин, Т. Назаренко, А. Яковенко]. – [Томск]: [Красное знамя], 2013. – С. 86–87: портр. (с. 87).

Библиографию подготовил **А.В. Яковенко.**

Произведения В.А. Долгорукова (стихотворения, проза, публицистика, рецензии)

I. Стихотворения

Памяти князя Якова Федоровича Долгорукого

Поэт в стихах тебя прославил
За то, что был ты друг добра;
Твою он честь высоко ставил;
Нас уважать тебя заставил,
Сподвижник славного Петра!

Была пора – иные люди...
Но пусть еще пройдут года:
Из каждой честной русской груди
Тебе привет, князь честный, будет,
И будут чтить всегда!

Посвящает
настоящее издание
уважающий потомок
Князь Всеволод Долгорукой.

... Не красна была жизнь Долгоруких. Несмотря на громкий титул, какой мы носим, – много мы испытали: наш путь жизненный был усеян более терниями, нежели розами!..

... Более, чем десятилетия гонения, которым подвергалась старшая линия Долгоруких в царствование Анны Иоанновны и при регентстве Бирона, – разорили нас, обессилили... Сколько из нас, Долгоруких, погибло на плахе, в ссылке в Сибири; – грустно и тяжело подумать!..

Иные (находились такие люди) называли нас честолюбцами; говорили, что мы, ограничивая власть Анны Иоанновны, единственно имели целью захватить в свои руки правление и распоряжаться самовластно судьбами России... Но разве одни Долгорукие участвовали в составлении хартии, ограничивающей власть царскую в России? – В составлении её – участвовал весь Верховный тайный совет, который состоял не из одних Долгоруких: членами его были Головинны, Голицыны и другие лица, принадлежащие к известным русским фамилиям!..

Напротив, – мы, всегда и везде, не только не старались захватить в свои руки власть, но даже не хотели пользоваться теми случаями, которые нам представлялись для этого: вспомним завещание Петра II, которым юный император оставлял престол русский после себя своей невесте, княжне Екатерине Алексеевне Долгорукой? Разве мы воспользовались этим завещанием; а между тем, все шансы для достижения успеха были на нашей стороне: в наших руках были финансы, на нашей стороне было войско...

Мы не будем здесь говорить о том, сообразно ли с потребностями времени и русского народа, поступал Верховный тайный совет, ограничивая власть Анны Иоанновны... Мы только заметим, что у простого русского народа, заеденного тяжелой нуждой, было и без того много своих бед и печалей, чтоб не заниматься тем, что делалось там, наверху, на престоле Мономаха: безрасветна была доля русского мужика в то время, – грабили его со всех сторон и кто как хотел!..

При этом мне невольно вспоминается и моя безрадостная юность – юность, задаром погубленная среди гнетущих обстоятельств, в среде, растлевающей человека и нравственно, и физически... И восстает предо мною благородная светлая личность моей бабушки, урожденной 3-й, дочери известного любимца Екатерины II, и я отдаюсь воспоминаниям прошлого, – далекого, невозвратного, но бесценно-дорогого для меня...

...Юные года
Только вспомню. Укоризны
Я за них своей отчизне
Не пошлю. Да, я тогда
Знал и лучшие мгновенья.
Помню бабушку. Любовь
К молодому поколенью
В ней была – и угнетенье
Проклинать я буду вновь!
Вот старушки образ снова
Предо мною восстает:
Много сердцу дорого
Воскресает из бывшего,
Что на веки не умрет!
Благородный лик, печальный!
Будешь мил ты мне всегда.
Умерла ты; погребальный
Из моей отчизны дальней
Звон я слышу, как тогда!
Я ребенком был в то время.
Помню, плакать я не мог;
Но меня давило бремя –
Было тяжело мне. Ты семя –
Светлой правды, дум, тревог –
В сердце юное вложила,
И заснуть мне не дала
В жизни худшей, чем могила,
Где так много потопила
Сил могучих сила зла!

А сколько лет уже прошло, дорогая, после твоей смерти –
много погибло, навсегда, лучших сил во мне!..

Тяжело вспоминать о тех ошибках юности, о тех увлечениях, какие выпали и на мою долю, которые привели меня к самым грустным, к самым нерадостным обстоятельствам...

16-летним юношей, выпущенный из корпуса, – я вступил в жизнь, не зная её совершенно, не имея никого, кто бы поддержал меня нравственно, кто бы мог руководить моими действиями, на первых порах, на жизненном пути... Попав, стечением различных обстоятельств, в круг людей пустых, у которых все цели в жизни заключались в том, чтоб хорошо поесть да попить, – я невольно поддался несколько влиянию этой растлевающей среды... Я падал всё ниже и ниже – и не было никого, кто бы остановил меня в этом падении, кто бы подал мне руку и указал путь более честный, более разумный, чем тот, по которому я шел... Запутанный комиссионерами (факторами), я вошел в долги – цифра последних день за днем возрастала, кредиторы стесняли меня: не давали мне свободно действовать, мыслить... я был раб их – хуже, чем крепостной человек... С меня они тащили последнее – брали что могли, последний рубль шел им, и между тем, – долги не уменьшались: что с меня было взято, – шло за проценты, а капитальная сумма с первоначальными процентами оставалась всё та же!..

Занимая деньги, я принужден был входить в сношение с разными жалкими, пошлыми личностями... Оговор одного из них – привел меня к аресту, к суду... *

- Я хотел исключить многие подробности из книги, как незанимательные для большинства читающей публики; но оставил их потому, что настоящее сочинение и всё вообще имеет интерес, преимущественно, семейный, – пришлось бы исключить многое. Если оно выпущено в продажу, – то только на том основании, что в нём, местами, затрагиваются более или менее важные события, совершившиеся в России, и, следовательно, представляющие интерес общий...

Исключения некоторых страниц из настоящего сочинения, которые мне пришлось сделать по разным обстоятельствам, были причиной того, что местами в книге вышли большие пробы, которые нужно было чем-нибудь пополнить...

Прим. К. В. Д.

Оканчивая 1-ю часть настоящего сочинения, мы считаем не лишним сказать в заключение, что Долгорукие – где бы они ни были и при каких бы обстоятельствах ни находились – всегда действовали честно, согласно своим убеждениям, не кривили душой – и решались говорить правду в лицо самим царям... А на последнее, в прежнее время, редко кто решался, да и теперь тоже: это, во всяком случае, заслуга...

Из нас [Долгоруких] – мы гордимся этим – не было ни одного подлеца, который бы ради корысти решился предать своего ближнего... Из нас не было – ни Магницких, ни тому подобных, но был, зато князь Яков Долгорукой, сподвижник славного царя, прославленный нашим великим поэтом-гражданином!.. Из нашего рода были честные писатели – гордость своих современников, князь Иван Михайлович и другие. Мы не играли шутовских ролей, в роде какого-то князька Голицына при Анне Иоанновне, мы шли всегда прямой дорогой и глядели смело в глаза временщикам... Роль шута – низкая, жалкая роль; но роль доносчика, шпиона, позорна во всех отношениях. Хотя можно допустить шпионство, как необходимое орудие для достижения известных целей, но всё таки шпион из-за денег равно клеймится всеми честными людьми, к какой бы они партии не принадлежали: и консерваторами честными, так же как республиканцами!..

Но и кто же более – из древних русских родов – страдал, как не Долгорукие? Их притесняли на каждом шагу, оттирали на второй план различные временщики, в роде Меньшикова... Сколько при Бироне одном погибло Долгоруких: кто на плахе

сложил свою головушку, кто – избитый, изувеченный – доживал свой горький век в Сибири... Много погибло на Руси – раннею смертью – могучих сил... Стонала земля русская от крови – напоена уже была ею, матушка – безвинно погубленных людей; но этому стону никто не внимал: кровь лилась по-прежнему, по-прежнему гиб народ!..

Были, правда, светлые личности, которые, словно яркая звезда на туманном небе, озаряют мрачные эпохи прошлых веков, – слышался им этот повсеместный стон, болели их честные сердца и шли они, собирая могучим своим словом вокруг целые полки удалых людей, – шли на зло, шли вырвать его с корнем... Но непонятны тогда были большинству их честные думы, великие помыслы... Народ, косневший в невежестве, хоть ненавидел зло, но сжился уже с ним, полагая, что это, мол, воля Божья; если угнетаемы мы, – значит прогневили Господа за грехи свои!.. И – гибли эти честные, могучие личности, предаваемые в руки злу.

Народ с любовью сохранил в памяти многих из своих славных людей – их имена живы и доселе в песнях народа; пройдут еще века – и наши внуки и правнуки не забудут эти славные песни о славных героях русских прошлых веков!..

Во всяком случае, – мы гордимся тем, что принадлежим именно к фамилии Долгоруких: это честная фамилия, всегда стоявшая за родную сторону – за родной народ...

Я – Долгорукой. Нет сомненья
Из тех, которые царей
К великой цели обновленья
Вели, по воле Провиденья, –
От старины до наших дней!

***

В годину мощного труда
Наш прадед был сотрудник честный

Петра Великого всегда;
Никто из русских, никогда
Не назовет его бесчестным!

***

Наш дом – всегда чуждался лести,
За правду смело он стоял,
И на врага, исполнен мести,
Шел Долгорукой, верный чести, –
И за Отчизну погибал!

***

Мы родину всегда любили,
И для страны родной
Мы нашей жизни не щадили;
Вождей народа свято чтили;
Держались истины одной.

1867 года, 9 апреля.

Князь Всеволод Долгорукой.

Цитируется по кн.: Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские: (с приложением: статьи «О происхождении первых русских князей: Рюрика, Синеуса и Трувора», портрета князя Якова Федоровича Долгорукого и гербов рода: князей Долгоруких и Долгоруких-Аргутинских). [Ч. 1] / издано под ред. и ответственностью князя Всеволода Долгорукого; [предисл., послесл. и примеч. кн. В. Долгорукого, с публикацией стихотворений]. – СПб.: В тип. Ю. Штауфа, 1869. – [2], XII, 207 с., 2 л. ил., 1 л. схем.

Из содерж.: Памяти князя Якова Федоровича Долгорукого: [стихотворение]; [Автобиографические материалы] / В. Долгоруков. – С. 172–175; Заметки о первых русских князьях и о происхождении: Рюрика, Синеуса и Трувора: ст. / князя Алексея Долгорукого / [предисл. и послесл. кн. В. Долгорукого (с. 197)].

Сибирские мотивы

У нас, в Сибири, всё отлично,
И счастлив каждый сибиряк;
Едим мы вволю, пьём прилично.
А остальное всё пустяк!

Хотя, порой, бывают штуки
И жизнь нам тягостна подчас;
Но мы... не опускаем руки:
Нельзя ж не битым быть хоть раз!

Возможно ль век, без потасовки,
Прожить в веселии одном;
Но больше такта и сноровки –
И горе будет нипочем!

Карп Еремеич – наш купчина
И первокласснейший наш туз –
На днях меня, и без причины,
Хватил по рылу, вырвав ус...

Я не смутился. Заявленье
Тотчас же в суд я накатал;
С обоих взяли без стеснения,
И адвокат еще содрал.

Конец же вышел благородный:
– «К чему тягаться?» – говорят –
«Протянем дело мы свободно»
Лет, этак, с лишком... пятьдесят!

Не лучше ль будет помириться»...
И впрямь – беда ль побитым быть!?

Пришлось, при мировой, напиться
И в каталажку угодить.

На днях иду по тротуару;
Был тёмный вечер, – всюду грязь;
Вдруг чувствую в карманах пару
Я чьих-то рук, – кричать тотчас.

Вопил, о помощи взывая...
Вдруг едет пристав: «Взять его!»
Откуда-то явилась стая
Тут стражей и меня... *того...*

И, вот, я в обществе приятном –
С ворами ночь я просидел,
И кошелек мой безвозвратно
В пространство, верно... улетел.

Наутро пристав мылил много:
«Нельзя покой-де нарушать!
Свободны вы – молитесь Бога:
Могли б вас дольше продержать!»

И я начальству благодарен
За снисхождение ко мне;
Я сошка мелкая – не барин!
Поцеремонились вполне.

У нас начальство – благодетель!
Возьмем хоть в Томске голова:
Он пользы общей лишь радетель –
Не на словах... ну, что слова!

***

Живем мы полные покоем,
Без треволнений, без забот;
Пушай твердят: от нас застоём
И мракобесиём несёт...

Что, будто, нужен суд нам гласный,
Порядки надо изменить;
Но эти бредни – всё напрасны:
Как деды жили, лучше жить!

У нас, в Сибири, всё отлично,
И счастлив каждый сибиряк;
Едим мы вволю, пьём прилично.
А остальное всё пустяк!

1884 г.

Источник: Сибирский, В. Не от скуки: стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Томск, 1890. – С. 288–290.

Злобы дня

(фельетон в стихах)

Прошла средь страха вся неделя, –
Пол-Томска залило водой.
Терял рассудок и без хмеля
В отчаяньи бедняк иной...

Стоял там стон и плач, – там крики
С мольбой о помощи неслись.
Бедой подавлены великой,
Сердца всех в ужасе слились!

Картин печальных ряд до боли
Нас поражал и угнетал...
Давно уж Томск такой недоли –
Такого бедствия – не знал!

Вода текла, преград не зная,
Широкой бурною волной, –
Дома, строенья разрушая
И покрывая всё собой.

Другой последнего достатка,
Что дал ему гнетущий труд,
Всего лишен был, без остатка,
Став нищим в несколько минут...

А дети, дети? ...
Вон картина
И так мучительно-страшна:
Там кличет мать малютку сына,
То дочь свою зовет она...

***

Напрасны вопли и проклятья, –
Не возвратишь ты их, жена!
Их приняла в свои объятья,
Лаская, шумная волна...

И, может, унесла далёко, –
Навек и трупы скроет их...
Напрасно в горести глубокой
Рвалась к ним в этот страшный миг!

Бессильна их спасти, – лишь новой
Была б ты жертвою судьбы, –

С стихией грозной и суровой
Не в силах выдержать борьбы...

Ты молода еще... Быть может,
Придётся радости узнать...
Не вечно буря нас тревожит, –
И будет солнышко сиять!

Но я смущен, подавлен – Боже!
Бессвязный бред... безумный взгляд...
Столь гибель страшная, – за что же?
Во цвете лет, и трёх подряд!

***

Те вопли женщины несчастной:
«Отдайте мне моих детей!»
Порыв любви являли страстной
И боль несли душе моей.

Я словно слышу её ропот
На Провиденье, на людей;
Затем – безумный дикий хохот,
Поток бессмысленных речей...

Страданья – море... Да, как в море,
Воды не взвесить, не объять, –
Так и страдалицы той горе
Лишь можно в сердце ощущать...

Но меры нет ему... Всё сцены...
Ужасной самой нищеты,
Коварства, злобы и измены –
Пред ним и мелки, и пусты!

***

А сколько жертв еще? Картины
Одной штрихи я набросал,
Не рассказав и половины
Тех бед, что город испытал.

На помощь бедствию и горю
Придти всем следует скорей...
У нас найдется – в том не спорю –
Немало щедрых богачей...

На богадельни, на соборы
Они солидный дар несут...
Так киньте на несчастных взоры, –
И помогите также тут!

Дающего рука – да верим! –
Не оскудеет никогда;
Той мерою, какою мерим,
И нам отмерится всегда.

***

Сюжет печальный избран мною...
Я виноват ли, господа?
Была неделя вся когда
Сплошной гнетущею бедою!

***

Недавно с барышней одною
Беседу вёл я и узнал,
Что на меня готов грозою
Идти весь дамский персонал, –

За то, что в «Злобах» места мало
Для наших дам я отвожу...
Ах! Женщин я любил, бывало,
Да и теперь, как встарь, щажу.

Какой же грех? Что прихотлива
Порой... хоть любит сильно вас,
Но если чересчур ревнива,
И обругает зло подчас...

Но этот гнев минует скоро, –
И вновь покорная жена!
Да, коли любит, – без укора,
Всё в жертву вам отдаст она.

Одна я знаю... С жгучей силой
Она любила одного;
Ей изменял хоть часто «милый» –
Она жила лишь для него.

***

На днях бумаги разбирая,
Нашел одну записку я:
«Скотина впрямь вы – пребоольшая,
Подлец, мерзавец и свинья!»

Записка женщины, мне милой...
Тон груб немножко, господа;
Но как она меня любила,
Хоть и клеймила иногда!

***

По тюрьмам, в каторге страдая,
С мужьями сколько женщин шли,
И, боль сердечную скрывая,
Их ободрять еще могли!

Пред русской женщиной невольно
Колени преклоняю я.
Спрошу: когда ей было вольно
И было ль счастье для нея?!

Под плёткой древле Домостроя,
Вся жизнь её во мрак ушла;
В гаремах, в рабстве изнывая, –
Она все ж «матерью» была....

Своих сынов она растила,
И, может, если б не она
Любовь им к истине внушила,
У нас царила б тьма одна!

***

Святая женщина! Мой бедный
Воспеть тебя не может стих;
Но гимн сложил тебе хвалебный,
Насколько было сил моих!

Всеволод С.

Источник: Сибирский вестник. – 1890. – 6 мая (№ 51). –
С. 1.

12 мая 1891 года¹

В страну суровую – по праву,
При майских радостных лучах,
Вступил Ты – предвещающая славу,
С скрижалю милости в руках...

***

Природы с ласковым дыханьем,
При ярком отблеске весны –
Ты нам явился упованьем,
Несущим радужные сны...

***

Твой путь – Отчизне будет благом!
Да украшая Отчий трон,
Пойдешь Ты к цели твердым шагом,
Житейским знаньем умудрен...

***

И, долгу высшему покорный,
Державный Вождь Руси граждан,
Нас к счастью поведешь неспорно,
Узнав потребность русских стран...

***

Избранник Божий! Край суровый
Возжег надежде алтари, –
Призыв почуя к жизни новой,
Провидя проблески зари, –

***

И Твой приход средь ликования,
Восторгом искренним объят,

---

¹ Стихотворение было написано в связи с прибытием во Владивосток Наследника Российского престола Цесаревича Николая Александровича, совершавшего кругосветное путешествие.

Встречает он – в очарованьи
Рисуя грез отрядных ряд!

Всеволод Сибирский

Источник: Сибирский вестник. – 1891. – 5 июля (№ 76). – С. 1.

Стихотворения из сборника 1912 г.

***

В храм сокровища родного слова
Не вошел жрецом присяжным я, –
Знать, была уж очень бестолкова
И нескладна песенка моя.

Стих мой грубый, чересчур суровый, –
Он не мог сердца людей ласкать,
И мотив-то я избрал не новый –
Грусть да горе только воспевать!

Но пусть беден стих мой, – повторяться
Муза в песнях любит иногда, –
Все ж не стану – не хочу стараться
Изменить напев мой никогда...

Я пою всё то, что в тяжелой доле
Испытал я в долгие годá –
Гнет невзгод и горечь всю неволи
Изливаю в песнях я всегда...

Пусть бесследно промелькнет, не зная
Ни участия, ни любви мой стих, –
Только б ты простила, дорогая
Моя родина святая!

Мне вины...
Закат мой был бы тих:
Я бы умер – мир благословляя!

1889 г.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 5.

27 января 1837 – 1887 г.

(Экспромт, прочитанный актёром Фелоновым в бенефис г-жи Рудольф, перед бюстом Пушкина, на сцене Томского театра, 27 января 1887 года)

*Замолкли звуки дивных песен, –
Полвека минуло как раз;
Но не покрыли ржа и плесень
Твой стих, блестящий как алмаз.*

Ты поработал Руси много,
Стоял ты за родной народ;
К твоей могиле пусть дорога
Да никогда не зарастёт!

Да и в позднейших поколениях
Тот не исчезнет идеал,
Который ты в своих твореньях
В живые типы облекал.

Народ-страдалец к жизни новой
Восстав, поймёт, поэт! того,

Кто, в век работая суровый,
Свободу чтит, прежде всего...

Кто пал чрез зависть гнусной злобы
За то, что злобу презирал;
Кто проливал свет и в тущобы
И милость к падшим призывал!

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 47.

С болгарского

Отовсюду грозная
Туча к нам идет;
В жаркое, морозное
Время спит народ...

Гибнут всюду братия, –
Гибнут, что ни год;
Слышны лишь проклятия...
Но – всё спит народ.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 132.

Юному другу

Не клонись, мой друг, челом позорно,
Но сумей с отвагою идти –

Пролагая стойкостью упорно
В дебрях к свету и к добру пути.

Не услышишь хоть хвалы при жизни,
Но оценит бескорыстный труд
Правнук твой, – и благородной тризной
Тебя в будущих веках почтут.

Так всегда судьба играет нами:
В мире горя больше терпит тот,
Кто не торными идет путями,
Кто свет разума с собой несет...

Духом твердый, смело до могилы
Сохраняй великий идеал, –
Чтоб примером быть – не робкой силы,
Чтоб слабейших ты одушевлял.

Вспомни каждый раз, когда сомненье,
Словно змей, в твою проникнув грудь,
Поколеблет к истине стремленье –
И умалить веру в правый путь, –

Вспомни образ кроткий, величавый
На кресте страдавшего за нас –
И сомненья горького отрава
Всё рассеется, как дым, тотчас.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 134.

Диалог

(Посв. М. Ар-вой)

I.

Азиатская женщина – европейской

В неволе долгой изнывая,
Душой страдаю я вполне;
А ты... права всё попирая, –
Несёшь презрение лишь мне.

Я женщина, как ты. Сестрою
Должна меня своей считать,
И блага щедрою рукою
Свои должна мне передать.

Но... не любви полна, – коварства,
Взираешь ты на жребий мой;
Себе соорудила царство,
А я... в гареме – за стеной.

II.

Европейская – азиатской

Сестра! напрасно ты вещаешь,
Что будто не любима мной;
Сама страдаю я – ты знаешь –
И очень горек жребий мой.

Еще давно ль венец терновый
Несла я многие века;
Мне путь открылся к жизни новой,
Но только начат он пока.

Страданий годы и неволя
Еще не минули совсем;
Хотя твоя печальна доля,
Моя – скажи – отрадней чем?

В тебе немало сил сокрыто,
Ты начинаешь только жить;
Во мне ж – всё лучшее забито, –
Я зло бессильна победить.

Мой муж – и грозный, и кичливый –
Мной, как рабыней, помыкал,
И знала ль я хоть день счастливый,
Когда б меня он не стеснял.

Но время шло – иные годы,
Иной явился идеал, –
И он частицу мне свободы,
Как словно милостыню, дал...

***

Вздыхнула я... Но дни печали
И ряд мучительных скорбей, –
Скажи мне, – я забыть могла ли
В судьбе безрадостной моей?

Нежданно луч пробился света;
Надеждой вновь я ожила;
Она же сгибла без привета,
И жизнь почти как встарь пошла...

***

Сестра! Прости! своею кровью
Я б облегчила жребий твой;

Пришла к тебе бы я с любовью
И правой повела стезей...

Но нету силы, нету воли, –
В тумане жизнь мою веду,
И не достигну светлой доли, –
Пути я к счастью не найду...

***

Быть может, девственные силы
Ты развернешь скорей меня,
И свергнешь гнёт преданий хилых,
И за тобой пойду и я...

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 139–141.

***

(Посв. Э. Е. Зол-вой)

Работай для святого дела,
Работай до поту лица, –
Пусть грудь болит, – всё ноет тело,
Пусть не заслужишь ты венца.

Но средь общего разврата,
Как яркий светоч, озаришь,
Быть может гибнущего брата,
И к честной жизни возвратишь.

Но среди общего растленья,
Где нет духовной красоты,

Для молодого поколенья
Примером славным будешь ты.

***

О, не гаси свой животворный
Светильник... Так уж ночь долга...
Всё поглощает мрак тлетворный...
Не видно друга, ни врага...

Хаос какой-то... прозябанье...
И даже кажется порой,
Что мы все трупы – без сознания
Давно лежим в земле сырой...

***

Работай, пока силы стало!
Обширна нива – хоть на ней
Теперь работников и мало...
Твоя заслуга тем важней!

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 142.

***

(Памяти Л-а)

Где – скажи мне – правда вековая?
Над твоей усопшею главой
Хищной тли уж копошится стая,
Нарушая мертвенный покой.

Где – скажи мне – правда вековая?
Где предел меж небом и землёй?

Где обитель девственного рая –
Уготованный святых покой?

И где ад – вместилище где злобы,
Где на вечном медленном огне
Сожигают грешников утробы...

Ты молчишь... Смежились твои очи, –
Ты уснул навеки, бедный брат.
А над миром то же царство ночи
И царит властительно разврат...

***

Послужил ли ты святому делу,
Иль, соблазны мира возлюбя,
Всё принес Ваалу в жертву смело
И себя, и ближних погубя, –

Я не знаю, да и не пристало
Перед гробом речь о том вести...
В нас к своим участья очень мало, –
Больше гнев и горечь на пути.

Но, над трупом тризну совершая,
Вспомним, братья, только об одном:
Смерть не дремлет – жатву собирая,
Что ни час, губительным серпом.

Худ, хорош ли – нет уж человека.
Смолкнул голос, – смолкнет и другой...
Гибнет в мире – нравственный калека,
Гибнет – правды, доблести герой.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 150–151.

Посвящается памяти Н.М. Ядринцева

(7-го июня 1894 г.)

Он умер... Смерть смежила очи.
Не видел радостных он дней, –
А только мрак глубокой ночи
Над дальней родиной своей.

Но, и любя, и свято веря
В зарю грядущего, он жил.
Всегда в душе – не лицемеря –
Он идеал добра носил.

Был путь тяжел по бездорожью,
Трудом достался каждый шаг;
Но расчищал он ниву Божью
И уходил смущенный враг.

Пред нами страх... без жизни – тело...
Но то, что сеял, принесет
Плоды, – мысль воплотится в дело
И пышно, ярко расцветёт.

И в тот, любовью век обильный,
Когда замолкнет звук цепей,
Услышит он, сквозь сон могильный,
О счастье родины своей...

Свершилось – что душа таила –
Мечта, достойная венца,
И не забудется могила
В тиши угасшего бойца!

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруко-

вой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 163. –
Загл. в «Оглавлении»: *Он умер...*

В дни неволи

I.

***

Кровью омыты поля,
Кровью омыты деревни.
В ужасе дрогнет земля,
В ужаса год не последний.

Черная движется рать,
Скорбно борцы выступают.
Где твердой почвы искать?
Пропасти всюду зияют.

Где-то сверкают огни,
Слышны прощальные звоны.
Сердце! скорее усни,
Чтоб заглушить эти стоны.

Страшную тенью вон там
Высится дикое что-то.
Это – чудовищный храм
Жертв, приносимых без счёта.

В годы седой старины
Брались ягнята из стада;
Но введены новизны:
Жертв человеческих надо.

Косим подобных себе,
Косим – и нет сострадания!
Словно исчезло в борьбе
Иль помутилось сознание.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 170.

***

Рядами тени, как колонны;
Нисходит сумрак на поля;
И замолкают скорби стоны,
И погрузилась в сон земля.

Окрест тяжелое молчанье.
Не дрогнет лист, затих ручей.
Но сцены горя и страдания –
Всё живы в памяти моей.

Ни тишина, ни звуки счастья
Не исцелят бывшего ран.
И в ясный день я жду ненастья,
И в грёзах вижу я обман.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 245.

Г.Н. Потанину

[21-го сентября 1905 года]

Молод сердцем и душою –
Ты старик и не старик;
Ты с своею сединою
И разумен, и велик.

Вынес годы ты неволи,
Беспросветной ночи мрак.
Но твоей скорбящей доли
Позавидует и враг.

Труд тяжел был. Много пало
В цвете лет и сил борцов.
Тьма всё больше налегала, –
Рок жесток был и суров.

Но ты гордо стяг священный
Нёс бестрепетной рукой.
Подвиг твой – благословенный,
Ты – воистину герой.

***

Просияло над Сибирью:
Мгла спадает, меркнет тень,
И пахнуло мощью, ширью,
Словно близок жданный день.

Труд великий вспоминая,
Твоей родины народ
От Ангары до Алтая, –
Лишь откуда весть дойдет, –

В праздник славной годовщины
Бьет челом тебе, герой.
И увенчаны седины
Нестареющей красой.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 193–194. – Загл. в тексте: 21-го сентября 1905 года: (*Г.Н. Потанину*).

Опальный край

Страна обширная – по праву
Ты к лучшей доле рождена,
И говорю я не лукаво,
Твою вдали провидя славу:
Ты будешь сильная страна.

Богатств непечатых здесь много;
Под мощным знания резцом,
В тайгах проложится дорога,
И будешь славить правды Бога
Не в тьме, а ярким чудным днём.

Страной изгнанья и печали
Уже не будешь ты тогда,
И те, что слезы орошали,
Цепей бряцанья оглашали,
Роскошно зацветут места.

Провижу я – и близко время –
Страна! суровый твой народ,
Стряхнувши предрассудков бремя,

В себя добра воспримет семя,
И плод сторицей принесёт.

И разольется просвещение
Широкой вольною струёй,
И все рассеются сомненья,
Исчезнут горе и мученья
Весенней, радужной порой.

В том благодатном ожиданье
Скорбь настоящего сноси,
И верь – настанут ликования
И для тебя, страна изгнанья,
Богатый край родной Руси!

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 343–344.

***

Слякоть, холод да туманы, –
Мгла и мгла одна,
И даёт одни бураны
Нам порой весна.

Трудно жить... На сердце – горе...
Долюшка моя, –
Словно в бурю, среди моря,
Утлая ладья.

Не ищи спасенья – нету...
Тщетно молим мы:

«Боже! свету, больше свету!» –
Но всё царство тьмы.

Наши вопли всё разносит
Без отзова степь, –
Лишь в ответ свой звон доносят
Кандалы да цепь.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 339.

Сибирские элегии

(От Томска в Восточную Сибирь¹. Из дорожных впечатлений)
[с примечаниями автора]

По Сибирским ужасным дорогам
Для поэзии места уж нет,
И иным предается тревогам
Проезжающий бедный поэт.

Что ни шаг, – то громадная яма,
Как по бурным волнам экипаж,
И поэту мерещится драма,
Иль рисуется грустный пейзаж.

---

¹ Это стихотворение, написанное еще до постройки Великого сибирского железнодорожного пути и открытия по нему движения, описывает путешествие по Большому сибирскому тракту, но оно может служить характеристикой поездок и, вообще, по всем сибирским сухопутным трактовым дорогам, по которым и до сих пор производится сообщение во многих местностях Восточной и Западной Сибири, лежащих в стороне от железнодорожной линии.

Средь равнины, вдали от селенья,
Без оглобель разбитый возок,
И лежащие в ряд, без движенья,
И он сам, и бедняга-«дружок»¹.

Доконала – не пуля-злодейка,
Не грабителя ловкий удар,
А дорога виной – лиходейка...
У поэта – то холод, то жар.

Позабыл про счастливые грёзы,
Яркость дивных природы картин,
И на сердце – не вешние розы, –
Страх мучительный только один.

***

Еду... кочки да ухабы.
Весь изломан – ну, хоть плачь!
То ныряю, словно, в воду,
То взвиваюсь вверх, как мяч.

Голова трещит от боли,
Донимают грудь, бока;
Отвратительнее доли
Не знавал еще пока.

Ох, Сибирская дорога!
Я клян-ю-клян-ю тебя.

---

¹ «Дружками» называют в Сибири вольных ямщиков, т. е. крестьян трактовых деревень, везущих проезжающих на своих лошадях по ценам по соглашению, а не по таксе, существующей для почтовых лошадей. Последних на почт[овых] станциях полагалось прежде держать обыкновенно от 3 до 4 пар. Во время значительного проезда они всегда оказывались уже разобранными и проезжающему, волей не волей, приходилось нанимать лошадей у местных крестьян за цену по соглашению с ними.

Но скажи мне, ради Бога,
Ты всю правду про себя?

Почему ты безобразна
Да и круглый год почти,
И в Сибири повсеместно
Редки сносные пути?

И дорога с строгой миной,
Отвечала мне тогда:
– Ты скажи: какого чина?
Объясню всё без труда.

***

Коль прикажут, несомненно,
Вид могу принять иной,
Только, мой поэт бесценный,
Это будет труд большой.

Не для всех же бить тревогу.
А привык кто век терпеть, –
Эту вынесет дорогу,
Как выносит часто плеть.

И совет – к чему заботы,
Коль принцип тот соблюдать,
Что – «людей возможно меньше
Надо в жизни баловать».

III.

*****

IV.

Едем дальше чащей леса,
Змейкой вьется дальний путь.
Пала ночи уж завеса,
И тревогой сжало грудь.

Тени – мнится – реют всюду
И кружатся среди нас.
И проникнуть хочет в чудо
Через мрак напрасно глаз.

Кедров, пихт верхи – что сети
И гигантами глядят,
А кустарники – как дети –
Друг за дружкой спешат.

Сознаешь умом, что тени
Лишь иллюзия одна, –
Не осилишь, все ж, волнений,
Не разгонишь чары сна!

Едем... Тянутся обозы
Длинной лентою подряд.
– Чьи? – «Куренковские¹ будем».
– Путь каков? – «Да плоховат».

Мне ямщик седой ответил.
– Что ж, благополучно шли?
– «Да из Томска всё исправно
Мы до места довели».

---

¹ Куренков – один из тогдашних доставщиков грузов в Сибири.

– «А теперь уж из Иркутска
Мы идем в обратный путь».
– Что – с чаями? – «Точно – с ними».
– И пора уж отдохнуть?

– «Отдых что – была бы польза
Снова в путь готовы мы;
Наше дело не простое:
То и знай – дрожи тюрьмы».

*****
*****

– Ну, а бить тебя не били,
И хозяйская рука –
Не гуляла по затылку,
Не чесалась за бока?

– «Без битья нельзя нам вовсе, –
Только вовремя ты бей.
Брату нашему острастка
Иногда всего нужней».

«Вот хоть срезка мест ворами.
Кто иной раз виноват?
Ямщики, хлебнув, в обозе
До единого все спят».

«Ну, воруй!» Проснулись, – поздно:
Ветра в поле, что ль искать?
Есть в округе заседатель, –
Мерзяков – так прозывать».

Он проделал с ними штуку:
Едет – встретился обоз.
Закричал – ответу нету;
Мест пять срезал – и увёз.

Стражник с ним был. Приказанье
Срезать отдал – знал к чему.
А проснулись, – глядь, пропажа, –
Ямщики скорей к нему –

К господину ж Мерзякову:
«Защитите – говорят, –
Воры шайкою напали»...
Он смеётся... плутоват!

– «Воры! шайка! срезал сам я...»
Да как гаркнет: «всех в острог».
Ямщиков бы, без сомнения,
Погубить легко он мог.

«Но добряк, знать – упросили,
Только съездил по зубам.
Да кой чем «ублатворили»...
Да, урок дал славный нам».

V.

Путь не кончен. Те ж обозы...
Молвил грустно мне дружок:
«Вот пойдет чугунок скоро, –
Нам придет последний срок».

– При чугушке разве плоше?
– «Знамо, плоше – рассуди: –
Ведь она – ямщина – кормит
Чуть не всю Сибирь, поди».

«Трактовые-то крестьяне
Обедняют все тогда...
Нам чугушка – не находка!
Нам чугушка – что беда!»

«Умудряются все ноне...» –
Баял, как-то, дед слепой,
Что написано в законе, –
В книге старой и большой, –

«Что кончина мира будет,
Коль на огненном коне
Станут ездить... Врет иль вправду, –
Да деревню жалко мне!»

«Разоренье будет многим,
Разоренье навсегда...
Нам чугушка – не находка!
Нам чугушка – что беда!»

«Слышал также – быль иль сказка:
Коль кого судьба побьет,
То его несчастье многим,
Баяют, пользу принесёт».

«И чугушка, значит, тоже:
Для одних – лиха беда,
А другим – сослужит службу,
Возвеличив в господа...»

***

– Э! да ты ямщик – философ? –
Почесав затылок, он:
«Нет, – сказал – Петры мы будем,
А наш батька – Агафон».

VI.

...Едем. Холод. Буран начинается...
То шел дождь, – повалил вдруг снежок.
Понукает коней и старается
Довезти до станка нас «дружок».

*****

VII.

Но приехали. Пред нами –
Город грязный, небольшой,
С очень ветхими домами
И гостиниц – ни одной.

На почтовую явился, –
Помещенья негде взять:
Там певец остановился
И концерт здесь хочет дать.

И пришлось на постоялом
Провести с десятков дней
И в бою всегда немало –
С массой блох, клопов и вшей.

Настрадался я в дороге,
При житье – пришлось терпеть,
И спасти молю – о, боги! –
От таких поездок впредь.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 366–372.

***

(Посв. М.П. Арш-ловой)

Сходит сумрак уж на землю,
Погасают дня лучи,
Но душою я не дремлю,
И рассвета жду в ночи!

Реют тени надо мною, –
Ты, как майский день, светла,
И с голубкою – тобою
Снова будет жизнь мила...

Хоть уж пройдены ступени
Лучезарных юных лет, –
Становлюсь я на колена,
Словом ласковым согрет...

И шепчу любви я речи, –
О взаимности молю...

Озаряют «божьи свечи»¹
С неба долюшку мою.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 391–392.

Экспромт

(Посвящ. артистке В.Э. Киселёвой)

Смотрел, исполнен жгучей муки,
На образ, созданный тобой...
Ты к небу простирала руки
С горячей, искренней мольбой...

И, воплотившись вся в страданье,
Ты не играла, а жила...
Я слышал в голосе рыданья,
И взор окутывала мгла...

Искусства истинная жрица!
Служи бестрепетно ему, –
Неся и свет нам, как девица,
И радость чувству и уму.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 416.

---

¹ В простонародии звёзды зовутся – «божьиими свечами» – *примечание автора.*

Статским советникам

[Посв. отставным статским советникам]

Статские советники
В прежние года
Много канцелярского
Вынесли труда.
Жили все на отдыхе
В домиках своих,
И увит был розами
Путь предсмертный их.
В Божий храм – по праздникам,
Пироги потом
С рыбою, с капустою,
Водка с травничком.
По субботам парились
В бане на полке.
Не было тревогам тут
Места, ни тоске.
Мысли вольнодумные,
Даже в ночи час, –
Статские советники! –
Не смущали Вас.
А теперь – о, ужасы! –
Век-то наш каков:
Статские советники
(Вас хвалить готов!)
Речи либеральные
Сыпят – говорят,
В депутаты думские –
Так и норовят.
Статские советники –
Слава и почет!

Только черносотенцев
Невзлюбил народ.
Если думы скверные
Затаили вы, –
Не сносить вам, старые,
Старой головы!

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 482–483.

После представления «Горе от ума»
(В Томском театре 1884 г.)

Я видел «Горе от ума»
И испытал, друзья, я горе:
Актеров зрел в большом позоре –
И сам чуть не сошел с ума.

Источник: Сибирский, В. Стихотворения / Всеволод Сибирский [псевд. В.А. Долгорукова]. – Изд. 2-е М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 506.

II. Рассказы

Христос Воскресе!

Рассказ

I.

... Наступает великий день Светлого Христова Воскресения – воскресения великого учителя истины, пришедшего в мир очистить нас от всякой скверны и за ны положившего свой живот...

...Христос Воскресе! – скажет каждый из нас, способный верить во все хорошее, честное, в конечное торжество правды над ложью и нечестью...

Христос Воскрес! Святые звуки –
Добром, отрадою звучат,
И забывая сердца муки,
Любить и верить каждый рад!

Да, снова просыпается при этих звуках прошлое; подымается оно со дна души, оживает – и чувствуешь, что ты опять полон любви и веры, – любви ко всему высокому и веры в лучшие идеалы юношеских лет! Золотые грезы, ранней вешней поры, являются снова, несутся одна за другой, – вереницею... Страницы жизни их невозвратного былого ярко и отчетливо рисуются перед тобой – и

***

Забьется сердце жаждой снова
Труда и истины святой!
И грезы яркие толпою
Встают, и верится тогда,
Что вновь навеяло весною,
И сгибло горе без следа.

Вперед стремишься полон силы
И слышишь жизни голоса;
Забыты призраки могилы,
И лучезарны небеса.

Словно настал радостный ясный день; тьма с ее спутника-ми исчезла безвозвратно. Дышится вольнее.

Христос Воскресе! – слышишь отовсюду, и будто всё кругом тебе повторяет эти слова – и люди, и всякая тварь.

Минуло почти 19 веков с того дня, как Божественный Учитель христианства покончил свою земную жизнь, прияв за мир мученический конец, но великая проповедь его не только не заглохла, не канула в Лету, а прошла по всему земному шару, проникая в самые дальние уголки его, и раздается теперь она – мощной и радостной – повсюду, призывая все народы к восприятию учения истины. Все христиане встречают радостно этот великий день – день воскресения Того, Кто принял на себя грехи всего мира, Кто пострадал за мир.

Встречается этот день торжественно и у нас, в Сибири. Разумеется, не каждый в состоянии встретить его радостно. Тяжелая доля не оставляет многих и в этот день, житейские нужды, невзгоды гнетут, как всегда. И величественные звуки «Христос Воскресе!» не могут заглушить вовсе страданий и проклятий, не могут стереть слез тысячи несчастливцев...

II.

Канун светлого праздника Пасхи. Глухая ночь. Бешено поет, как дикий зверь, пурга. Пустынно кругом. Ни звука жизни. Тянется проселочная дорога едва заметная, с каждой минутой заметаемая снежной метелью. Вдали от дороги величаво высится, как какое-то сказочное чудовище, девственный лес. Деревья его, покрытые белоснежным покровом, издали кажутся страшными исполинами – мертвецами, в белых саванах. Жутко!..

Завывание ветра, нарушая отчасти царящую мертвенность, придает всему окрест лежащему еще более ужасный вид. Картина является – поражающей, гнетущей и ум, и чувства.

Жутко!

Но, вот, на дороге вдаль показалось какое-то движущееся пятно, – призрак, или живое существо? Снег валит, и за его хлопьями, падающими массой, крутящимися взад и вперед под напором метели, нельзя сразу определить, что это движется.

Ближе и ближе – обрисовываются очертания этого странного, медленно приближающегося существа.

Кто бы это мог быть на этой бедной, редко проезжаемой, дороге, в такую страшную непогоду, среди ночи?

Существо это – человек, мужчина пожилых лет. Одет он в серого сукна армяк, напоминающий арестантские халаты. Армяк подпоясан толстой веревкой. За плечами у него котомка.

Идет он медленно, опираясь на большую суковатую палку, явно с трудом преодолевая напор ветра, режущего ему лицо. Ноги его вязнут в сугробах, наметенных снегом... Снег обсыпает его с ног до головы. Но он смело подвигается вперед, хотя шаги его с каждым разом становятся все тише, все слабее. Очевидно, усталость одолевает пешехода.

Кто же этот одинокий путник? Что заставило его оставить дом, может быть, семью, все родное, накануне великого дня Воскресения Христова и пуститься в путь? И долгий ли ему предстоит путь, и сможет ли он окончить его?

Путник этот *бродяга* – тип, встречающийся только у нас в России и неизвестный ни в какой другой стране. Бродяга – бесприютный странник, не имеющий ни крова, ни семьи, не имени, ни родины: все это – если и было прежде – давно для него исчезло и невозвратно уже никогда. Это – пария, отверженец общества, лишенный всех прав не только законом, но и самим обществом. Это существо, на совести которого, может быть, масса

злодеяний, руки которого, может быть, не раз обогрелись кровью невинных жертв его хищнических инстинктов.

Это – даже не *человек*; это – что-то среднее между человеком и зверем, от которого он отличается только даром слова. Но этот, ставший не-человеком, все-таки плоть от плоти нашей и кость от кости нашей. Неужели все человеческое стало ему чуждо? Неужели он не сохранит в себе никаких светлых чувств, – неужели там где-нибудь, внутри его, в каком-нибудь потайном уголке, не осталось у него хоть ничтожной частицы любви к кому-нибудь, кроме себя, стремления к добру, к вечной правде?..

Он, видимо, все более слабеет. Пурга не унимается. Сугробы снега становятся все выше, – дорога все более заматывается. Скоро она сравняется с окружающим ее снеговым пространством, и только лес будет, по-прежнему, сказочным чудовищем возвышаться над окрестностью, которая кажется огромным белым ковром, распростертым до горизонта.

***

Двигается бродяга, уходя то и дело по поясу в сугробы снега. Напрасно он старается расчистить себе путь палкой: палка вязнет в снегу вместе с ним. Силы оставляют его совсем.

Он накрепко последние усилия – сделал попытку пойти шибче... шаг, два и – остановился.

Он что-то говорит: рука его подымается к лицу, – он делает какой-то знак. Он произносит великое имя Господа Иисуса Христа, рука его творит крестное знамение.

– Господи! Прости и спаси от гибели! – шепчут его уста, и на глазах показались у него слезы. Они обильно капаят на его заскорузлое, изможденное пороком лицо, обращаясь на нем в ледяные сосульки.

– Прости и спаси! – повторяет он уже громче и громче, и, наконец, голос его возвышается до неистового вопля, – как будто он

полон надежды, что слова его будут услышаны кем-нибудь, кто придет к нему на помощь и спасет от неминуемой гибели.

Но крики его сбиваются в общий аккорд с бешеным воем вьюги и тонут в ней, как капля воды в море – никем неслышимые, никуда не доносящиеся...

Голос его тоже начал слабеть, становится тише. Дрема – сладкая дрема, полная грез, одолевает бесприютного скитальца.

А в это время, откуда-то, может быть, из церкви близлежащего селения, донесся благовест, резко выделяющийся среди воя вьюги и словно ожививший мертвенную окрестность, наполнив ее радостными звуками.

– Христос Воскресе! – проговорил бродяга... Христос Воскресе! – И он слабеющей рукой приподнял шапку и набожно сотворил крестное знамение.

Христос Воскресе! – как будто принеслось в ответ ему тихими звуками кругом.

– Христос Воскресе! – повторил он еще раз и стих, вконец одолеваемый дремой.

...И стоит он, опершись на палку, пригнувшись к ней. Глаза его слипаются. Он уже не делает движений, чтобы двинуться далее. Вой метели уже не страшен ему – он не обращает внимания, что его все более заносит снегом. А грезы, одна за другой, – то яркие, то мрачные, – проходят перед ним. Вся жизнь встает перед несчастным, со всеми ее светлыми и страшными сторонами.

Вот он мальчиком в деревне в родительском доме. Отец его зажиточный крестьянин, и он единственный сын у него – любимец и баловень родителей.

Не нарадуются отец и мать на своего Ваньку, холят и лелеют его, и растет их Ванька красавцем – статный, белый, румяный, с кудрявыми, черными, как смоль, волосами...

Он уже большой – зависть всех деревенских парней, зазноба всех деревенских красавиц.

Везде он на деревне первый; на посиделках ли, в хороводе ли, в работе ли... И лицом взял, и всяким талантом.

Никто лучше Ваньки не спляшет, никто искуснее его не затянет песни. К труду он тоже охоч, и всякая работа у него спорится лучше, чем у других. И рассудить он всякое дело сумеет, не хуже любого старика, несмотря, что молод и грамоты не знает, кроме как читать по-церковному.

Но обратись к нему кто за советом каким, так расскажет, так научит, что к другому не пойдешь!

Задумали отец с матерью женить его. Сами стары, надо в дом молодую хозяйку, да и Ваньке пора приспела, 22 год пошел.

– А то не жени, парень еще набалуется, с пути собьется! – решили старики.

За невестами на деревне, особенно для такого парня, как Ванька, дело не стало. Но старики не хотели для Ваньки жены из деревенских. Нравилась ему одна, Паша, дочь бедного крестьянина, – король была девка! Заикнулся, было, он матери о ней, но та и руками и ногами.

– Чтой ты! Чего нам из мужицкой, да еще голоштанной семьи брать. Ты, что ль, у нас урод какой, или мы нищие? Слава Богу, на деревне первые по богатству, да и ты уродился у нас красавцем.

И сосватали для Ваньки невесту хорошую, дочь разорившегося купца из соседнего города. Была она, действительно, из себя красива, только не в мужицком вкусе: через чур уж жидка телом.

Не Ваньку она думала иметь мужем, да отец ее впал в банкротство, а потом вскоре и умер, оставив после себя большую семью без всяких средств к жизни.

Женился Ванька и обратился в Ивана Петрова. Жена его – Марья Александровна – полюбилась ему, только она к нему была уж чересчур не ласкова, да и выглядела настоящей барыней – белоручкой: сидит день-деньской, палец о палец не ударит, да книжки только читать.

Подойдет он, бывало, к ней, придя с какой-либо работы – подсядет.

– Поцелуй, Машуха! – скажет. Сурово так взглянет она на него, да и оборвет:

– Прежде чем целоваться, пошел бы, да вымылся хоть в бане – от тебя потом разит; невыносимо рядом сидеть с тобой.

Отойдет от нее с болью в сердце, закручинясь, молодой муж, думая: как же при нашей мужицкой работе это сделать, чтоб потом от тебя не пахло? Николи не сделаешь!

VI.

А грезы идут дальше, подходит к роковому событию: ясно рисуется оно перед несчастным. Неподалеку от их деревни была барская усадьба. Барин в ней не жил, путаясь где-то за границей, а всем заправлял управляющий, немец, человек лет 40, женатый, хоть и бездетный. Жена управляющего была значительно старше его; он же был большой любитель до прекрасного пола, и слава о его любовных похождениях гремела по всем окрестным деревням, где он успел внести позор во многие крестьянские семьи, соблазняя молодых девок.

Он был с порядочными деньгами, не был скуп на награды для своих жертв, и все проделки пока сходили ему благополучно с рук, так как он попадал на податливых отцов, соглашавшихся не затевать «дела» за известное вознаграждение.

Увидал он как-то жену Ивана Петрова, – у сластолюбца и глаза разгорелись.

– Она во что бы ни стало моя будет! – решил он. Не один же ее сиволапый муж должен пользоваться таким цветком. Не по его рылу такой кусок!

...Было лето. Иван Петров возвращался домой с покоса в 5 верстах от деревни. В этот день ему было что-то не по себе, сердце как-то щемило, словно предчувствуя беду, и он даже решил идти домой ранее обыкновенного, чувствуя, что ему не работается. Шел он задумавшись. В руке у него была литовка.

Показались деревенские строения. Вот и его гумно. Он и сам не мог объяснить для чего, так, вдруг, явилось желание, и он зашел на гумно.

Вошел – и остолбенел: на разостланном ковре лежала его жена с немцем-управляющим...

Что с ним сделалось, что он почувствовал при виде любимой жены, расточающей страстные поцелуи другому, – он ни тогда, ни впоследствии – не мог объяснить, не мог ясно припомнить.

В каком-то остервенении бросился он на них с литовкой и начал рубить.

Смутно припоминал он, что слышал голос жены, молящей о прощении; но он глух был к ее мольбам. Он, ничего не сознавая, бил их, бил их обоих, бросаясь на них, как дикий зверь, не знающий сожаления и пощады.

Через несколько минут перед ним были два трупа; но он и безжизненным трупам продолжал наносить удары...

Кровь брызгала ему на руки, в лицо.

Он бил – ничего не чувствуя, не сознавая, бил до тех пор, пока какой-то крестьянин, тоже случайно зашедший на гумно, не схватил его сзади и, повалив, не обезоружил, отняв у него литовку.

Ивана Петрова судили и приговорили к 10 годам каторжной работы.

В каторгу он отправился с деньгами. Старик отец его (мать не вынесла осуждения нежно любимого сына и умерла) передал ему потихоньку, при свидании в тюрьме, три радужные, которые он и зашил в арестантский халат.

Следуя по этапу в Сибирь, он, по совету других, опытных арестантов, в одной из тюрем переменялся именем с ссыльнопоселенцем из крестьян Николаевым, которому и уплатил за это два четвертных. Тот отправился за него на каторгу, а он, под именем Николаева, был водворен в Енисейской губернии, и на оставшиеся деньги решил уже обзавестись хозяйством, повести новую жизнь.

Но этому не суждено было сбыться. На пути в каторгу, мнимый Иван Петров был как-то заподозрен в самоличности одним из тюремных смотрителей, нашедшим сходство его с приметами, значащимися в статейном списке Ивана Петрова, под именем которого он следовал. Его допросили, и Николаев назвал свое настоящее имя, объяснив подробно, с кем он сменился.

По его указанию, Иван Петров был арестован, осужден вторично за смену именами с Николаевым, – срок каторги ему был увеличен и, кроме того, его приговорили к наказанию плетьюми.

С этих пор Иван Петров махнул рукой на все.

Дорогой ему удалось опять перемениться именами с осужденным за бродяжничество и следовавшим на водворение в Иркутскую губернию, но по прибытии туда и по причислении к волости, он не остался в месте ссылки, как первый раз, а пошел бродяжничать.

Теперь переносятся перед ним годы его бродяжнической жизни, долгие пятнадцать лет жизни от острога, с этапа на этап. Месяц – два свободы, и то какой свободы: живи, крадучись как зверь, избегая больших дорог больших городов, добывая себе пищу, или подаянием от таких же почти, как он, нищих – крестьян дальних деревень, или воруя, грабя, убивая...

Ужасная жизнь – жизнь, пожалуй, хуже острожной, хуже чем в каторге...

Месяц–два свободы и снова острог, снова этап... О, Боже! И нет сил, нет средств к возврату на правый путь, к обновлению...

Бродяжничая по Сибири, он не раз добирался и до России, и на родине ему удалось побывать.

Отец его в тоске по сыну давно умер; дом их и все хозяйство досталось какому-то дальнему родственнику.

Ничего родного, заветного для него уже не было в мире.

А он все еще жил – все еще бродяжничал, оставляя на пути за собой часто стоны и проклятия ограбленных и изувеченных жертв.

V.

Вьюга начинала стихать. Вой ветра уносился словно куда-то вдаль, все становясь слабее и слабее. Снег выпадал уже не так густо. На востоке начинала уже брезжить заря; тени ночные скрывались в пространстве.

Наступало утро, радостное, безоблачное... В морозном воздухе отчетливо проносился звон колоколов убогой деревенской церкви, колокольня которой, озаренная загоравшимся светом, теперь ясно обрисовывалась вдали.

Из одного большого сугроба выглядывало что-то черное; это была голова несчастного бродяги, почившего вечным сном...

Христос Воскресе! – С этими чудными словами, произнесенными с глубокою верою, покончил навсегда счеты со своей ужасной долей этот отверженец общества.

***

Христос Воскресе!

Всеволод С.

Источник: Сибирский вестник. – 1887. – 4 апр. (№ 41). – С. 2–3.

Мишка Блоха

(Из рассказов заключенного)

I.

Мишка Блоха. Таковое было его прозвище, занесенное, с его слов, в протокол судебного следователя при его допросе. Под этим прозвищем он и попал в тюрьму. Непонятно, почему он получил такое прозвище или сам назвался им. С кем угодно, но только с блохой его нельзя было сравнить. Это был рыжий детина, косая сажень в плечах, роста не менее 12 вершков, с светлыми волосами, переходившими местами в рыжий цвет,

и, по странной игре природы, с совершенно темными густыми бровями, которые как-то резко выступали вперед и закрывали даже верхнюю часть его глаз. В других чертах его лица не было ничего особенного, – нос хороший, с горбинкой посередине, рот небольшой, с пухлыми губами, из-под которых виднелись довольно ровные и белые зубы.

Но, в общем, Мишка Блоха производил не то что бы отталкивающее впечатление, а неприятное. Когда он взглядывал на вас, вам невольно делалось жутко. Он словно подавлял вас своим взором, и вы чувствовали угнетенное состояние.

Говорят, то же самое чувствуют люди, когда неожиданно в лесу встречаются с каким-нибудь хищным зверем и, даже имея оружие с собой для защиты, первоначально теряются.

Он был далеко не стар, – вряд ли даже ему было 30 лет. Но он считался в К-ской тюрьме одним из старых закоренелых преступников и в описываемое время фигурировал как бродяга, непомнящий родства, в качестве которого он и попал в острог. Но между арестами ходили рассказы о его «подвигах», из чего можно было заключить, что он очень рано вступил на преступную стезю, успел побывать в каторге за участие в убийстве с целью ограбления, бежал оттуда; как бродяга, прошел всю Сибирь; несколько раз попадался в руки полиции, судился за бродяжничество и снова бегал из тех мест, куда был водворяем по приговору суда.

Сам Блоха был молчалив; в тюрьме его все боялись, и арестанты по-своему уважали; но он ни с кем не дружил и никому о себе ничего не сообщал.

Сведения о нем шли, главным образом, от другого арестанта, сидевшего тоже за бродяжничество, и он-то передавал подробности из прошлого Мишки Блохи, рисуя его, как самого бессердечного, жестокого человека, не щадившего никого, кто становился на его дороге.

Этот арестант передавал возмутительную сцену, действующим лицом в которой был Блоха.

У Блохи был родной брат, семейный крестьянин, имевший жену и двух малолеток.

Бродяжничая вместе с арестантом-рассказчиком, Мишка Блоха забрел в деревню, где жил его брат, и, укрываясь в течение дня неподалеку от деревни в лесу, он ночью, взяв с собой товарища, отправился к избе брата и постучался в окно; на стук вышел брат и по голосу или по лицу (ночь была лунная) тотчас узнал Блоху. Но он с ужасом отстранился от него и не только не хотел пустить его в избу, но объявил, что будет кричать и подымет криком всю деревню, чтобы Мишку Блоху задержали, как беглого каторжника.

Тогда Мишка Блоха как-то зарычал от ярости, и не успел брат договорить своих угроз, как уже лежал мертвый на земле, задушенный Блохой, который неожиданно обхватил его шею своими мускулистыми руками и сдавил его горло так, что смерть была почти мгновенная.

Но Блоха этим не ограничился. Умертвив брата, он бросился в избу и также задушил жену брата и двух малолетних его детей – мальчика и девочку. Потом, ничего не взяв, хотя они с товарищем почти сутки ничего не ели, вышел из избы, пробурчав себе под нос:

– Собакам – собачья смерть! Хорош отец – хороши бы вышли и щенки! – сказал товарищу, в страхе следовавшему за ним.

– Идем в лес. Переночуем там, а завтра где-нибудь раздобудемся хлебушком.

Арестант, товарищ Мишки Блохи и свидетель зверского убийства, рассказывая этот эпизод из жизни Блохи, замечал, что на него тогдашняя жестокость Блохи так подействовала, что он весь дрожал от испуга и что теперь, когда прошло более 5 лет со дня события, при воспоминании о нем он не может осилить охватывающего его ужаса...

И в К-ской тюрьме Блоха считался между арестантами самым жестоким и самым страшным. Со всеми он был суров и ни-

кто никогда не слышал от него ласкового слова. Будучи, вообще, молчалив, как я говорил выше, он объяснялся, обыкновенно, односложными возгласами, словно командуя: «иди туда-то! Молчи, – не то знаешь меня!» и т. д.

II.

Но произошло событие – и в человеке-звере проснулись человеческие чувства.

К-ская тюрьма состояла из двух ветхих деревянных зданий, построенных так, что из окон одного здания были видны окна другого. В летнее время стёкла в окнах, покрывающие решетки, выставлялись, и можно было видеть даже из камер одного здания, что делается в камерах, расположенных в другом здании.

В одном здании, более обширном, помещались камеры для арестантов мужского пола; тут же были разные прислуги и квартиры смотрителя и надзирателей; в другом, меньшего размера, находились камеры для женщин и квартира надзирательницы. Среди арестанток-женщин нередко попадались такие, которые имели малолетних детей, и если они не могли оставить их на попечение кого-либо на воле, то им разрешалось брать их с собой в камеры.

Стояло жаркое лето. Было начало июля. На дворе пекло, носились облака пыли; а в арестантских камерах было еще душнее, и воздух был еще более спертый. Как-то Мишке Блохе не спалось. Он поднялся очень рано и, сидя на нарах, которые как раз приходились около окна, смотрел куда-то вдаль – бессознательно или, может быть, мечтая на излюбленную арестантами тему о былой свободе и строя радужные надежды о возможности получить её в близком будущем.

Вдруг он случайно взглянул в окно противоположного здания, где помещались женские камеры. В окне сквозь решетки ясно обрисовалась фигура маленькой девочки, лет 5 или 6, с белокурыми волосами, миловидной и изящной. Она стояла на по-

доконнике, придерживаемая сзади чьей-то женской рукой, и, видимо, смотрела удивленными глазами на Мишку Блоху.

Когда Мишка Блоха взглянул на неё, она как будто улыбнулась ему и губки её сложились точно в поцелуй, который она словно посылала суровому каторжнику...

Так, по крайней мере, это показалось Блохе.

И Мишка Блоха сразу почувствовал, что с ним делается что-то особенное, чего ранее никогда не было, – что он становится лучше, добрее.

Он продолжал смотреть на девочку и, не отдавая себе отчета, сам стал посылать поцелуи рукой ребенку.

В это время проснулись некоторые из арестантов, и один из них, заметив, что Блоха посылает кому-то поцелуи, пришел в такое удивление, что, забыв боязнь, внушаемую ему Блохой, почти вскрикнул: «Братцы! Смотрите, что сделалось с нашим Михаилом Васильевичем (Блоху так величали арестанты). Вот-то диво: знать, влюбился в какую-нибудь... Смотрите, что руками выделывает!»

В другое время за подобные выражения этот арестант извещал бы силу увесистого кулака Блохи; но тут Мишка Блоха ничего ему не сказал, только строго взглянул на него и отошел от окна.

III.

С этих пор Мишка Блоха стал неузнаваем. По целым дням, как только свободное время, Блоха простаивал перед окном около своих нар, ожидая появления в противоположном окне малютки-девочки, и как только она появлялась – всё лицо его озарялось радостной улыбкой. Через надзирателей за подарки (у Блохи водились кое-какие деньжонки) ему удалось устроить свидание с девочкой. Мать была очень красива, но Блоха не обращал на неё никакого внимания: вся его любовь, вся привязанность сосредоточилась на её малютке-дочери.

И характер Мишки Блохи заметно изменился. Суровости прежней как не бывало. С арестантами он сделался ласков; даже не обращал внимания, когда иной арестант, видя такое мягкое настроение Блохи, набирался храбрости и позволял отпускать на его счет разные шуточки. Блоха выслушивал их и только снисходительно улыбался...

IV.

В одну из ночей в начале августа весь К-ский острог был в тревоге. Загорелось здание, где помещались женские камеры, и пожар, при довольно сильном ветре, мог распространиться и охватить все тюремные строения. Тюрьма стояла у въезда в город и могла сгореть еще до прибытия местной пожарной команды. Почему смотритель, как только начался пожар, приказал распустить всех арестантов и сам, испуганный, умолял их – «не разбежаться, не подвести его седую голову под суд (он был старик), а помогать, насколько можно, тушению пожара»...

Когда Мишка Блоха, получив временную свободу, выскок из своей камеры на двор, – здание женских помещений уже было всё охвачено пламенем. Отстоять его не было возможности. Женщины-арестантки все уже были выведены из камер и толпились на лужайке около горевшего здания, крича и плача от испуга...

Мишка Блоха кинулся к ним.

– «Тут ли его любимая девочка? Спасена ли она?» Этот вопрос охватил всё его существо и он, ничего не сознавая другого, ни о чем не думая, только кидался с места на место, отыскивая девочку.

Вот её мать. Она лежит на земле в истерике. Он остановился перед ней и впился глазами в её лицо, как будто напрягая все старания, чтоб она очнулась. Та, наконец, открыла глаза и прошептала: «Оля, Оля (так звали её дочь)! Где ты?» Но, не видя дочери около себя, она собралась с силами, вскочила и, рыдая, вскрикнула: «Боже мой! Оля осталась в камере, – она там спала!»

Этого возгласа было достаточно для Мишки Блохи. Он бросился к горевшему зданию и, не обращая внимания на пламя, охватывающее его, на крики, раздававшиеся кругом: «куда ты?», «погибнешь», – кинулся в огненную полосу...

Прошло несколько мгновений.

Огонь совершал свое разрушающее дело. Крыша и стены здания рушились. Но вдруг среди пламени, весь словно залитый им, показался Мишка Блоха, что-то несущий у своей груди, придерживая *это* одной рукой, а другой – размахивая в воздухе, как будто отгоняя от себя пламя.

Миновав огненную полосу, Мишка Блоха пошатнулся и упал замертво.

С ним же упала и Оля, которую он каким-то чудом вынес невредимой из пламени, хотя девочка от испуга и была в обмороке.

Увидя дочь спасенной, мать её бросилась на колени перед Блохой и, обливаясь слезами от радости, целовала его руки...

Мишка Блоха получил сильные ожоги и через несколько дней скончался в больнице, находясь всё время в беспомощности.

V.

...Только перед смертью Блоха пришел в сознание, и первым вопросом было: «здорова ли девочка?».

Узнав, что она жива и невредима, он начал умолять больничную сиделку привести к нему девочку, чтобы проститься с ней...

Желание несчастного бродяги было исполнено. Оля была приведена к нему.

Мишка Блоха взглянул на неё сияющим, радостным взором, – хотел что-то сказать, но не успел – и глаза его закрылись навеки...

Мишки Блохи не стало...

Всеволод Сибирский

Источник: Сибирский наблюдатель. – 1902. – Кн. 1. – С. 23–28.

III. Публицистика

Дело убийц купца Кана и его семьи

16 июня, в томском губернском суде, под председательством и.д. товарища председателя Н.И. Соина, в составе членов: С.М. Федюшина и Н.Э. Бялоцкого, при секретаре А. Михальском 2-м, докладывалось дело об убийстве с целью ограбления томского 2-й гильдии купца Бориса Кана, иудейского вероисповедания, его жены, двух малолетних детей и служанки, Анны Чевелёвой – 14-летней девочки, православной. Обвинение поддерживал губернский прокурор А.А. Орлов.

Это преступление, совершенное в минувшем году, среди белого дня, на самой людной улице Томска, наделало в своё время в нашем обществе большого шума. Исходом этого дела интересовался весь Томск, и в суд стремилась масса народа. Зала заседания была битком набита публикой, разместившейся, до 150 человек, на скамьях и нарочно поставленных для того стульях. Кому не хватало места в зале – теснились в прихожей суда, в коридоре и даже на улице; иные подъезжали в экипажах к окнам залы заседания, которые были, по случаю жаркого дня, отперты, и, стоя в экипажах, из окон слушали доклад дела. Места для почетных посетителей были тоже все заняты членами судебного ведомства. Интерес к этому делу был возбужден и потому еще, что в роли обвинителя являлся сам прокурор, речь которого, по делу о подлогах бывшего секретаря томского окружного полицейского управления Любарского, была памятна всем слышавшим её, и многим желалось послушать еще раз талантливого оратора. Докладывал дело советник С.М. Федюшин. Следствие производил судебный следователь Д.Г. Бессонов. Заключение составлял товарищ прокурора Н.А. Григорьев. Обвинялись: крестьяне из сосланных на водворение, по приговору общества, Каинского округа Захар Ан-

тонов Федоров, 40 лет, и Петр Васильев Жураковский, 28 лет, и лишенный военного звания рядовой тульского резервного батальона Иван Петров Майоров, 46 лет.

Подсудимые содержатся в томском тюремном замке, и были доставлены в суд под конвоем. Федоров – брюнет, среднего роста, с окладистой небольшой бородой с проседью, смотрит исподлобья, вообще, на вид угрюмый, мрачный; Майоров – блондин, седоватый, лицо открытое, держит себя свободно и, очевидно, интересуется исходом дела, – прерывает несколько раз доклад и речь прокурора, порываясь говорить; Жураковский – молодой человек, с маленькими черными усиками; лицо красивое и даже симпатичное. У Федорова семья: жена и двое малолетних детей, сын и дочь, помещенные теперь во Владимирском приюте; другие двое подсудимых – одинокие люди. Жураковский, кроме своей фамилии, носит еще прозвища «Хохла», «Беляева» и другие. Защищали подсудимых: Жураковского – П.П. Заварин, а Федорова и Майорова – Г.И. Зданович.

4 ноября 1886 г., 15-летняя девочка, Анна Неброева, в 9-м часу утра зашла купить что-то в мелочную лавочку купца Бориса Кана, помещавшуюся по Почтамтской улице – в самом центре г. Томска – в доме Сквородова, рядом с фотографией Картамышева и трактиром «Орёл», посещаемым, преимущественно, разным подозрительным людом. На полу в лавке она заметила кровь и высунувшуюся из-за прилавка руку. Девочка перепугалась и бросилась из лавки домой и рассказала всё виденное ею своему брату Василию Неброеву, который тотчас же отправился в лавку Кана и, убедясь, что там совершено убийство, поспешил дать знать о случившемся полиции.

Вслед затем в лавку Кана прибыли судебный следователь Бессонов, прокурор и товарищ прокурора А.В. Витте и полицейские чины, которым и представилась следующая картина: На полу в лавке стояли лужи крови, за прилавком находился труп Бориса Кана, весь в крови, с раздробленным черепом;

из одетого на Кане верхнего платья, один карман был выворочен, другой – оторван. В смежной комнате валялся на полу железный лом, длиною $\frac{3}{4}$ аршина, обрызганный кровью. Тут же лежали двое малолетних детей Кана – один из них был убит наповал, а другой – девочка 4 лет, подавала еще признаки жизни. В спальне, отделявшейся от этой комнаты перегородкой, на кровати находился труп 13-летнего сына Кана, Леонтия, ученика томской гимназии; а в кухне, в которой была дверь, ведущая во двор дома Сквородова, оказавшейся на запоре, найдены тоже убитыми беременная жена Кана и служанка Анна Чевелёва. Убийство было совершено явно с целью грабежа, так как обнаружилось похищение разных золотых и серебряных вещей, лежавших у Кана в спальне, в комод, а также денег, бывших в выручке.

Врач, осматривавший трупы убитых, заключил, что смерть их последовала от нанесения им ран в голову, сопровождавшихся у некоторых – как у Бориса Кана – раздроблением черепных костей каким-либо тяжелым орудием, – напр[имер], таким, как найденный в лавке железный лом.

На другой день, 5 ноября, ночной караульный заявил городовому Воскресенской части Ягодину, что он видел утром 4 ноября вышедших из лавки Кана Захара Федорова с Иваном Майоровым и каким-то неизвестным. Затем, мещанин Берланд сообщил сначала брату убитого Кана – Якову Кану, а затем и полиции, что он подозревает, что похищенные вещи Кана находятся у Федорова, проживавшего в доме псаломщика Никольской церкви – в переулке, позади её. Федоров был личностью довольно известной полиции, так как ранее служил в пожарных и неоднократно привлекался к ответственности за конокрадство и другие мелкие преступления. Берланд, заявляя подозрение на него, рассказал следующее: утром рано, 4 ноября, в содержимый им кабак на Уржатке, рядом с торговыми банями Хотимских, пришёл Федоров; Берланда самого в кабаке не было, а находилась его прислуга – какая-то Егорова. Федоров потребовал

стакан водки, выпил его и спросил еще. Отпуская ему водку, знавшая хорошо Федорова, который часто бывал в кабаке Берланда и даже пользовался у него кредитом, удивилась, что он так много выпил водки, так как обыкновенно Федоров не выпивал более одного маленького стаканчика.

– Что так много пьешь? – спросила она у него.

– «Надо, – иду на *фарт*». Через несколько часов после ухода Федорова жена его Парасковья пришла в кабак Берланда и уплатила деньги, должные Берланду Федоровым за забор в кабаке. Ей тоже выразили удивление, что её муж так много выпил сегодня водки.

– Это оттого, – отвечала она, – что он собирался ехать в деревню за сеном – и уехал. В то же время, жена Федорова говорила, что у них есть разные серебряные и золотые вещи и предлагала Берланду купить их.

Вследствие этого, у Федорова был сделан в помещении, занимаемом им, обыск; причем в коровнике был найден зарытый в навоз бумажник с векселем на имя Кана, выданным купцом Юдалевичем, а затем, между наложенными у коровника дровами завернутые в ситцевый передник разные серебряные и золотые вещи, оказавшиеся принадлежащими убитому Кану и его семье. Самого Федорова во время обыска не было дома, и жена его объяснила, что он уехал еще накануне утром в деревню Аркашеву. Ситцевый передник, в котором были вещи, Федорова признала своим, но отозвалась, что она не знает, как он очутился там, где был найден, и кто и какие вещи завернул в него. Но утром, 4 ноября, к её мужу приходили какие-то двое, ей неизвестных мужчин, и очень вероятно, что вещи подбросили они. Затем, был сделан обыск и у Майорова, но у него ничего не было найдено. Федоров был арестован после того приставом Аршауловым. Ни он, ни Майоров не сознались в каком-либо участии в убийстве Кана и его семьи. Федоров первоначально даже отрицал всякое знакомство с Майоровым. О происхождении вещей, найденных у него в

помещении, он отозвался полнейшим незнанием, как они попали туда. По его словам, 4 ноября, в 6 часов утра, он отправился на базар, оттуда вернулся домой через час и уехал в Аркашево, где и пробыл целый день. Кана он вовсе не знал и в лавке его никогда не бывал. В кабак Берланда он, действительно, заходил утром, перед отъездом на базар, выпил там водки, но с прислугой Берланда, Егоровой, ни о чем не говорил.

Но, спустя два дня после заарестования Федорова против него обнаружили улики, вполне избличавшие его в убийстве. Оказалось, что 10-летняя дочь его Акулина, придя 4 ноября в Подгорное училище, где она была ученицей, угощала других учениц – Шишкину и Пужевскую – конфетами; причём объясняла, что конфеты ей дал отец, которые пришел откуда-то утром, весь замаранный в чем-то красном, похожем на кровь. Дочь Федорова была допрошена и показала, что 4 ноября, когда только что проснулась, она увидела своего отца, вернувшегося откуда-то домой; он был замаран в крови; на нём был надет бешмет, тоже запачканный кровью. Он велел матери её дать умыться, обмыл себе руки и лицо и, затем, хотел замывать бешмет, но потом взял и бросил его в печь, которая топилась, и сжег его. После того вошли к ним Майоров и другой, которого называли «хохлом». Эти люди и прежде бывали у них. Майоров и хохол показывали часы и другие вещи; о чем-то говорили с отцом и потом пошли во двор. Она вышла за ними и увидела их в хлеве. У Майорова был в руках узел из передника её матери с золотыми вещами.

– Убирайся прочь! – сказал ей Майоров, и она ушла в училище; перед уходом туда кликнул её отец и дал её конфет.

8-летний сын Федорова Философ тоже показал, что у отца его утром, 4 ноября, был Майоров и «хохол», и они ушли куда-то вместе с отцом.

Майоров, перебивая: Он показывает ложно...

Председательствующий: Молчите. Вам своевременно будет предоставлено слово, и тогда говорите, что желаете.

Майоров. Хорошо. Я буду молчать.

12 ноября был произведен вторичный обыск в квартире Федорова и при этом найдены: ложка серебряная, чехол из-под револьвера и билетик от конфеты с надписью: «вино веселит, а от вина голова болит». Ложка оказалась принадлежавшей Кану, и в его лавке нашлись конфеты, точь-в-точь с такою же надписью. Несмотря на такие подавляющие улики, Федоров упорно продолжал отрицать свою виновность, и подробности убийства оставались не разъясненными.

Но 14 ноября, в городе Каинске, был задержан третий преступник, известный под прозвищами «Федьки-хохла» и «Беляева», оказавшийся Петром Васильевым Жураковским. Он сбывал в Каинске ограбленные у Кана вещи. Жураковский, сознавая в убийстве и ограблении Кана и его семьи, сначала показал, что преступление им совершено в сообществе с каким-то Гарькушкой, но, затем, он снял оговор с Гарькушки и подробно рассказал все обстоятельства дела. Сговаривать его на совершение преступления стал Федоров. Он колебался и не соглашался идти на убийство.

– Убьём его! Чего боишься? Мне это не впервой. Если не хочешь, я и сам один убью. – При этом Федоров объяснил, что он с Каном хорошо знаком и вхож к нему во всякое время. Он постоянно сбывал ему краденое золото и теперь пойдет к нему и скажет, что у него есть продавец золота. Под именем такого он и введет к Кану Жураковского. Но он, все-таки, не соглашался на предложение Федорова и поступил работать на завод Фуксмана. Федоров, однако, не оставил его и там, приехал и туда вместе с Майоровым и увез с собою Жураковского. Рано утром, 4 ноября, Федоров отправился к Кану сначала один, затем вернулся домой и объяснил ожидавшимися его Жураковскому и Майорову, что он «всё приготовил и надо идти».

К Кану вошел первым Федоров, за ним Жураковский, а Майоров вошел уже потом. Когда Кан обернулся, чтоб проводить пришедших в смежную с лавкой комнату, Жураковский

ударил его сзади по голове железным пестиком, левой рукой (так как он левша). Кан покачнулся, а Федоров нанёс ему по голове ломом; тогда Кан упал с раздробленным черепом, не успев даже крикнуть. Когда они пошли к Кану, то Федоров взял с собой лом, Жураковскому дал пестик, а Майорову – молоток.

После того, Федоров велел Майорову запереть дверь, а Жураковский, перескочив через труп Кана, принялся грабить вырубку. Как Федоров и Майоров убивали жену, детей и служанку Кана, Жураковский не видел. Покончив со своими жертвами и забрав золотые и серебряные вещи у Кана и 38 руб. денег, которых только и было найдено, убийцы спокойно вышли из лавки. Впереди шел Федоров, торопя остальных: «пойдём скорее!» – твердил он. Затем, убийцы пришли в квартиру Федорова, где разделили вещи и 38 руб. на *горшье* (вышке). При приходе, жена Федорова спросила Жураковского: «Хорошо?» – «Да», – отвечал он. Кроме того, Жураковский видел у Федорова три банковских билета, но тот их при нем разорвал.

После показания Жураковского Федоров только сознался в том, что был знаком с ним и с Майоровым. С первым познакомился в Томске в кабаке Подольского, а с Майоровым уже знаком 12 лет. Но показание Жураковского подтвердилось еще и тем, что пестик, которым он нанёс удар Кану, был найден в указанном им месте, куда он его забросил – между кулями в лавке Кана.

Майоров тоже ни в чем не признавался и старался доказать своё *alibi*, утверждая, что он 3 и 4 ноября никуда не отлучался из квартиры, и сослался в подтверждении этого на хозяина своей квартиры, чиновника Ставрова, и других лиц, но те показали, что Майоров, напротив, ушел из квартиры 2 ноября и вернулся только в 10 часов утра 4 ноября. Затем, по просьбе защитника Здановича, было прочтено одно показание Майорова, в котором он, между прочим, говорит, что он «хохла» никакого ранее не знал, но виделся с ним незадолго до убийства Кана, и он рекомендовался ему золотоискателем и показывал в горсти золо-

то. Федоров ему при этом объяснил, что они хотят сбыть золото кому-то на Воскресенской горе и предложил ему идти с ними вместе. Он согласился. Пришли они к лавке Кана.

– Как же ты сказал, что пойдём на Воскресенскую гору? – спросил Майоров у Федорова. – Да тот человек переехал сюда, – ответил он. В лавку Кана вошли только Федоров и Жураковский, а ему Федоров велел дожидаться. Затем он увидел, что Федоров и Жураковский вышли из лавки и пошли, не обращая уже на него внимания. Он пошел за ними, но когда подошел к дому, где жил Федоров, тот ему сказал: «Не ходи, а то получишь *глухую исповедь*» (т. е. убьют его). Но и это показание впоследствии Майоров изменил. Жена Федорова Парасковья тоже подробно рассказала о приходе к ним Жураковского и Майорова. Подсудимые, вообще, на неё негодовали. По поводу её показаний они вели в тюрьме переговоры, которые подслушали тюремные надзиратели. Так, Майоров раз сказал Федорову: «Послушай, ведь, мы погибаем из-за твоей жены. Её надо сюда. Я буду на неё показывать, а ты подтвердишь». На это Федоров возразил: «Она ведь ничего *нашего* не знала, – чем она виновата?» Жураковский тоже винил жену Федорова, говоря последнему: «Я бы и рад тебя не путать, да жена твоя нас запутала, – я и сознался». Во время доклада дела Майоров несколько раз пытался говорить, но был каждый раз останавливаем председательствующим. Гарькушкой, которого первоначально оговаривал Жураковский, оказался некий Гордей Косолапов, томский жулик. Против него, однако, не было добыто следствием никаких улик, хотя Майоров и показывал, что он, будто, участвовал в убийстве Кана с Жураковским, но дал, потом, последнему 60 руб. – и, таким образом, откупился, и Жураковский снял с него оговор.

Прокурор Орлов. Гг. судьи. Всякое нарушение обычных условий жизни – естественно возбуждает внимание всякого общества. Это внимание обостряется при совершении особенно грандиозных преступлений. В этом случае каждый гражданин

настороже. Так и при настоящем, рассматриваемом нами преступлении: когда оно совершилось – все чувствовали себя потерпевшими. Оно навело страх на всех мирных граждан. Являлись опасения за возможность безнаказанности преступников. Приступая к обвинению, я должен сказать, что чем ужаснее преступление, чем тяжелее грозит ответственность подсудимым, тем сильнее, тем тверже должны быть и доказательства их вины. Но материал, собранный следствием против подсудимых, настолько верен, насколько были верны удары пяти лицам, положившие последних. Прежде всего, я остановлюсь на «хохле». По-видимому, его сознание избавляет нас от обязанности доказывать его вину. Так, по крайней мере, гласила блаженной памяти 351 стат[ья] XV т. 2 части, считавшая собственное сознание лучшим доказательством. И, действительно, что, кажется, может быть вернее для суда, для судебной совести, когда преступник приходит в суд, говорит: «не ищите, – я сам сделал». Жураковский – не психически больной, а такому человеку чуждо взваливать на себя вину. Но закон должен иметь, прежде всего, в виду справедливость, – он и карает преступника потому, чтоб не нарушать её. Опыт показывает нам, что нельзя исключительно основываться на сознании: бывают случаи, что иные берут на себя вину из каких-либо побуждений. Поэтому, и я считаю необходимою проверить сознание Жураковского, и тогда виновность его будет несомненна. Пока останавливаюсь на одном обстоятельстве, важном, которое вполне убедит нас в виновности «хохла», убедит, что сознание его правильно. Я упомяну об одном из орудий преступления – о пестике. Хохол показал, что забросил его в лавке Кана между двумя кулями. И там, где он сказал, пестик и был найден. В лавке, в момент преступления, никого не было, кроме убийц и их жертв. Значит, никто и не мог знать, где находится пестик, – значит, Жураковский был участником преступления. Теперь перейду к Федорову. Счеты с ним тоже будут коротки. Он не сознается, – он всё отвергает, распространяясь

лишь подробно о своей поездке в Аркашево. Товарищ прокурора в своём заключении устанавливает, между прочим, следующие факты против Федорова: 1) показание «хохла», 2) нахождение ограбленных вещей в фартуке его жены, 3) недоказанность алиби и тесное знакомство с Майоровым и «хохлом», отвергаемое им, 4) приход его в кабак утром, 4 ноября, разговор с Егоровой, и 5) показания дочери Федорова Акулины и его жены. Все эти факты я должен представить не только в известной последовательности, но и доказать, что они связаны между собою и крепкой связью. Я так и поступлю. Связующим звеном их является показание дочери Федорова. Конфеты дал ей отец, вернулся он домой 4 ноября весь в крови, мылся и, затем, сжег бешмет, запачканный кровью, в печке. Но чтоб убедиться в полной достоверности показания её, – увериться: не ошиблась ли она, – я рассмотрю, насколько оно подтверждается другими обстоятельствами дела.

Во-первых, и сам Федоров не отрицает, что уходил утром на базар. Печка, когда он вернулся, действительно, топилась, и с ним пришли вместе Майоров и хохол...

Майоров. – Это неправда, г. прокурор.

Председательствующий. – Я повторяю вам: не прерывайте.

Прокурор. – Что Федоров был в бешмете – это тоже подтвердилось. Следовательно, показание дочери Федорова является вполне достоверным. Если б у Федорова не был бешмет замаран в крови при совершении преступления, зачем бы ему было сжигать [его] в печке? И он ничем не объясняет происхождение крови на нём 4 ноября. А раз он не говорит, что кровь у него текла из носу, или он чем-нибудь порезал себя, мы должны признать, что он был в лавочке Кана, где текла кровь ручьём, в качестве действующего лица этой ужасной драмы. Акулина рассказывала о том, что отец был в крови еще тогда, когда не могла знать об убийстве. Постороннего влияния на неё не могло быть. Опровергнуть её показание нельзя, как бы ни были гениальны усилия к тому защиты. Установив, таким образом, это незыбле-

мое положение – достоверность показания дочери Федорова, – я сопоставлю с ним все остальные улики. В основу своего сопоставления я положу показание Жураковского.

Здесь прокурор, ввиду утомления, просил прервать заседание, и суд сделал перерыв на 10 минут.

Заседание возобновилось в 1 ч. 25 мин., и *прокурор* продолжал свою речь: Сопоставление я буду делать показанию Жураковского, вообще, с тем, что показывают другие подсудимые. Жураковский говорит, что он участвовал в убийстве вместе с Федоровым и Майоровым. Нет сомнения, что преступление не могло быть совершено без обдуманного заранее намерения – лицами, пришедшими, так сказать, с ветру. Тут был, очевидно, сговор – подсудимые были хорошо знакомы между собою. Первоначально Федоров отрицал это знакомство. Это объяснение его казалось на первое время основательным. Что были за люди Майоров и Жураковский? Жили они, боясь полиции, не имея постоянного пристанища, и под разными именами. Жураковский – сегодня Федька-хохол, завтра – Беляев, и т. д.; Майоров иногда назывался *почтеннейшим*. Может быть, их и действительно не знал Федоров, – не произошло ли тут ошибки? Нет! Живя постоянно здесь, имея свой угол, занимаясь разными тёмными операциями, он не мог не знать их. Мы имеем в деле показание свидетеля, крестьянина Трофима Соколова, знакомого Федорова. Когда он был у последнего, незадолго перед убийством, то встретил там двух неизвестных людей. Пили все вместе водку. Ему предъявили Майорова и хохла, и он признал их за тех самых. Майоров тоже сначала отрицал знакомство с Федоровым и с хохлом; а потом сознался. Да и 2 ноября он вместе с Федоровым ездил на завод Фуксмана за хохлом, – значит, знал хорошо хохла. Далее Жураковский говорит, что на убийство подговаривал его Федоров; он колебался, – затем, – согласился. Верно ли это? Полагаю, что верно. Взял его Федоров с Майоровым с завода Фуксмана 2 ноября. Если б Жураковский ранее сразу согласился на преступле-

ние, зачем бы ему работать у Фуксмана за 23 коп. в день, когда он мог бы пить из золотого стакана и давать по червонцу на водку! Жураковский показывает, что Федоров заходил предварительно в лавку Кана и предлагал золото. Это тоже вероятно. Следствием вполне установлено, что Кан принимал краденое золото. Затем, сговор у них был на квартире Федорова, – это не подлежит сомнению. Все оправдания подсудимых являются ложными. Майоров ссылается на трех свидетелей, доказывая своё *alibi*, – те не подтверждают его ссылку, говоря: «нет, его не было дома, а вернулся он 4 ноября, в 10 ч. утра», а когда его спросили, где он был, он ответил: «возил сено». Федоров ходил к Кану еще вечером 3 ноября и даже получил за золото 3 р. задатку. Затем ходил рано утром 4 ноября и, возвратясь через час, сказал: «идёмте». Ведь, им нужно было, чтоб никто им не помешал у Кана. Вот почему и надо было Федорову прийти ранее – предупредить Кана, чтоб он их ждал. Отправляясь к Кану, Федоров даёт Жураковскому пестик. Мог ли он дать его? Мог, ибо жена Федорова подтвердила, что у них был пестик, и найденный в лавке Кана между кулями – тот самый.

Затем, самая картина убийства Кана, начерченная Жураковским, представляется безусловно верной: когда Кан обернулся к ним задом, ему нанёс удар в голову сначала пестиком Жураковский, потом ломом Федоров. Действительно, все удары нанесены Кану по голове. После того начался грабеж вещей. Что было в других комнатах, утверждает Жураковский – он не видел. И верно – он мог не видеть: он собирал вещи; Майоров отодвинул выручку и искал там денег. Федоров после того оттащил труп Кана, оторвал карман от платья и снял у него с руки кольцо, которое довольно ценное. Кан постоянно [его] носил. И вот очевидно, Федоров при этом мог запачкаться в крови и, придя домой, мылся. Пришли они все вместе. Дети Федорова видели отца, Майорова и хохла с вещами. Из проверки показания хохла ясно видно, что оно не противоречит ни в чем обстоятельствам дела. Федоров, повторяю, не представляет ничего в свое

оправдание, утверждая лишь, что утром 4 ноября был на базаре, а потом – уехал в Аркашево. Мне кажется, дело происходило таким образом: по приходе от Кана подсудимые разделили между собою добычу. Свою часть Федоров куда-то повёз, а найденные вещи – часть Майорова, и вот почему: Майоров не мог прийти с узлом к себе. После к нему заходил Федоров и объяснил, как и где найти вещи. Вообще, раз Федоров не даёт никаких объяснений, всё отвергает огульно, сваливает еще на жену, говоря, что обвиняемые его показания детей – происки жены, то виновность его не подлежит сомнению. Таким образом, я убежден, что после всего мною сказанного, вполне очевидно участие и Федорова, и Майорова в убийстве, и ко всем трём подсудимым должен быть применен 4 п. 1453 ст. уложения (убийство с целью ограбления) и они должны быть подвергнуты по 1 или 2 степени 19 ст. уложения (каторжные работы без срока и на время от 15 до 20 лет). Впрочем, выбор наказания – предоставляю вашему усмотрению, г.г. судьи. Сознание Жураковского даёт право на смягчение ему наказания, но и у всех подсудимых есть основания для облегчения их участи – это их полнейшее невежество. Но, во всяком случае, к высшей мере наказания должен быть приговорён Федоров, как искуситель, как инициатор преступления, Майоров – в средней мере, а хохол – в низшей.

Защитник Федорова и Майорова. Прежде всего, я обращаю ваше внимание, г.г. судьи, на то, что настоящее преступление, которое, не жалея мрачных красок, представил столь грандиозным прокурор, является, по моему мнению, вполне обыденным. Что касается виновности моих клиентов, то они её положительно отрицают, несмотря на ряд улик, представляющихся против них. Но что это за улики? – Ведь, это, собственно говоря, всё отрицательные улики. Никто не видал, чтоб именно мои клиенты участвовали в убийстве Кана, – может быть, другие лица, а не они. Я, по обязанности своей, как защитник, должен буду указать некоторые слабые стороны улик. Главная из них – оговор

Жураковского. Но этот оговор теряет значение, если возьмем в соображение, что Жураковский сначала оговаривал какого-то Косолапого, а затем снял с того оговор и перенёс его на моих клиентов. Следовательно, никто не может поручиться, что и настоящий его оговор не ложен, не сделан, напр., из мести. Показания учениц Подгорного училища о том, что им говорила дочь Федорова – ничего не доказывают. Мало ли что может говорить десятилетняя девочка! Она могла рассказывать всё, что угодно, по наущению жены Федорова, не любившей своего мужа. Обыкновенно, подсудимые не сознаются в своей виновности, когда против них нет улик. Против моих клиентов нет улик, и если и притом они отрицают свою виновность, – значит, в сознании своей правоты.

Защитник Жураковского Заварин. Г.г. судьи! Призванный защищать Жураковского, я хочу помочь суду уяснить обстоятельства, сопровождавшие участие моего клиента в убийстве. Он ссыльный, а, известно, здешнее, сибирское общество нечувствительно к ссыльным. Впав раз в преступление, может быть, случайно, человек мог остаться честным. А между тем, у большинства является самое худое понятие о таком человеке, раз преступившем закон. Ссыльный, по прибытии в ссылку, если у него нет личных средств, поставлен в печальное положение; он должен найти еще такое лицо, которое бы согласилось дать ему работу. До этого – приходится жить чуть не милостынею. Тяжелое положение! Ссыльный чувствует презрение к себе окружающей среды и её гнёт над ним... Он хочет вырваться из этого положения, и не может. Если он получает работу – в большинстве случаев лица, давшие ему работу, начинают эксплуатировать его, – он как в тисках, и нет для него выхода к лучшему... И, вот, к находившемуся в таких тисках Жураковскому является, как соблазнитель, Федоров и предлагает ему ограбить еврея. Евреи, по понятию простолюдинов, не люди, – это какие-то полу-человеки. Но мой клиент колеблется принять его

преступное предложение, он даже уходит от Федорова и поступает на завод Фуксмана работать. Но Федоров не оставляет его и тут, – он приезжает за ним, убеждает его, стыдит: «что? трусишь!» – подсмеивается он, – «не под силу, значит, тебе, – тогда я один справлюсь!» Он решается на преступление... Оно совершено, и какой же результат? Богатства у Кана не оказалось... Вот, затем-то, у моего клиента и явилось раскаяние. Он уезжает из Томска, но всюду его преследует мысль о том, какое ужасное дело он совершил. И, когда его арестовали, он сейчас чистосердечно сознался. В виду всех этих данных, я бы просил суд оказать моему клиенту возможно полное снисхождение. Я кончил.

Прокурор. Я считаю нужным сказать несколько слов только по поводу речи защитника Здановича. Действительно, Жураковский сначала оговаривал Косолапого. Но что ж из этого? Может быть, убийство было совершено 6–7 человеками, а не одними тремя, стоящими здесь. Может быть, и Косолапый участвовал в убийстве. Дело в том, что против него следствием не выработано никаких улик, и потому он не мог быть предан суду.

Затем председательствующий предложил последнее слово подсудимым.

Федоров. Я желаю сказать, что некоторые показания судебного следователя записал неправильно. 4 ноября я был на базаре до 9 ч. утра, к Майорову ездил после; а на завод к Фуксману, где работал Жураковский – за азиямом. Жена на меня зла уже пять лет и показывала ложно. Если я вернулся домой весь в крови, отчего она тотчас не донесла на меня? Очных ставок мне с ней, как я ни просил следователя, не дали. По её наущению – показала и дочь. Если б я пошел на убийство, мог бы я вещи Кана оставить у себя дома? Хозяева дома, где я жил, подтвердили же, что я ездил на базар. У Берланда я, действительно, был в кабаке и выпил два стаканчика водки, но маленькие – по 5 коп. Бешмета я не жег, ибо у меня и не было бешмета. Всё против меня – ложность, и дети ложно говорят. Конфеты дал мне для детей Соко-

лов, – я и дал утром 4 ноября дочери Акулине. Я ни в чем невиновен. Если б знал, чьи у меня вещи, разумеется, выбросил бы их. Все показания мои в деле, вообще, записаны не так: напр., сказано: «я ходил на базар», а я не ходил, но ездил...

Майоров (выступив вперёд). Всё что говорят жена и дети Федорова – не верно. Так, жена говорит, что вещи мы принесли в салфетке. Зачем же нужно было завертывать их потом в фартук, если была салфетка?

После Майорова Федоров хочет снова что-то говорить, но произносит только одно слово «опять» – и замолкает.

Жураковский. Прошу снисхождения за чистосердечное сознание. Я соглашался на грабеж только Кана, но не на убийство. Я предупредил Федорова, что убивать не хочу...

Федоров (перебивая). Я тебе ничего ни о каком убийстве не говорил...

Жураковский (продолжает, не обращая внимания на Федорова). Грабить согласен, я сказал, но не убивать. Прошу судить по закону и быть милостивыми.

Затем, суд удалился для совещания и вынес через 15 минут резолюцию, которую постановил: признавая Федорова, Майорова и Жураковского в убийстве с целью ограбления, совершенном по предварительному сговору, по 4 п. 1453 ст. уложения, – всех троих лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы: Федорова, как главного зачинщика, на основании 118 и 2 ст. 19 ст. уложения, сроком на 20 лет; Майорова, как сообщника, по 119 и 2-й же степени 19 ст. уложения, сроком на 17½ лет; а Жураковского, согласно 134 и 135 ст. уложения (ввиду обстоятельств, уменьшающих его вину, как сообщника), двумя степенями ниже, по 4 ст. 19 ст. уложения – сроком на 11 лет.

[Без подписи автора].

Источник: Сибирский вестник. – 1887. – 19 июня (№ 70). – С. 2–3.

Русская жизнь

*Переселенческое движение. Кулачество. Положение рабочих.
Бедствия. Мелководье. Зверство. Идеи графа Толстого.*

Общества трезвости.

Женщины. Дикие и смешные курьёзы.

Стремление к переселению продолжает всё более охватывать крестьянство Европейской России; безземелье ощущается везде. Спешат переселяться даже из таких плодородных губерний, как Саратовская. Так, в одной из газет читаем, что крестьяне Сердобского уезда (Саратовской губ.) за последнее время только и думают о переселении в Томскую губернию, которую они представляют себе если уже не раем, то полу-раем, где, по их мнению, всего вдоволь – и земли (это главное), и лесу, и разных угодий. Пьяные мужички, которых за беспорядки сажают в «жигулевку», и те на пути к месту заключения грезят «про новую линию».

– Э-х, ежели бы таперича в энту губернию, где земли-то много, уж и зажил бы я, как барин какой! Уйду, о, уйду, право слово уйду. Прямо, е баимши ништо, так и махну! – бормочет будущий переселенец. И тамошнее местное уездное по крестьянским делам присутствие положительно завалено ходатайствами крестьян о переселении их в Томскую губернию на свободные казенные земельные участки. И главным импульсом к переселению служат: положительное расстройство хозяйства, экономическое бессилие, отсутствие заработков, дороговизна арендной земли, малоземелье и, наконец, *совершенное безземелье*. И переселенцы направляются не только в Сибирь, но и в другие окраины России, и всё это, большею частью, *наугад*, не справясь предварительно о возможности поселиться в том месте, куда следуют. Так, из Баку пишут, что переселенцы продолжают идти через этот город на свой страх и риск в Закаспийский край и, большею частью, без определенного плана и без копейки денег в кармане, побираясь в дороге Христовым именем. В настоящее время, как сообщает бакинский корреспондент

одной газеты, по городу ходят за сбором милостыни несколько человек из партии переселенцев, пензенских крестьян. Из расспросов их обнаружилось, что эта партия переселенцев, состоящая из пяти семей в количестве 30-ти душ, двигается в Ташкент, чтобы потом сесть на каких-либо землях, находящихся в тех местах. Д. Дятлов в «Восточном обозрении» описывает встречи свои с переселенцами. На пути от Ачинска до Иркутска – пишет он – ему часто попадались небольшие партии переселенцев, едущих на Амур, в Забайкалье и другие места. Однажды попалась ему небольшая кучка переселенцев и на вопрос его: «куда следуют?», отвечали: «в Желтуницу... бают, там земля хороша, – виноград растет»... Грустное чувство охватило г. Дятлова при виде этих несчастных невежественных, лишенных помощи и указаний колонизаторов, направляющихся в какую-то «Желтуницу» (вероятно, *Желтугу*). И, собственно говоря, остановить их нет возможности, да и цели нет. Как ни худо им будет на новом месте, а всё же, может быть, лучше, чем на родине. Положение крестьянства в Европейской России прогрессивно ухудшается. Помимо безземелья, крестьяне страдают от деревенских кулаков и ростовщиков. До чего доходит эксплуатация крестьян деревенскими ростовщиками, можно судить из следующего, поистине, поразительного факта: в сельце Старице, Переяславльского уезда, один из зажиточных крестьян, но не принадлежащий к породе кулаков, несколько лет тому назад самовольно вырубил у соседа яблоню, за что был приговорен судом к 30-рублевому штрафу. Не имея возможности уплатить его, он занял у местного ростовщика 30 руб. По прошествии срока, на который он занял деньги, он не мог их отдать и переписал обязательство ростовщику на новый срок, с прибавкой неустойки и процентов. Затем, дела занявшего пошатнулись и переписывание обязательства продолжалось несколько лет и выросло в такой чудовищный долг, что ростовщик на удовлетворение его забрал всё имущество должника, заключавшееся в 24 десятинах удобной земли и ветряной мельницы, – стоимостью, по крайней мере, в 3000 р. ...

В числе мироедов немало и таких, которые занимают видные должности по сельскому самоуправлению, и тогда, пользуясь своею властью, они, не стесняясь, обирают крестьян. Так, в одной волости старшина, выбранный из богатого крестьянского дома, убедил крестьян продать свой лес на сруб за относительно ничтожную цену; затем, с волостным писарем купил у соседнего помещика 1000 десятин леса с землею, по 20 р. за десятину, и когда крестьяне стали нуждаться в лесе, то начал брать с них сначала по 150 р. за десятину, а потом возвысил цену до 550 р. за десятину. И, разумеется, это повело к разорению крестьян...

Положение рабочего класса в некоторых местностях тоже, поистине, гнетущее. В газете «Кавказ», напр., мы находим сведения об условиях жизни рабочих на батумском заводе известного миллионера Ротшильда. Там ежедневно работают от 1000 до 1500 человек. На заводе нет для рабочих казарм, а потому всей этой массе трудящегося люда приходится ютиться в имеющихся поблизости завода отвратительных духанах, в подбитых ветром деревянных сараях, а зачастую и просто в разных шалашах, на скорую руку разбитых в сырой и болотистой местности. Неудивительно поэтому, что заболеваемость между рабочими весьма значительна; а, между тем, администрация завода не только до сих пор не построила порядочную больницу, но и даже простого лазарета. Больным рабочим приходится лечиться где и как им угодно, а вернее приходится оставаться без всякой врачебной помощи...

И разве подобные невозможные условия жизни рабочих на одном заводе Ротшильда? Они существуют и на других заводах и фабриках. И нечего удивляться, что между рабочим классом царит пьянство и развращенность...

***

Вообще текущий год, а особенно лето богаты разными бедствиями. Пожары во многих местах России следовали один за другим. Сухое и жаркое лето особенно благоприятствовало рас-

пространению их. Целые десятки сел, местечек и даже городов были истреблены пламенем. Богатый промышленный город Костромской губернии Кинешма почти весь истреблен пожаром; выгорели Невьянский и Уфалейский заводы, Жиздра, Рычовка, Ветлуга; сильные пожары были в Енисейске, Липине (Подольской губернии) и других местах. На реках были несчастья с пароходами, и некоторые из них произошли от мелководья. Последнее представляет, несомненно, печальное явление и находится в связи с лесоистреблением. Значительное обмеление заметно даже на такой, считавшейся доселе судоходной реке, как Волга. «Нужно проехать по ней», – пишет в «Русских ведомостях» проф. Исаев, «чтобы понять, в каком жалком положении находится она от Твери до Рыбинска: она судоходна только до летнего спада воды и осенью. Даже пароходы с осадкою 9 вершков не могут плавать по этому плёсу в течение целого лета. И всё это произошло через неразумное, безобразное лесоистребление». Та же участь грозит и Каме, хотя значительно более многоводной, чем Волга и имеющей пред ней-то преимущество, что дно её каменисто, хрящевато и берега устойчивые и не так легко размываются при разливах. Но и здесь вырубка лесов по берегам Камы даёт себя уже чувствовать, и Кама в некоторых местах мелеет. Лесоистребление же происходит почти повсеместно в России. В Сибири еще много девственных лесов; но, пожалуй, недалёко то время, когда и о них останется одно предание. И отовсюду жалуются на лесоистребление. Так, из Закавказья пишут, что там оно является крупным злом. Многие ценные лесные имения доведены там до невероятного опустошения. Вследствие повальной рубки леса, там вода в реках, в гористых местностях, то прибывает настолько быстро после дождей, что уносит всё по пути и затопляет прибрежные окрестности, то почти высыхает. И в том и другом случае наносится громадный ущерб местному населению...

Против всего этого необходимо принять своевременно меры и, пока не поздно, позаботиться о наших реках...

***

Прошел месяц, как я не беседовал с читателями, – и столько за это время на обширном пространстве Руси-матушки разыгралось кровавых возмутительных драм. Самоубийствами, муже– и отце-убийствами и просто убийствами, так и пестрели столбцы разных периодических изданий. Иногда они разыгрывались на почве полнейшего невежества и оставалось только удивляться, до чего человек может быть ничтожен по умственному своему развитию. Так, в Ново-Александрийском уезде еврей Цинман заковал ноги своей дочери в конские железные путы и привязал к столбу. В таком положении несчастная девушка пробыла целых две недели, причём её ежедневно били и не давали почти есть. И это за то, что она изъявила желание принять христианство. В одной деревне крестьяне истязали свою односельчанку, страдавшую, так называемым, «кликушеством», признав, что она ведьма и имеет сношение с дьяволом... Иногда преступления носили на себе характер невероятного зверства. В Азове, напр., на одной из бахчей был замечен мальчик, сорвавший арбуз. Владелец бахчи, поймав его, повалил на землю кверху, положил на его голову соломы и поджег её, чем и причинил мальчику сильнейшее обжоги. Особенно часты драмы, разыгрывающиеся в семейном быту: то муж убивает жену, то жена мужа, то дети родителей. Но все эти печальные явления, разумеется, нисколько не говорят в пользу теории графа Толстого, восстающего против, вообще, сожития мужчины с женщиной и, таким образом, проповедывающего идею о необходимости прекращения рода человеческого. Анормальные явления в семейном быту происходят исключительно или от невежества, или от тех условий, при которых у нас совершаются браки. Особенно эти условия анормальны в крестьянском быту, где, сплошь и рядом, девушка вступает в брак по требованию своих родителей. Конечно, имея на плечах более 70 лет и приевшись уже совершенно жизнью, можно проповедовать догмат безбрачия, но

из этого еще не следует, чтоб этот догмат имел в себе разумное основание и чтоб он подтверждался, как говорит граф Толстой, заветами Иисуса Христа, который в действительности, как и доказал это архиепископ Никанор, никогда не восставал против сожития мужчины с женщиной. Сами апостолы были не все из холостых людей и никогда не говорили ничего против брака...

***

За последние годы является всё более и более попыток к борьбе против пьянства. Общества трезвости возникают даже в Сибири. Благому этому делу немало послужил и граф Л.Н. Толстой, о котором мы только сейчас говорили, и едва ли не более всех популяризировал в интеллигентном обществе идею трезвости, а в 1889 г. он учредил известное своё согласие против пьянства, устав которого заключался в следующем: «Сознавая страшное зло и грех пьянства, мы, нижеподписавшиеся, порешили: во-первых, самим никогда ничего не пить пьяного: ни водки, ни вина, ни пива; во-вторых, не покупать и не угощать ничем пьяным других людей; в-третьих, по мере сил внушать другим людям и особенно молодым и детям о вреде пьянства и преимуществах трезвой жизни и привлекать их в наше согласие. Просим всех согласных с нами заводить себе такой же лист, вписывать в него новых членов и сообщать нам. Просим тех, которые почему-либо изменяют «своему согласию», сообщать нам об этом». В согласии графа Толстого к началу мая текущего года было 1300 человек, в том числе 500 крестьян, и, затем, стали устраиваться и другие кружки трезвости и, наконец, 28 минувшего апреля общество трезвости в Петербурге. Зло пьянства тем опасно, что оно *наследственно*. Дети пьяниц – или пьяницы же, или помешанные, идиоты, развратники. Семья некоего Юкка, имевшая своим предком пьяницу, выставила в 75 лет 200 воров и убийц, 288 калек и 60 проституток.

Тем не менее, восставая против пьянства, мы не можем не признать, что употребление спиртных напитков в меру, при суровых условиях нашего климата, бывает иногда необходимо. И сколько бы ни основалось обществ трезвости – они не уничтожат совершенно употребление спиртных напитков. Признавая учреждение обществ отрадным явлением в нашей жизни, мы думаем, что было бы еще более рациональным учреждение таких обществ, члены которых бы обязывались – не то, чтобы совсем не употреблять спиртных напитков, а не пить их не в миру. Ожидать, чтоб спиртные напитки были вовсе изгнаны из употребления повсеместно, было бы странно и нелогично; но достигнуть того, чтоб он употреблялись без излишества, мы полагаем, более возможно, более осуществимо...

Другим отрадным явлением следует признать сообщение газеты «Врач», что в самом близком будущем женщинам-врачам будет разрешено занимать должности участковых земских врачей и заведовать участковыми больницами. Противников высшего специального образования женщин – у нас очень много. Мы со своей стороны думаем, что не следует закрывать дорогу женщинам к научным занятиям. Нигде так не стоит прочно семейное начало, как в Англии, и, между тем, там предоставлено лицам женского пола широкое право получать, по выдерживании установленных испытаний, ученые степени по всем факультетам. Поверьте, что за получением высших специальных знаний всегда погонится лишь незначительная часть девушек; большинство же останется при старых стремлениях – выйти скорее замуж и сделаться хозяйками и матерями. Но и женщина (за исключением разве редких случаев), получившая высшее образование, не откажется от своего чисто естественного призвания – быть подругой мужчины...

***

Теперь перейдем к *курьёзам* нашей жизни. Одним из таких является кулачная расправа актера Скуратова с рецензен-

том. Я назвал это «куръёзом» в смысле невероятной дикости поступка г. Скуратова. Несколько лет тому назад этот артист фигурировал на томской сцене. Теперь он побил в Воронеже рецензента газеты «Дон» и, ударив его неожиданно, поспешно скрылся в будке кассы. Когда же публика пришла в негодование от его поступка и потребовала его на расправу, то храброго Скуратова простыл и след. За свой поступок он приговорен к двухнедельному аресту, – конечно, и поделом; но не знамение ли времени поступок г. Скуратова? Ударить человека и обратиться в бегство, подобно позорному трусу. Это так цинично, – такая нравственная нагота проявляется в этом... Положительно, грустно, когда куръёзы, вместо смеха, начинают возмущать до глубины души! А вот другой: на ярмарке в Бельцах некий отставной офицер и дантист Ф. захотели зло подшутить над одним ветеринарным врачом, обманом заманили его в номер гостиницы и сначала начали заливать ему за ворот сорочки вино, водку и кофе, а потом ножницами обрезают левый ус и половины бороды... Что это такое? Мечь, дикая шутка, или дикая расправа за что-то?

Третий куръёз оригинальнее: в Дербенте старый татарин женился на молоденькой татарской девушке. Он страстно желал иметь детей; но, несмотря на то, что обращался к докторам, ворожеям и знахарям, спрашивая у них советов, детей у него не было. Наконец, явилась какая-то старуха-ворожея и за солидную сумму предложила излечить его жену от бесплодия. Татарин без торга согласился. Началось лечение, происходившее при какой-то таинственной обстановке. И, действительно, по прошествии известного времени, у татарина родилась дочь. Тогда татарину захотелось еще иметь сына и, по его желанию, жена снова начала лечиться у ворожеи. К чему бы повело это вторичное лечение – неизвестно, так как затем случилось неожиданное происшествие: в глубокую ночь жену татарина украли ворожея, оказавшаяся никем иным, как переодетым купчиком из г. Петровска...

***

Этими курьёзами мы и закончим настоящее обозрение русской жизни. Я не считаю себя вправе миновать их и знакомлю с ними читателей, так как они тоже представляют характеристику некоторых сторон нашей жизни. В них обрисовывается иногда свойственное нам самодурство, дикость нравов, а иной раз и чисто русская смьшленость, как в поступке петровского купчика...

Всеv. Сиб-ский.

Источник: Сибирский вестник. – 1890. – 28 сент. (№ 111). – С. 1–2.

IV. Рецензии

1. Театральные рецензии

Театр и музыка Последние спектакли

Из последних спектаклей, закончивших нынешний зимний театральный сезон, следует упомянуть о четырех, данных в театре Королёва: 8 февраля, когда шла драма в 5 дейст. П. Невежина «Друзья детства», 1-го марта трагедия Шекспира «Король Лир», 2 марта – в бенефис артистки В.Э. Киселевой – драма Чайковского «Елизавета Николаевна» и 3-го – «Ошибки молодости» Штеллера. В пьесе Невежина, прошедшей с весьма удовлетворительным ансамблем, выделились своим исполнением г-жа Мондшейн и г. Кравченко. Оба они были – вполне жизненны и играли с неподдельным одушевлением. Также очень прилично провели роли г-жа Александрова-Шишкевич и любитель г. Белявский. Последний изображал молодого купчика Ветчинкина. Роль эта близка к карикатуре и, исполняя её, легко впасть в грубый балаганный шарж. Г. Белянский избежал этого и старался играть просто, – получилось нечто типичное и осмысленное. Вообще, этот любитель обнаруживает в себе задатки сценического дарования, и из него может выработаться со временем большая польза.

В заглавной роли трагедии Шекспира появился г. Кравченко. Ансамбля в исполнении не было. Некоторые из участвующих были до невозможности слабы и представляли карикатуры на шекспировские типы, но пьесу вынесли на своих плечах г. Кравченко и, отчасти, г-жа Мондшейн, изображавшая Корделию. Г. Кравченко был превосходно гримирован и вёл роль с начала [и] до конца горячо, с одушевлением. Менее удачно вышла у него первая сцена, когда король Лир разделяет царство между

своими дочерями; но, затем, в последующих сценах – г. Кравченко всё более входил в роль и в некоторых местах производил сильное впечатление. Сумасшествие короля Лиры было изображено им прекрасно; иногда казалось, как будто пересаливал, но это *только казалось*. В действительности же – это была горячность, которая могла быть присуща несчастному Лиру, являющемуся, по мысли автора, воплощением страдания. Самовластный владыка падает в пропасть и испытывает ряд ужасных бедствий. Ум его не выносит выпавших на его долю жестоких ударов. Лир сходит с ума и его безумие – дикое, потрясающее, и исполнитель должен изобразить сцены сумасшествия Лиры именно с *горячностью, доходящею до пафоса*. Таков и был г. Кравченко. Единственным почти светлым образом в трагедии Шекспира является младшая дочь Лиры – Корделия. Она рисуется прелестной и чистой, как ангел, и г-жа Мондшейн дала нам подобие её, изобразив её в высшей степени симпатично. Из других участвующих были весьма приличны г-жа Киселёва – Регана, и г. Печорин в роли графа Кента; не дурен был в последних сценах г. Даверин-Кравченко, в роли побочного сына Глостера – Эдмунда – и, отчасти, любитель В.П. Д-ский.

Бенефис Киселёвой сопровождался рядом шумных оваций в честь её.

Г-жа Киселева появилась в заглавной роли пьесы Чайковского. Я не оставался до конца пьесы и только могу передать своё впечатление об исполнении двух первых актов. Елизавету Николаевну г-жа Киселёва исполняла на нашей сцене несколько раз и всегда с большим успехом; но ни разу еще игра её не возвышалась до такого мастерства, как 2 марта. Последние сцены во втором акте были проведены ею с замечательною реальностью. Театр дрожал от рукоплесканий, и они были вполне заслуженны...

В последнем спектакле шла комедия Штеллера «Ошибки молодости». Лучшей по исполнению снова явилась г-жа

Киселёва – в роли кн. Резцовой. Игра её была положительно мастерская и производила глубокое впечатление. Спектакль этот сопровождался шумными овациями в честь г. Кравченко и г-жи Киселёвой. Последняя при выходе на сцену была осыпана цветами и ей были поднесены букет и ценный подарок. Г. Кравченко был подан адрес, составленный в самых прочувствованных выражениях к его артистической деятельности и с выражением ему благодарности за приглашение в труппу таких талантливых артисток, как г-жи Киселёва и Мондшейн. Этот спектакль был интересен и потому, что в нём принимали участие наша даровитая любительница А.С. Иванова, в роли дочери Маргунова и любитель В.П. Д-ский, изображавший Сарматова. Г-жа Иванова провела роль довольно осмысленно, хотя в начале, очень вяло. Оживилась она более в последних сценах, когда, видя любовь Сарматова к княгине, она отказывается от него. Тут г-жа Иванова проявила некоторое одушевление. Г. В.П. Д[-ский], по моему мнению, провёл роль весьма удовлетворительно и ровно. Особенно ему удалось сцены объяснения с княгиней. Г-же Ивановой тоже был поднесён роскошный букет из искусственных цветов. Вообще, этот последний спектакль оставил самое приятное впечатление.

В бесплатной библиотеке дела шли плохо. Спектакли иногда отменялись за недостатком сборов. В воскресенье, 3 марта, должна была идти комедия «На бойком месте» с участием артистки Федоровой, но за отъездом последней в Омск, куда она отправилась концерттировать, была дана «Наталка Полтавка».

Сезон театральный кончился, и, подводя ему итоги, мы должны признать, что сборы, в общем, были вполне удовлетворительные. Общий валовой сбор до 1-го февраля простирался до 30 тысяч, что составило до 6 тысяч в месяц. Несомненно, что раздоры, бывшие в труппе, и распадение её на две части значительно повлияли на уменьшение сборов. Следовательно, не будь их и будь другое, более умелое ведение дела, краха ника-

кого бы не произошло, и антрепренеры бы благополучно свели концы с концами – даже без убытка.

Неизменный театрал

Источник: Сибирский вестник. – 1891. – 6 марта (№ 27). – С. 3.

Театры в Томске

В Томске, главном городе Томской губернии, имеющем свыше 55 тыс. жителей обоего пола, городского театра в настоящее время нет, а существующий театр – каменный, вмещающий в себе два ряда лож, партер (кресла, стулья и сталь), амфитеатр и галерею (со сбором по обыкновенным ценам около 1000 р.), принадлежит частному владельцу коммерции советнику Евграфу Ивановичу *Королёву*, который построил его исключительно на свои средства. Здание театра обошлось ему более 150 т. р. Открытие театра состоялось в 1886 году, а до этого – драматические спектакли давались в здании манежа местных войск (Томского резервного батальона). Ранее этого был в Томске небольшой деревянный театр, построенный некогда на средства томского миллионера Горохова, окончившего свою карьеру, впрочем, очень печально – несостоятельностью на крупную сумму. От Горохова этот театр перешел в собственность города и просуществовал до 1883 г., когда, за ветхостью его, представления в нем прекратились, а затем – и самое здание театра было сломано. Место же, на котором стоял театр, отошло под клиники Томского университета.

Первые профессиональные театральные труппы появились в Томске в начале 50-х годов нынешнего столетия.

Одним из первых антрепренеров в Томске был А.Х. *Астапов*, по сцене *Ярославцев*. Он держал антрепризу не только в Томске, но и в других городах Сибири. Он сам и его жена, тоже под фамилией *Ярославцевой*, были хорошие, опытные артисты,

и труппа Ярославцева в Сибири пользовалась большим успехом. В частности – особенной любовью сибиряков пользовалась Ярославцева, которую местные сибирские пииты даже воспевали в различных высокопарных виршах, ходивших в то время по рукам и печатавшихся на отдельных листках. Затем, в числе антрепренеров были: *Краузе*, *Е.П. Никольская-Аврахова*, товарищества артистов *Леонова* и *Бельского*. Первым антрепренером театра Королева был *Н.А. Корсаков*, сын антрепренера *Ярославцева-Астапова*, о котором мы говорили выше. Первоначально *Н.А. Корсаков* был в компании с артистом *П.Л. Скуратовым-Новиковым*; но со второй половины зимнего сезона *П.Л. Скуратов* отказался от антрепризы, и антрепренером остался единолично *Н.А. Корсаков*. После него два сезона держал антрепризу *М.М. Крылов* (была драма и опера), два сезона сам владелец театра *Королев*, один сезон артист *А.А. Кравченко* (в компании с г. *Рыжаковым*); а в сезоны 1894/5 и 1895/6 г. снимал театр у владельца его *Королева* артист *С.В. Брагин*, труппы у которого были смешанные – драматические и опереточные. С 1 марта 1896 г. театр снова снял *Н.А. Корсаков*, и в настоящее время арендный договор заключен им с владельцем театра до 1900 года.

В первый сезон *Н.А. Корсаков* имел драматическую труппу и небольшую балетную; затем, у него были смешанные труппы – оперные, опереточные и драматические. *Г. Струйский* понес на антрепризе до 4 т. р. убытка. Но в том – положительно была его вина. Правда, драма в Томске поддерживается не особенно охотно. Не говоря об опере, многие предпочитают драме оперетку. Тем не менее – нельзя же утверждать, чтобы в Томске не было вовсе поклонников драмы, не было людей, понимающих её воспитательное значение. Но в Томске в прежние сезоны, если давались исключительно драматические спектакли, были и труппы более комплектные и более солидные по силам, чем труппа, привезенная г. *Струйским*. От самого начала до

конца она была бедна женским персоналом, а одно время, когда из состава труппы вышла г-жа Кадмина, а г-жа Мострас делала только еще робкие первые шаги в качестве артистки на роли *ingénue dramatique*, – в труппе оставалась г-жа Пальчикова. Затем, несколько выигралась г-жа Мострас. Но и при этом условии, – какой бедный женский персонал! Н.В. Пальчикова – действительно, сильная артистка, – г-жа не без способностей, – и более никого, решительно никого. Г-жа Прокофьева – посредственная комическая старуха; г-жа Марго – не более как ученица, хоть и с признаками дарования; г-жа Крамская – тоже имеющая вид начинающей ученицы или любительницы и даже, может быть, без всякого дарования. Да еще г-жа Лорина – маленькая, водевильная актриса с небольшим голосом. Вот и всё. Какая же эта солидная труппа, в которой не было ни *grande dame*, ни драматической старухи, ни *ingénue dramatique*, ни *ingénue comique*. Помимо всего – из наличных не было ни одной на чисто бытовые роли, как и актеров на такие роли; – почему пьесы бытового характера ставились очень редко. Следовательно, в течение всего сезона мы имели только двух артисток – г-жу Пальчикову на роли, преимущественно, салонных великосветских героинь и сначала г-жу Кадмину – талантливую *ingénue comique*, выступавшую и в ролях *ingénue dramatique*, а затем – г-жу Мострас, которой приходилось одновременно появляться и в первых ролях – то *ingénue dramatique*, то *ingénue comique*, и в третьестепенных, даже выходных, – горничных и т. п.! Богаче был в количественном отношении состав мужского персонала. Но и в нём одно время, с уходом г.г. Горина-Гульшина и Диевского, был большой пробел, пополнившейся только с приездом г.г. Печорина и Панормова-Сокольского. Г. Печорин оказался талантливым и серьезным комиком; но в труппе комик уже был (и оставался до конца) г. Мартынов – артист, тоже, с несомненным талантом (что он доказал, напри[м]ер, довольно удачным исполнением роли Муромского в «Отжитом времени»

Сухова-Кобылина). Г. Панормов-Сокольский заменил г. Диевского – прекрасного простака, но однообразного в ролях с драматическим оттенком; г-же Горин-Гульшин, безусловно способный артист, так и остался не замененным никем. Таким образом, и в мужском персонале были только четыре более серьезных силы – г.г. Панормов-Сокольский, Струйский, Печорин и Мартынов (последние двое, собственно, на одно амплуа). Большая полезность г. Марков – приличный опытный, но крайне сухой – на роли резонёров; а ему приходилось иногда выступать даже в сильных драматических ролях. Остальных – тоже можно назвать только учениками или артистами исключительно на второстепенные и третьестепенные роли. Полезности г.г. Людомиров и Веденский – но не силы. Очень способный г. Полянов, – но только начинающий, которому еще надо учиться, выигрывать.

С таким составом трудно было сделать хорошее дело в Томске, который видел у себя труппы и более комплектные, и с более крупными силами. Надо еще удивляться, что при таком составе г. Струйский взял валового сбора свыше 36 тысяч, особенно приняв во внимание, что нынешний сезон был богат развлечениями и, кроме драматических спектаклей в театре Королева, давались постоянно сначала опереточные спектакли, а затем цирковые представления в театре-цирке Горланова, да в бесплатной библиотеке, то и дело, шли спектакли, устраиваемые кружками любителей, и концерты разных заезжих музыкальных известностей... Публика поневоле разделялась, и в театре сборы, естественно, должны были иметь менее, чем в прежние годы, когда не было такого изобилия зрелищ...

Но у г. Струйского и его труппы было и положительное достоинство – это постоянное добросовестное отношение к изучению ролей. Все участвовавшие в ней, видимо, всегда внимательно относились к делу. Поэтому полного провала пьес не было. Были слабые исполнения, но окарикатуривание типов, грубое

пересаливание – почти отсутствовали. Мы, конечно, не касаемся тех пьес, которые сами по себе били на карикатуры или носили балаганный пошиб. Зритель хотя часто не удовлетворялся игрой, – за то и не получал полного разочарования. В заслугу г. Струйскому также следует поставить и старание его знакомить нас со всеми новыми или данными за последние годы пьесами, пользовавшимися успехом в России; в извинение же то, что положение его было тяжелее его предшественников по антрепризе. Те снимали театр непосредственно от владельца его и пользовались вешалкой и буфетом. П.П. Струйский снимал театр из вторых рук, от арендатора его Н.А. Корсакова, и не пользовался выгодами от буфета и вешалки.

Правда, театральный буфет в текущем году торговал не особенно хорошо. Но это зависело не только от уменьшения числа посетителей театра, а от самой обстановки буфета. Мы припоминаем, как хорошо был обставлен буфет во время содержания его г.г. Ицковича, Черных и др. Ничего подобного не было в минувшем сезоне. Буфет был обставлен не лучше, чем в трактире средней руки. Затем – и устройство маскарадов оставляло желать много лучшего. Если г. Корсаков выговорил при сдаче театра Струйскому давать маскарады, то следовало условиться, чтобы начало их было не позднее 10 ч. вечера. Спектакли в дни маскарадов затягивались до 10 час. ночи, и маски, приехавшие в театр ранее, принуждены были ожидать окончания спектакля чуть не у входной лестницы. Это, несомненно, отняло у многих охоту посещать театральные маскарады, и они пустовали даже в те дни, когда назначались премии за лучшие костюмы. Между тем, в прежние годы в Томске во дни маскарадов с премиями – число посетителей в них доходило до несколько сот человек.

Возвращаясь снова к труппе г. Струйского, – мы должны особенно выделить из неё г-жу Пальчикову и особенно отметить её, как выдающуюся артистку на сильные роли. Некоторые пьесы, благодаря игре её, производили захватывающее впечат-

ление, и зритель уходил из театра вполне удовлетворенный. Так было, напр[имер], в «Сумасшествия от любви», где г-жа Пальчикова появилась в роли королевы испанской и провела её мастерски, – в «Графе де Ризоор» – в роли Долорес и др. Иногда иллюзия нарушалась только недостаточным гримом, делавшим артистку старообразной, не соответствующей по внешности изображаемому лицу. Но прочувственная игра в патетических местах часто заставляла забывать и этот недостаток. Действительно, может быть, помимо неудобного грима, и года брали свое, – отсутствовали свежесть, присущая молодости, – может быть... Артистка, впрочем, еще полна сил, – лет ей не должно быть много. Но были ли это последние лебединые песни, или артистка еще долго будет увлекать зрителей, – всё равно томичи получили истинное эстетическое наслаждение.

Из любительниц выдвинулась в минувший сезон в Томске г-жа *Максимова* (как ранее – г-жа *Массалитинова*), проявившая положительное сценическое дарование. Заглохнет ли оно или разовьется – это другой вопрос...

Сезон в театре Королева закончился постановкой известной драмы кн. Сумбатова: «Арказановы». Исполнение было, безусловно, хорошее. Пальму первенства следует отдать г-же Пальчиковой, прекрасно проведшей роль жены Арказанова, и г. Печорину, создавшему живое типичное лицо из Нарцисса Назарьевича Фуфина и проявившего в полном блеске свой недюжинный талант. Очень хороши были и г. Струйский в трудной роли Наврыгина, и г-жа Мострас в роли дочери Арказанова. Весьма осмысленно и не без чувства провели роль Бориса, сына Арказанова, г. Казанский и г-жа Прокофьева – жены Наврыгина. Сезон окончился под гром рукоплесканий многочисленной публики, наполнившей театр с верху до низу, так, что яблоку негде было упасть...

Кроме театра, в Томске даются театральные представления в здании бесплатной народной библиотеки, где есть приспособо-

бление к сцене. Народная бесплатная библиотека помещается в обширном и красивом каменном 2-хэтажном доме, выстроенном и пожертвованном покойным потомств[енным] почет[ным] гражданином С.С. *Валгусовым*. Здание имеет прекрасный в два света зал, могущий вместить до 400 человек и служащий для народных воскресных чтений, устройства спектаклей, концертов и т. п. Открытие библиотеки состоялось 30 сентября 1884 года; чрез год библиотека имела уже 440 подписчиков и до 1000 названий книг. Для библиотеки утвержден особый устав 23 января 1892 года. В 1892 году приступлено к устройству музея прикладных знаний. Мысль об основании музея явилась впервые еще в 1887 г. Помещение для музея пристроено к зданию бесплатной библиотеки в 1892 г. Спектакли в библиотеке даются, преимущественно, с благотворительной целью. В сезон 1898/9 гг. в ней устраивались литературно-музыкальные вечера и спектакли под режиссерством опытного артиста Н.А. Корсакова (антрепренера театра Королева) с участием его самого, талантливой артистки Ю.Ф. Строговой и др., а также любителей и любительниц. Был дан спектакль в память известного малороссийского поэта Тараса Григорьевича Шевченко и спектакль с пьесами на польском языке – в пользу существующего в Томске благотворительного римско-католического общества. В музыкальных утрах и вечерах в библиотеке и концертах в театре принимали участие талантливый пианист г. С.А. Жбиковский, артистка – оперная певица Е.Я. Снегурская, обладающая сильным контральто, г. А.А. Ауэрбах – в качестве дирижера, исполнителя и чтеца. В качестве чтецов с благотворительной целью выступали также артисты П.П. Струйский, Панормов-Сокольский и др., и Р.Л. Вейсман (помощн[ик] присяжн[ого] поверенного).

За полезную деятельность в качестве режиссера благотворительных спектаклей в библиотеке Н.А. Корсакову присвоено звание почетного члена общества нач[ального] образования.

В Томске также существует отделение Императорско-

го Русского музыкального общества. Основано оно было стараниями г-жи Е.И. *Дмитриевой-Мамоновой*, супруги бывшего председателя Томского губернского правления, а впоследствии Акмолинского вице-губернатора А.И. Дмитриева-Мамонова. Она и была первой председателем отделения. Затем, во главе отделения стояли – *Я.Ф. Залеская*, известная пианистка, супруга одного из профессоров Томского университета; *К.И. Томашинская*, *Г.С. Томашинский*, и в настоящее время состоит председателем отделения супруга начальника Томской губернии генерал-майора А.А. Ломачевского – *В.М. Ломачевская*. При отделении существуют музыкальные классы, в которых преподаются: теория музыки, пение и игра на разных музыкальных инструментах. Из директоров музыкальных классов следует отметить г. А.А. *Ауэрбаха*, немало потрудившегося для их развития и упрочения. Ныне директором классов состоит Л.М. *Максимов*. В минувшем сезоне отделение устраивало ученические вечера, давало концерты. Вообще, очевидно, деятельность общества продолжает развиваться и не гложет при новой председателем и новом директоре музыкальных классов. Состав преподавателей и преподавательниц музыкальных классов тоже вполне удовлетворительный. В числе их находятся солидные музыкальные силы, как пианистка г-жа М.П. Богомолова, пианист Л.А. Максимов, скрипач Я.А. Медлин, музыкально-образованная певица г-жа Корсак-Дигби и др. В одном из концертов музыкального общества принимала участие г-жа В.А. Кронберг – певица хорошей школы, с прекрасно обработанным, хоть и небольшим, голосом, – пение её иногда положительно чарует слушателя, – и г. С.И. Герц, опытный, способный капельмейстер.

В Томске еще существует деревянный театр-цирк, построенный на городской земле и принадлежащий ныне содержанию гостиницы «Россия» *И.Г. Горланову*. В минувшем сезоне здесь давала спектакли довольно сносная малороссийская труппа

па Стодоля, в которой следует отметить начинающую молодую артистку Зирку, также Донскую и Барвинок; затем, там же – фигурировала опереточная труппа, сформированная злополучным (преждевременно пресекшим свою жизнь) В.И. Розеноэром, в составе которой были и довольно удовлетворительные силы – как г-жа Калмыкова и Д.Г. Туманский, затем – труппа циркистов г. *Боровского*. Цирковые представления, даваемые этой труппой, пользовались большим успехом и отличались, действительно, разнообразием, способным угодить примитивным вкусам и дать развлечение любителям сильных физических ощущений. В цирке до сих пор – и хорошие искусные наездницы, и выдающиеся из ряда эквилибристы и жонглеры.

Томск за последнее время (как и другие города Сибири) усердно посещают разные музыкальные, вокальные и другие известности. Так, Томск посетил несколько раз и пользовался здесь большим успехом высокоталантливый юноша – скрипач Костя *Думчев* и известные виртуозы на скрипке же Терезина *Туа* и *Ондричек*. Был в Томске и хор М.Д. *Славянской-Агреновой* и дал несколько концертов под управлением её отца маститого певца Д.А. *Агренова-Славянского*¹. Концерты эти тоже пользовались большим успехом. Посетила недавно в Томске и пианистка Я.Ф. Залесская, о деятельности которой в качестве председательницы Томского отделения музыкального общества было упомянуто выше. С выходом её супруга из состава профессоров Томского университета – г-жа Залесская вместе с мужем тоже покинула Томск. Но она не оставляла своей музыкальной деятельности и приобрела известность, как выдающаяся пианистка, давая концерты в столицах и др. городах России и за границей. Теперь же г-жа Залесская гастролирует по Сибири.

Также в Томске дала несколько драматических спектаклей в летнее время гастролировавшая по России труппа петербург-

---

1 Биографическая статья о нём была опубликована в номере газеты «Сибирский вестник» за 10 сентября 1898 г.

ского Александринского театра, во главе которой стоял известный артист *М.И. Писарев*, наконец, в 1898 г. посетили Томск трагики – братья *Адельгеймы*.

В Томске перебывали в разные сезоны и даже почти начали здесь свою сценическую карьеру многие из артистов и артисток, пользующихся теперь известностью в России – как, напр[имер], Трубецкой, занимающий ныне видное место в труппе театра Корша (в Москве), известная опереточная артистка А.А. Смолина, актеры и певцы Виленский, Рутковский, Стрельников, комик-буф Стрельский и друг[ие].

Любовь к театру и музыке, заметно, развивается не только в Томске, но и во всей Сибири. Существующее в Томске общество попечения о начальном образовании, в ведении которого находится и бесплатная библиотека, предполагает построить здание для народного театра. Конечно, это только *предположение* и может осуществиться лишь в том случае, если общество будет располагать достаточными для того средствами. Но средства, может быть, найдутся, как нашлись для учреждения бесплатной библиотеки. Может быть, к обществу и придет на помощь устройства этого хорошего дела *второй Валгусов*, и как, благодаря последнему, создавалась бесплатная библиотека, – так, – мы уверены, – **создаётся** и народный театр...

Пока же, по почину и при непосредственном участии пишущего эти строки, устраивается открытая сцена в окрестной Томску деревне Заварзиной. На этой сцене предполагается в летнее время давать спектакли с участием любителей. Репертуар будет состоять из пьес бытового характера, доступных для понимания народной массы...

В Томске также существует общество любителей драматического искусства. В прежние годы оно проявляло заметную деятельность, – особенно в то время, когда председателем в нем был М.К. *Шнейер* (ныне управляющий Томской контрольной палатой). Тогда общество имело правильно организованную

труппу из любителей и любительниц и давало в зиму по несколько спектаклей. За последнее же время деятельность общества как-то заглохла, и оно очень редко подает признаки жизни. Участвующие же любители в спектаклях бесплатной библиотеки составляют особый кружок, не имеющий никакого непосредственного отношения к обществу...

В заключение следует упомянуть еще об открытой сцене, имеющейся в Томске в одном из садов, принадлежащих частным владельцам, – получившему название «Алтая». Здесь прежде летом небольшими труппами из случайно попавших в Томск артистов ставились легкие комедии и водевили; но за последнее время – в «Алтае» фигурировали только хоры разных певцов и (преимущественно) певиц дурного тона...

Томск, [18]99 года, марта 10.

В. Долгоруков

Источник: Дорожник по Сибири и Азиатской России. – 1899. – Кн. 2 (март–апр.). – С. 93–101: ил.

***

В Томске в нынешний летний сезон даются ежедневно спектакли в театре И.Г. *Горланова* драматической труппою, сформированною самим владельцем. Ставятся легкие комедии и фарсы. По окончании спектаклей выступают хоры певиц, балалаечников, куплетисты. Кроме того, в театре и в саду, прилегающем к театру, играет весьма удовлетворительный оркестр под управлением талантливого капельмейстера, сибиряка М.И. *Маломета*. Из труппы отметим г-ж *Анину*, *Рябинину* и *Брагину* и г.г. *Хохлова* и *Козырева-Сокольского*. Иногда исполнение пьес бывает живое, бойкое. Устроен также летний театр в дер. *Заварзиной*, дачной местности в 9 вер[стах] от Томска. Нынешний сезон театр этот снят артисткой А. *Антоновой*. Ста-

вятся от одного до двух раз в неделю комедии и водевили при участии трех профессиональных артистов, самой антрепренерши и любителей и любительниц. Исполнение довольно гладкое. Цены от 1 р. 60 к. до 10 к.

В. Д.

Источник: Театры в Сибири: [П-я ч.] // Сибирский наблюдатель. – 1901. – № 6. – С. 89. – Подпись: В. Д.

[Провинциальная хроника]

Томск

Труппа М.И. Каширина осталась у нас на время великого поста и продолжает давать спектакли (кроме «запретных» дней, то есть всей 1-й и 4-й недели поста). Труппа пополнилась двумя силами – г-жей Шнейдель и Тольским. Оба они опытные артисты и не без дарования. Г-жа Шнейдель вносит жизненность, простоту. Г. Тольский несколько однообразен и холоден. Любители наши, в которых здесь не только нет недостатка, но даже переизбыток, ставят спектакли в коммерческом собрании и бесплатной библиотеке. Сборы драматические спектакли делают средние; но зато пожинает лавры цирк Стрепетова, привлекающий значительное число публики. Поклонников цирковых зрелищ, а особенно борьбы силачей, у нас тысячи, и цирк почти всегда набит битком. Большой успех имела г-жа Долина, концерты которой дали полные сборы, несмотря на крайне возвышенные цены на места. Громадный сбор дала и гастролирующая труппа «настоящих японских гейш»; но они поступили очень тактично, ограничившись лишь одним представлением, так как публика ушла из театра совсем разочарованная, и второе представление, вероятно, не сделало бы сбора. Пение анти-музыкальное, что же касается их внешности, то, хотя в анонсах они и рекомендуются японскими красавицами, но даже по понятиям япон-

ским о красоте – они этого названия не заслуживают. Труппа эта направляется в Европ. Россию.

После поста М.И. Каширин намерен со своей труппой предпринять поездку по Сибири и посетить Иркутск и другие города. Сомневаюсь только, чтобы это турне дало пользу г. Каширину в материальном отношении. В небольших же сибирских городах нельзя никогда рассчитывать на солидные сборы, так как, прежде всего – даже помещения под спектакли трудно найти. Сезон в Томске М.И. Каширин кончил, хотя без убытка, но и барышей, вероятно, не получил. Большое несчастье, что у нас сторел театр (сожженный хулиганами в дни октябрьских «свобод» 1905 года). Помещения, имеющиеся [в] клубах для сценических зрелищ, крайне неудобны, тесны; притом галёрка отсутствует и так называемая «серая» публика идет не так охотно в клуб на представление, как в театр.

Всеволод Сибирский

Источник: Театр и искусство: [журн.] (СПб.). – 1907. – № 18. – С. 306.

2. Рецензии на книги

I.

Томск, 31 июля [1893 г.]

У нас предпринято г. Романовым издание Сибирского торгово-промышленного календаря на 1894 год. Календарь этот уже составлен и разрешен к печатанию цензурой. До появления его в свет, конечно, трудно судить, насколько он удовлетворит своему назначению; но нам удалось видеть рукопись календаря и, при беглом просмотре её, мы нашли в ней немало дельных сведений и толково составленных заметок.

Погода здесь стоит дождливая, что препятствует и сушке, и уборке сена; так что последнее, по всей вероятности, вздорюжает значительно. Вообще, нынче весь июль походил на осень. Особенно плохо жилось нашим дачникам, принужденным сидеть в двух стенах. Неурожай тоже и на ягоды, и на грибы – и тех, и других мало; так что цены на них, сравнительно с прежними годами, крайне большие. Так, за маленькую тарелку малины запрашивают на рынке 40–50 к., когда прежде за эту цену можно было приобрести целое ведро той же малины.

Труппа г. Семашко-Орлова закончила спектакли в Томске драмой «Чародейка», поставленной в бенефис артистки Неверовой, и, вероятно, на этих днях направится в дальнейший путь – в Восточную Сибирь. Артистки Дарьяловы, кажется, хотят ехать на Амур, по приглашению С.А. Ярославцева-Сибиряка – артиста неизвестного и в Красноярске. Г. Ярославцев-Сибиряк намерен ставить спектакль в нынешний зимний сезон в Хабаровске. В конце августа состоится в Томске спектакль любителей, в котором примет, между прочим, участие г-жа Ауэрбах, начинающая артистка, окончившая курс в текущем году в Императорском Московском театральном училище. В рецензии об экзаменационных спектаклях училища, помещенной в «Дневнике артиста», за июнь, об игре г-жи Ауэрбах дан весьма лестный отзыв, как о безусловно полезной ар-

тистке на роли старух. Рецензент видел её в ролях Улиты («Лес», Островского), Хвостовой («Шалость»), Бальзаминовой, и говорят, что она обнаружила в исполнении комизм и характерность. Вообще, нельзя не пожелать большого развития, как в Томске, так и во всей Сибири, театрального дела. Любительские спектакли могут выработать местные сценические силы, которые со временем будут в состоянии пополнять приезжие труппы профессиональных артистов. А в этих труппах почти всегда оказывается недостаток в персонажах на то или иное амплуа, и отсутствие местных артистов лишает возможность пополнить труппу. Недостаток этот происходит, главным образом, от дальности Сибири, чего именно пугаются многие из артистов и, заявив первоначально желание вступить в труппу, отправляющуюся к нам, затем часто не исполняют своего слова или даже покидают труппу в дороге, возвращаясь обратно, что и было с г. Семашко-Орловым, которого в Тюмени покинули две силы – г. *Линтварев* и г-жа Владимирова, убоявшиеся именно дальности пути, предстоящего им.

Наш новый полицмейстер г. Соколовский обратил серьезное внимание на городскую пожарную команду и, благодаря ему, она приведена теперь в отличное состояние. Это положительно заслуга с его стороны, которую следует отметить. Пожарные команды являются необходимостью для всякого населения, и приведение их в должный порядок должно быть желательным для каждого жителя.

23 июля прибыл в Томск начальник управления по сооружению Сибирской железной дороги Н.Е. Ададуров. С его прибытием здесь распространились слухи, что от Томска к магистральной линии железной дороги пройдет ветка, к сооружению которой будет приступлено в скором времени.

Несколько месяцев тому назад общее внимание было возбуждено у нас делом по обвинению служащих в здешнем городском полицейском управлении мещан из ссыльных П. и Р. в получении денег из местного казначейства по подложным ассиг-

новкам и талонам. В настоящее время следствие по этому делу окончено, и оно, по всей вероятности, в недалеком будущем будет рассматриваться в томском губернском суде. Оба подсудимые находятся под стражей.

Томский обозреватель

Источник: Отдел « По городам и селам» / Томский обозреватель [В.А. Долгоруков?] // Енисейский листок (Красноярск). – 1893. – 15 авг. (№ 33). – С. 4.

II.

Библиографическая заметка

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1894 год, изд. Ф.П. Романова. Томск, 1893 г. – типолитография П.И. Макушина, и частью, типография Е. Кудрявцева, в Красноярске.

Только что вышел из печати и поступил в продажу «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 г.», изданный в Томске г. Романовым. Кроме объявлений, календарь этот содержит в себе 312 стран. текста. В предисловии к календарю издатель его, объясняя, что он имел целью «сгруппировать в календаре, по возможности, все материалы и данные о торговых делах и промышленных предприятиях Сибири вообще», сам сознается, что предпринятый им труд оказался настолько сложным и при выполнении его встретилось столько *непреодолимых препятствий*, что исполнение его в полном объеме намеченного плана, в сравнительно короткий промежуток времени, оказалось положительно невозможным. И он считает, что, если не достиг её «насколько, насколько это было необходимо для того, чтобы фактически положить начало делу, которое в будущем при добром желании и более благоприятных условиях, может постепенно разрастись до пределов намеченной цели».

И, действительно, календарь г. Романова заслуживает полного внимания, как одна из первых попыток в этом роде в Сибири. Заключая в себе все необходимые календарные сведения, **как-то**: месяцеслов, перечни имен и чудотворных икон и проч., он, в то же время, дает сведения и специально касающиеся Сибири и довольно подробный адрес-календарь правительственных и иных учреждений и лиц хотя, одного г. Томска. Затем, в календаре помещены: описания чудотворных икон, находящихся в Томской губ., статья о святителе Иннокентии, о деятельности нынешнего епископа томского и семипалатинского Макария на поприще миссионерства, сведения о городском благоустройстве в Томске, сметы городских доходов разных городов Сибири; сведения о земледелии, скотоводстве, промышленности и проч. в Сибири; разные торговые сведения; довольно подробные сведения о горных промыслах и заводах в Сибири и об Амурской области; пути сообщения в Сибири, с подробным дорожником; перечень сибирских городов и время их основания; краткие сведения о судебной части и действующем в Сибири судопроизводстве; метеорологические сведения и, между прочим, о времени вскрытия и замерзания некоторых рек в Западной Сибири, по наблюдениям за 20-ти-летний период г. А.И. Черемисинова и друг.

Вообще, календарь г. Романова производит впечатление *добросовестного* труда, хотя, разумеется, компилятивного, как и все издания подобного рода. Желалось бы, конечно, чтоб на будущее время календарь давал более подробные справочные сведения о всех главных городах Сибири; но и в нынешнем виде он является, повторяем, вполне полезным изданием и дает немало сведений, необходимых в житейском быту, почему нельзя не отнестись с полным сочувствием к изданию г. Романова и не пожелать продолжения его в будущем.

В. С-кий

Источник: Енисейский листок (Красноярск). – 1893. – 28 нояб. (№ 48). – С. 3.

рым часто прибегают наши декаденты, в них отсутствуют. Закончим нашу маленькую рецензию следующим маленьким стихотворением автора:

«Не зажигай любви огонь,
Не вспыхнет он в больной груди;
Оставь, – уйди...
Забыто всё... Мне чужда ты...
Душа болит и ноет грудь;
Не расцветут любви цветы, –
О них забудь...
Покинут храм... Угас огонь,
Не вспыхнет он в больной груди,
Глубоких ран, дитя, не тронь,
Забудь, уйди...»

Но... надо, чтобы, несмотря на *глубокие раны*, огонь не потухал совершенно, а тлел бы – хотя из-под пепла, все более разгораясь.

Гаврила Томский

Источник: Сибирские отголоски. – 1910. – 25 июля (№ 105).

Съверянина.

зала	20
шкафъ	83
полка	8
№	53

Восточная сказанья.

ТОМСКЪ.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“.

1909.

Автор: Долгоруков В. А.

РГБ, БАН.

Турецкія событія.

(Аллегорическое повествованіе).

Это было такъ недавно...
Смутой тяжкой, безысходной
Быль объять Константинополь,
И свершался судъ народный
Надъ властительнымъ султаномъ.
Ужь давно ходили слухи,
Что режимъ потребень новый,
Но въ Ильдизъ-Киоскъ глухи
Оставались къ разговорамъ,
Къ вѣщей правдѣ этихъ мнѣній,
И блистательная порта
Избѣгала всякихъ „трений“.
Для внушенія народу,—
Чтобъ селямликъ сталъ пышнѣ,—
Быль такой приказъ султана:
Пусть играетъ позвончѣ
Каждый разъ оркестръ придворный,
Пусть муллы поютъ потише,
И поклоны падишаху
Всѣми дѣлаются ниже.
Но къ свободѣ страсть упорна...
Кое-гдѣ пошли волненья,
Бунтъ, кровавые раздоры,
Старины ниспроверженья.

И тогда султанъ подумаль:
„Дамъ возможность говорить имъ,
„Пусть натѣшатся забавой,
„А что дальше,—мы увидим!
„Вѣдь была нужна свобода
„Только людямъ первобытнымъ,
„А теперь конямъ арабскимъ,
„Что пасутся въ полѣ сытномъ.
„Пусть цвѣтъ красный,—цвѣтъ свободы,—
„На турецкихъ фескахъ будеть,—
„И никто „свободныхъ мыслей
„Въ правобѣрныхъ не пробудить!“
И султанъ открылъ парламентъ.
Много словъ сказать успѣли,
Но султанское прадѣ
Вдругъ исправить захотѣли.
„А такъ вотъ вы какъ, гяуры!..
„Положу конецъ потѣхамъ“.
Закричалъ Гамидъ со злобой,
И отдались звучнымъ эхомъ
Тѣ слова въ устахъ улемовъ,
Софтъ и черни разъяренной.
За шумѣлъ Константинополь,
Кровью брани окропленный,
И великая разруха
Началась по всей столицѣ.
А межъ тѣмъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ,
Запершись въ своей свѣтлицѣ,
Возлагалъ султанъ турецкій
На реакцію надежды.
Распростершись предъ кораномъ,
На себѣ онъ рвалъ одежды.

„Видишь ты, Аллахъ могучій,
 „Я—защитникъ шаріата.
 „О, за то-ли намъ, османамъ,
 „Смертоносная расплата!
 „Не могу, глаза закрывши,
 „Младотуркамъ вѣрить власти,
 „Калифать, Тобой созданный,
 „Подвергать лихой напасти.
 И возставъ съ колѣнъ, онъ крикнулъ
 Такъ, что слышно было въ Перѣ:
 „Самъ пойду я въ комитеты,
 „Всѣхъ уставлю въ чинной вѣрѣ“.
 Безъ евнуховъ и безъ свиты
 Изъ Ильдизъ-Кіоска вышель,—
 О рѣшенъи падишаха
 Во дворцѣ никто не слышалъ.
 Шель Абдуль-Гамидъ свирѣпый
 Втайнѣ мстью наслаждался
 И, подобный урагану,
 Въ сераскеріать ворвался.
 „О, проклятьѣ! Какъ и здѣсь вы
 „Прокламациі храните!
 „Да ни вѣрить правовѣрныи
 „Вашей пагубной защитѣ!“
 И прибитыя у входа
 Началъ онъ срывать воззванья,
 И изъ устъ султанскихъ были
 Страшно гнѣвны заклинанья.
 „Ну, не въ добрый часъ“ подумалъ
 Ахметъ-Риза-бей, увидя,
 Что султанъ за дверью скрылся,—
 „Близко до кровопролитья“.

Успокоившись немного,
 Дальше сераскеріата
 Не пошеть султанъ всеисильный.
 Встрепенулась вся Галата.
 Пера, Стамбуль, Салоники;
 Въ шумъ черни раздавались
 Янычаровъ злые крики:
 Но сильнѣе младотурковъ
 Были крики возмущенья.
 „Правовѣрные, подыめъ
 Знамя праведнаго мщенья!“
 Кіамиль-паша смущенный
 Добѣжалъ до падишаха.
 „Повелитель, отъ тебя мы
 „Ждемъ рѣшительнаго шага!
 „Тамъ Махмудъ-шефкетъ все мутить,
 „Онъ съ тобой всегда въ раздорѣ;
 „Повели на благо краю
 „Утопить его въ Босфорѣ“.
 — „Подожди, султанъ промолвить,
 Скрывшись въ облакъ кальяна,
 „Тутъ другой, и въ немъ вся сила
 „Европейскаго обмана.
 „Тутъ Тевфикъ-паша, нашъ визирь,
 „Ослѣпленъ Махмудъ-шефкетомъ;
 „Виденъ намъ союзъ ихъ гнусный.
 „Только это... подѣ секретомъ“.
 „Вотъ Хильми-паша, къ нему-бы
 „Обратиться за совѣтомъ...
 „Сколько разъ въ гостеприимствѣ
 „Угощать я ихъ шербетомъ,—
 „И такая благодарность!“

Возгласилъ Гамидъ тоскливо.
 „Повелитель, вѣрь, въ Хильми намъ
 „Небогатая нажива.
 „Онъ къ юстиціи причастень,
 „Заведеть о правѣ рѣчи, —
 „Противъ нихъ, башибузуковъ,
 „Нужень пылъ кровавой сѣчи!“
 Но султанъ былъ непреклоненъ
 И къ Хильми-пашѣ имама
 Онъ послалъ для разговоровъ.
 „Много козней, много срама
 „Бѣдной Турціи досталось“.
 Рѣчь Хильми-паша такъ началъ,
 „Рвеньемъ въ рваны прокламацій
 „Падишахъ насъ озадачилъ.
 „Вѣрю, съ чернью возмутятся
 „Власти многихъ вилайетовъ,
 „И не вступитъ послѣ смерти
 „Падишахъ въ рай Магометовъ“.
 Тутъ имамъ спросилъ учтиво:
 „Въ чемъ-же есть страны спасенье?“
 И сказать Хильми въ раздумьи;
 „Испытаемъ примиренье.
 „Въ сераскеріать съ султаномъ,
 „Соберемъ завтра вмѣстѣ.
 „Ты скажи Абдуль-Гамиду,
 „Чтобъ забылъ о дикой мести“.
 И имамъ ушелъ съ докладомъ.
 Вдругъ Тевфикъ-паша стучится.
 „Отвори, Хильми, несчастье!
 „Кіамиль-паша бѣсится.
 „У него съ Махмудъ-шефкетомъ

„Ужъ идетъ раздоръ издавна.
„Благо родины не помнить, —
„То да будетъ имъ безславно.
„И теперь, отливши пули,
„Снаряжаетъ ими бомбы,
„Чтобъ въ Махмудъ-шефкета бросить
„И поднять свои апломбы“.
И Хильми Тевфику то-же
Предложилъ созвать собранье
Во главѣ съ Абдуль-Гамидомъ,
Чтобъ уставить толкованье.
Принять былъ совѣтъ султаномъ
Въ сераскеріатъ собратья,
Съ комитетомъ младотурковъ
Миролюбно столковаться.
Собрались и сѣли чинно.
„Межъ султаномъ и народомъ
„Единенье уставное
„Нарушается комплектомъ
„Нѣкихъ гражданъ своеправныхъ.
„Пусть на головахъ несчастныхъ
„Кара рушится Аллаха!
„Гибель имъ въ путяхъ опасныхъ!“
Началь такъ султанъ суровый
„Повелитель, миръ намъ дорогъ,
Туть Тевфикъ паша замѣтилъ,
„А тебѣ и каждый порохъ
„Нынѣ кажется измѣной.
„Честь храня родного стяга,
„Для тебя и государства
„Младотурки жаждутъ блага!“
Молча всѣхъ султанъ обгѣрилъ

Взглядомъ полной скрытой злобы.
 А Махмудъ-шефкетъ воскликнулъ:
 „Да, твой, султанъ, поклепы
 „Выносить ужъ нѣту мочи.
 „Каждый въ дѣлѣ управленья
 „Долженъ волею закона
 „Объявлять свои рѣшенья.
 „Ты-жъ въ нихъ видишь лишь крамолу
 „И подрывъ султанской власти.
 „И улемовъ, софтъ и войска
 „Будишь мстительныя страсти.
 „Ты, сорвавши объявленья,
 „Что Ахметъ-Риза повѣсилъ
 „О селямликѣ твоемъ-же,
 „Шансы очень плохо завѣсилъ.
 „Кіамиль—плохой прислужникъ;
 „Онъ, какъ дервишъ, все мятется
 „И когда-нибудь, навѣрно,
 „Онъ на колъ ужъ попадется!“
 Ахметъ-Риза-бей, прослушавъ,
 Вдругъ вскричалъ, сверкнувъ очами:
 „Не могу служить султану,—
 „Онъ иль я останусь съ вами!“
 Убоявшись криковъ бурныхъ,
 Кіамиль рванулся къ двери,
 И сказалъ Махмудъ со смѣхомъ:
 „Въ этомъ нѣтъ для насъ потери“.
 Былъ султанъ въ негодованьи:
 „Ахметъ-Риза портитъ нравы
 „Смуту сѣять, у толпы онъ
 „Ищетъ почестей и славы,
 „А султанскими ирадѣ

„Топить печь въ своемъ гаремѣ!“
Туть Хильми-паша вмѣшался:
„Ну зачѣмъ терять намъ время
„На такіе пересуды.
„Государственного срама
„Избѣжимъ мы лишь согласьемъ.
„Ужъ въ редакціи „Икдама“
„Падишахъ, тебѣ готовятъ
„Вновь громаду обличенья.
„Не погнать тебя хотимъ мы
„Отъ кормила управленья.
„Правъ ты съ нами добрымъ правомъ,
„Уважай уставъ законный,
„Не терзай себя о козняхъ
„Думой въ сердцѣ затаенной.
И глаза Абдуль Гамида
Увлажнились слезами.
„Будь свидѣтелемъ Аллахъ мнѣ!
„Я служилъ странѣ годами
„И врагомъ согласья не былъ.
„Что-же вижу я въ награду.
„Ты, Махмудъ съ Ахметъ-Ризой
„Вовлекаешь край нашъ въ страду“.
И тогда Махмудъ смягчился.
„Ни Ахметъ-Риза, ни я, мы
„Любимъ Турцію не меньше.
„Злой тебѣ не рою ямы.
„Укrotи свой нравъ османскій,
„Правъ съ парламентомъ совмѣстно,—
„У имперскаго кормила
„Намъ съ тобой не будетъ тѣсно“.
„Хорошо, но съ конституцѣй

„Я знакомъ, къ несчастью, мало.
Такъ сказала султанъ печально
„Ну, не все еще пропало,
Вставилъ тутъ Хильми-Законникъ,
„Падишахъ, въ Ильдизъ-Кюскъ
„Библиотека такъ богата;
„Тамъ найдешь о конституцѣ
„Все, что знать тебѣ-бы надо“.
И Абдуль-Гамидъ умильно
Поглядѣвъ на все собранье,
Вышелъ съ гордою осанкой.
Такъ закрылось засѣданье.
Но сложилось все иначе...
Кіамиль склонялъ султана
На ахраръ лишь полагаться,
Отрезвившись отъ обмана.
Двинуть армию аскеровъ,
Вѣрныхъ воинской присягѣ
И вмѣшательства Европы
Ждать въ кровавой передрагѣ,
Миромъ созданный порядокъ.
Кіамиль предать проклятью
Брань вписавши даже въ книгу
За казенною печатью.
Ропотъ шелъ по всей столицѣ
Чтобы вывѣдать изнанку,
Въ комитетѣ младотурокъ
И затѣять перебранку,
Самъ Абдуль-Гамидъ составилъ
Актъ примѣрный отреченья.
И извѣрились съ Тевфикомъ
Всѣ въ успѣхъ примиренья.

Быль апрѣль. Въ весеннемъ небѣ
Въ нѣжной ласкѣ разгорались
Полумѣсяцъ со звѣздой,
И такъ странно улыбались...
Отъ горячаго дыханья
Завоеванной свободы
Крѣпли лучшія желанья,—
Умирали всѣ невзгоды...
А на виллѣ Аллатини
Въ ветхой мантии пророка
Пребывалъ султанъ въ кручинѣ,
Проклиная тяжесть рока.

СКАЗАНЬЕ

о трехъ путешествующихъ.

Трое мужей іудейскихъ,
Зрѣлыхъ лѣтъ, большого сана
Шли однажды въ праздникъ кушей
По пустынь Ханаана.
Воздухъ утра, солнцемъ грѣтый,
Растекался ягучей лавой;
Облаковъ исчезли гряды
Въ шири неба величавой;
Не вздымалась пыль съ дороги,
Межъ камней трава желтѣла,
И отъ полчищъ лучезарныхъ
Вся пустыня помертвѣла.
Впереди шелъ мытарь важный;
Подать онъ собралъ въ селеньи
И динаріевъ пол-мѣры
Несъ въ своемъ онъ облаченьи.
Изъ глубокихъ впадинъ мощью
Очи мытаря свѣтились,
И мечей острѣе мысли
Въ головѣ его роились.
А за нимъ шелъ книжникъ тучный,
Полонъ ласки и терпѣнья
(Бывъ младенцемъ, въ Вилеємѣ

Уцѣлѣль отъ избіенья).
 Иписавши книгъ не мало,
 Вель учеть онъ подаенья,
 Что на храма шло святого
 Долголѣтнее созданье.
 Третій путникъ сухощавый,
 Фарисей плелся, вздыхая;
 Несъ съ собой для обличенья
 Въ лоскуткахъ Законъ Синяя.
 Онъ на торжищахъ и въ храмахъ,
 Пальцемъ въ небо указуя,
 Устрашалъ всѣхъ Іеговой,
 Но всегда то было всеу.
 По клочкамъ терзая душу,
 Онъ въ свое не вѣрилъ слово,
 Ибо смѣшивалъ въ сужденьяхъ
 Грани добраго и злого.
 И, окрестъ себя взглянувши,
 Фарисей сказалъ съ привѣтомъ:
 „Братья, близкій путь къ купинамъ
 „Отъ сихъ мѣсть издревле вѣдомъ.
 „Изъ утробъ земли ко свѣту
 „Тамо есть родникъ текучій,—
 „Жажду велию рождаетъ
 „Сей пустыни пламень жгучій“.
 Вспрянулъ книжникъ: „Отче, мытарь,
 „Наши всѣ сандали обились;
 „Чаю сладкихъ водъ движенье,
 „И уста ужъ изсушились“.
 И, на посохъ опираясь,
 Молвилъ мытарь имъ степенный:
 „Тако бысть! и вамъ подобно,

„Въ силахъ плоти азъ есмь тлѣнный.
 „Мы стопы своя направимъ,
 „У купинъ на часъ возляжемъ,—
 „Дружелюбія свѣтило
 „Не зайдетъ во грѣбѣ вашемъ!“
 Путь не дологъ былъ къ купинамъ.
 На песчаномъ ровномъ скатѣ,
 Гдѣ крестомъ сошлись дороги,
 Въ скромномъ листовномъ нарядѣ
 Красовались тѣ купины.
 И родникъ, стремясь межъ ними,
 Пѣлъ о тайствахъ подземныхъ
 За затворами глухими,
 Пѣлъ о томъ, что посланъ силой,
 Силой—узницей чудесной,
 Что вокругъ нея богатства
 Въ мракѣ бездны неизвѣстной.
 Онъ—печали ея вѣстникъ,
 Онъ—нечаянныя слезы,
 И струей его холодной
 Солнцу плетъ она угрозы.
 Трое путниковъ „осанну“
 Въ умиленьи возгласили
 И студеную водою
 Жажду тѣла утолили.
 Возлегли, уставъ съ дороги,
 И вздремнуть пришло желанье,—
 Фарисей отъ думъ очнулся:
 „Вожделѣнное молчанье
 „Азъ хочу пресѣчь рѣчами.
 „Мужи-братья, не взыщите:
 „Въ кладезь чистыхъ поминаній,

„Иже есть у васъ, воззрите.
„Отъ плѣвня Вавилона
„Къ сей землѣ обѣтованной
„Вель съ собой народъ еврейскій
„Моисей, вождь богоданный.
„И въ трудахъ пути взрощали,
„Милость неба позабыли
„И Всевышняго безчинствомъ
„Наши предки прогнѣвили.
„И наслалъ Господь змій лютыхъ,
„Плоть людскую распиная,
„Въ навожденіи бѣсовскомъ
„Сихъ заблудшихъ вразумляя.
„Но воспрянулъ вождь могучій,
„Волей вышней вдохновенный:
„Бойся власти океанной
„Ты, Израиль помраченный,
„Отъ поганого лукавства
„Съ чистымъ сердцемъ отвернися,—
„Змію мѣдному, что нынѣ
„Водрузилъ я, поклонися!
„Симъ поклономъ исцѣлишься
„И животь примешь вѣчный,
„И времянь потокъ безгласный
„Кругъ свершить свой быстротечный!
„Образумился Израиль;
„Шель покорно къ Ханаану,
„Изъ ручьевъ питье приемя,
„Поѣдая съ неба манну“...
И, повысивъ голосъ, началъ
Фарисей другую повѣсть:
„Книжникъ, мытарь стародавній,

„Да взропаетъ ваша совѣсть!
„Мятежомъ земнымъ прельщаясь,
„Во грѣсѣхъ смердите нынѣ
„И умственности кромѣшной
„Обрѣтаетесь въ гордынѣ.
„Зрите убо: ты-ли, мытарь,
„День и ночь въ трудахъ согбенный,
„Сборовъ Кесарю податель,
„Суею суеть плѣненный.
„Ты-ли книжникъ, съ писъменами,
„Съ чудодѣйственнымъ ковчегомъ,
„Ты за мзду, а не за совѣсть
„Служишь грѣшнымъ человѣкамъ.
„Скорбноглавы калики,
„Уврачуйтесь, исцѣлитесь,
„И благой красѣ вселенной
„Въ умиленіи дивитесь.
„О, зѣло потребны духу
„Травъ и листьевъ колыханье,
„Благотѣше стогнъ лазурныхъ,
„Дерзновенныхъ волнъ возстанье.
„Вы отъ чрезъ себя подъемля,
„Животворною водою
„Духъ усталый окропите
„И прельщайтесь красотою.
„Вы орломъ расправьте крылья,
„Къ горнимъ высямъ возноситесь;
„Сердце ширя любованьемъ,
„Сердца благами дѣлитесь!“
Фарисей умолкъ въ волненьи.
Крякнулъ мытарь, книжникъ то-же
И сказалъ почтенный мытарь;

Опершись рукой на ложе:
 „Фарисее вольнодумный,
 „Мнѣ есть въ суетности сладость;
 „Нѣсть покоя въ воспареньи,—
 „Токмо временная сладость.
 „Азъ творю по градамъ сборы,
 „Умѣщаю вѣрнымъ счетомъ;
 „Обрѣту динарій сущій
 „Потаеннымъ изворотомъ,
 „Отъ лжебратій сторонюся,
 „Мужей алчныхъ возделвній
 „И согласье, устрою
 „Сихъ мытарскихъ поспѣшеній.
 „Безначаліе паскудно,
 „Паки мерзко нерадѣнье.
 „Фарисее, не глумися,—
 „Мнѣ потребно утруденье.
 „Славень,—истину глаголешь,—
 „Лѣтъ орла въ селеньяхъ вышнихъ,—
 „Въ жизни сей, мой сынъ, алекторъ
 „Пуще надобень для ближнихъ!“
 Книжникъ, споръ желая кончить,
 Такъ отвѣтилъ фарисею:
 „Азъ двумысліе рѣченій
 „По иному разумѣю.
 „Трудъ—проклятіе Адаму—
 „Есть благое исцѣленье,
 „Но воистину потребно
 „Къ горнимъ высямъ воспаренье.
 „Мира мірови взыскупа,
 „Всягъ мятется земнородный,
 „Суетъ земной подвластенъ

„И плѣнень мечтой залетной.
 „Въ сихъ смыслахъ, я мню, придетъ
 „Благодать неизрѣченна,
 „Аще равенство и братство
 „Въ насъ пребудутъ неизмѣнно;
 „Аще будемъ мы, какъ други,
 „Въ благахъ равны, благонравны
 „И въ трудахъ души и тѣла
 „Всеблагимъ подобемъ славны“.
 Фарисей, какъ вебрь, поднялся
 Съ дерзкимъ словомъ обличенья:
 „На уста твои-бы, книжникъ,
 „Наложить печать храненья!
 „Родъ людской, жестоковѣрный,
 „Мнишь подстричь, какъ шерсть у овна,
 „Мира бренными дарами
 „Надѣлать ты мнишь всѣхъ ровно.
 „Яко ты глаголешь, книжникъ,
 „Тако агнецъ малолѣтній
 „Блѣбеть въ долахъ у Едома!
 „Искушенный сею сплетней,
 „Сердце чисто оскверняешь
 „Лестью злчнаго богатства,
 „Будутъ многіе безъ оныхъ
 „Отъ сихъ равенства и братства.
 „Ты-ли, мытарь переходій,
 „Соглядатай правды сборовъ,
 „Ослѣпленному Самсону
 „Уподобился безъ споровъ.
 „Утруждаешь до измора,
 „Правишь ты свое кормило;
 „Какъ пучина огуетѣла

„И въ тебѣ восторговъ сила,
 „На хребетъ враговъ зловредныхъ
 „Присно ложишь ты десницу,—
 „Въ трудолюбьи, въ постоянствѣ
 „Обрѣтешь свою синицу!..
 „Памятуй-же, отче мытарь:
 „Потъ лица не вспоить душу,
 „И росой небесной, сладкой
 „Подобаеть жаждать мужу!
 „Да прогнѣвлю мудрованьемъ,
 „Изведу къ себѣ азъ милость;
 „Нѣкимъ аспидомъ ехиднымъ
 „Уязвлю я вашу хилость.
 „Нѣсть возврата намъ отъ смерти,
 „Жизнь есть тѣни прохожденье...
 „Смутой духъ свой испытуя,
 „Обрѣтете награжденье.
 „Нынѣ трепетомъ великимъ
 „Безъ лукавства вострепещите,
 „Сдвигъ души къ красѣ, къ блаженству
 „Злымъ велѣньемъ не мертвите.
 „Да не пройдетъ смертныхъ мимо
 „Цвѣтъ весенній краткой жизни!
 „Вы сведите въ гробъ съ печалью
 „Лицебѣрныхъ укоризны.
 „Да надъ тлѣнія гробницей
 „Въ мракѣ суетныхъ скитаній
 „Заблестятъ лучи свободы,
 „Сердца чистыхъ упованій.
 „И въ душѣ тогда польются,
 „Какъ съ ливана ароматы,
 „Расцвѣтетъ нарциссъ Саронскій

„И шафраны, и гранаты“!..
 „Смолкни, дьяволь—искуситель!“
 Возопил вдругъ мытарь въ гнѣвъ;
 „Чую крови волнованье
 „И тоску во брennomъ чревѣ.
 „Ты трубой Иерихонской
 „Наставленья изрекаешь,
 „Ковы тяжкія сомнѣнья
 „На мирянь ты налагаешь!“
 „Вонми, мытарь, не гнѣвися,
 Фарисей спокойно молвилъ:
 „Памятуй Давида кротость,
 „Бо тебѣ она прилична.
 „Волнованье крови—благо,
 „Аспидъ кровь твою не сглохнетъ;
 „Яко прудъ въ недвижной тинѣ
 „Засмердѣть она не можетъ“.
 Фарисей и мытарь смолкли
 Слову книжника внимали:
 „Фарисею неподобно,
 „Азь язычествую вмагѣ.
 „Во грѣбѣхъ роди мя мати
 „И прельщенъ азь грѣшный нынѣ.
 „Не стыжусь повѣдать нѣчто
 „Токмо вамъ и въ сей пустынѣ.
 „Мѣдный змій спасаль огь козней,
 „Фарисей намъ рекъ во притчѣ;
 „Отъ волхвовъ слыхаль про змія,
 „Въ благолѣпнѣйшемъ обличьи,
 „Ухо слушаньемъ насытя,
 „Въ виноградникахъ Энгедя
 „Тамо змія зрѣль азь, братья.

„Змій зеленый, полный свѣта;
 „Онъ движется въ воздухѣхъ
 „И печали пожираетъ;
 „Сладкій огонь вдуваетъ въ жилы,
 „Душу живу восхищаетъ.
 „На крылахъ своихъ безшумныхъ
 „Змій зеленый возлетаетъ,
 „Отъ земли и къ райскимъ стогнамъ
 „Всѣхъ съ кѣмъ друженъ возношаетъ.
 И тогда одушевился
 Мытарь къ истинѣ ревнивый:
 „О, сколь много есть подь солнцемъ
 „Тоя мудрости неживой!
 „Мудрыхъ слово, изреченно
 „Во спокойствьи дружелюбномъ,
 „Паки къ слушанью угодно,
 „Неже въ гнѣвѣ преступномъ
 „Властелина крикъ громовой.
 „Како къ змію обратиться
 „Ты повѣдай, книжникъ вѣщій,
 „Како вкупѣ некуситься?
 „Приумножу радость духа
 „Въ сихъ спасительныхъ бесѣдахъ,
 „Ублажу свои сѣдины,—
 „Старость честная не въ лѣтахъ!“
 — „Въ виноградномъ сокѣ сладкомъ
 „Тотъ тaitся змій зеленый“.
 Отвѣчалъ, вставая, книжникъ,
 Похвалою вдохновенный.
 „Не судите, отче мытарь,
 „Фарисее дерзновенный!
 „Имамъ азъ тотъ сокъ въ сосудѣ

„Солнцем жаркимъ не сожженный,
 „Я сокрыль его въ хитонѣ,
 „Дабы не былъ на примѣтѣ“...
 И сказалъ почтенный мытарь:
 „Како, людие, мыслете,
 „Возьмемъ тотъ сокъ чудесный
 „И добромъ волхвовъ помянемъ.
 „Твердѣ-ли, книжникъ, въ упованьи,
 „Да на змя всѣ мы глянemъ?“
 „Вѣрно, отче, мы до ночи
 „Сопрягохомся со змиемъ.
 „Сей сосудъ приемля съ миромъ,
 „Мы за здравіе воспіемъ!“
 И беря сосудъ тотъ, мытарь
 Молвилъ нѣжно: „Оросимся
 „И межъ зелени древесной
 „Вкупѣ мы возвеселимся!“
 Выпилъ мытарь, выпилъ книжникъ,
 Фарисей глотнулъ съ избыткомъ.
 Трое мужей іудейскихъ
 Ублажилсъ тѣмъ напиткомъ.
 Поводилъ глазами мытарь,
 Смѣхомъ книжникъ заливался,
 Фарисей, возжегши ладанъ,
 Въ изрѣченьяхъ растекался.
 „Есть въ странѣ Амаликитянъ
 „Дѣвы краше лилій чистыхъ
 „И стройнѣе пальмъ Хеврона
 „И вкуснѣе малинъ душистыхъ“...
 Началь книжникъ съ восхищеньемъ.
 „Уклони отъ мене очи,
 „Супостатъ неизрѣченный!

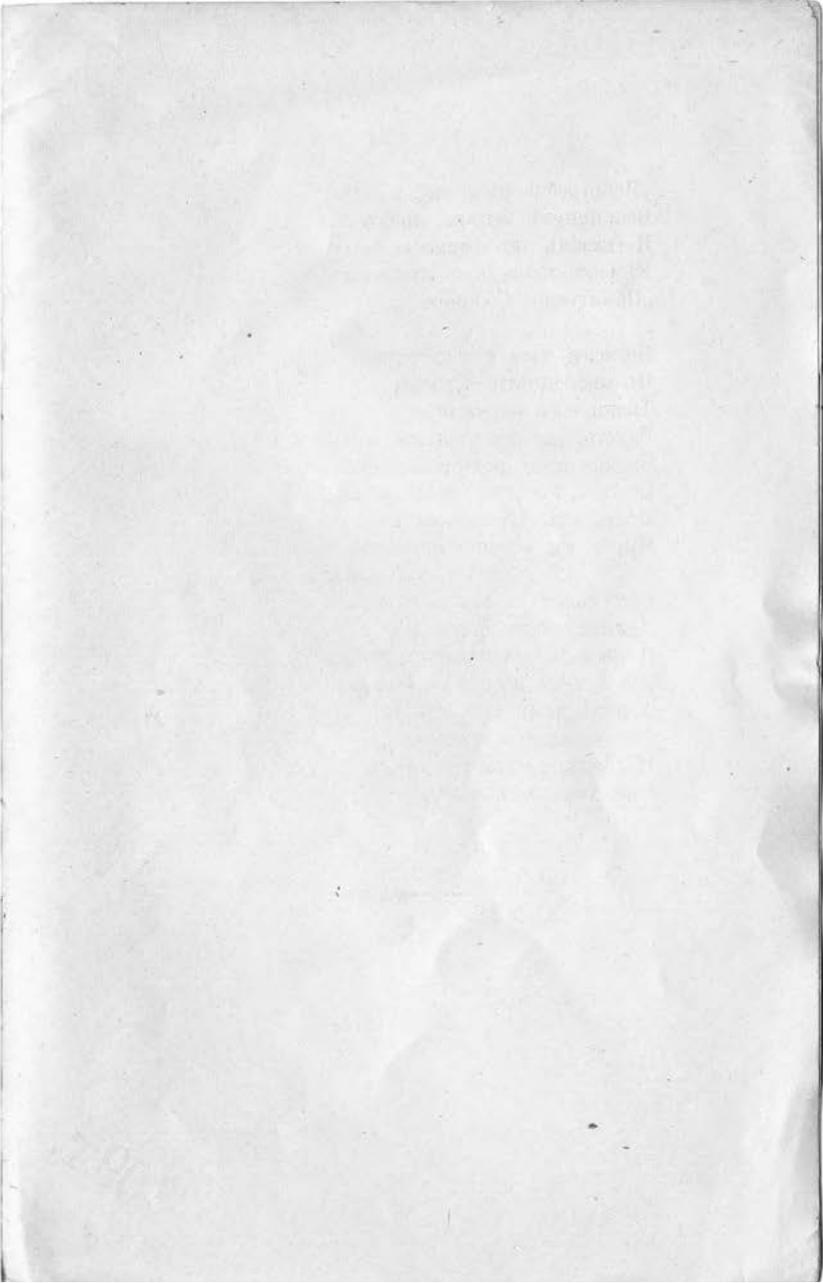
„Непотребна рѣчь та къ ночи!“
 Вскрикнулъ мытарь, приосанясь,
 И сказалъ онъ фарисею,
 Въ бокъ толкнувши незамѣтно:
 „Памятуешь Соломею?“...

. . . . .
 Погасать ужъ стало солнце,
 Въ многоцвѣтные узоры
 Ткани неба наряжая,
 Грустно звѣздъ мерцали взоры.
 Звонче пѣлъ родникъ—скиталець,
 Пѣлъ о томъ, что такъ далеко,
 И ласкалъ благоуханаемъ
 Миртъ расцвѣтшій одиноко.

. . . . .
 Весь сосудъ испивъ, напрасно
 Змѣя путники прождали
 И сномъ праведнымъ уснувши,
 Все о немъ во снѣ мечтали.
 А надъ ними тихо вѣялъ
 Онъ зелеными крылами
 И глядѣлъ отваги полный,
 Смертоносными очами.

Рен

27221

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	3
А.П. Чехов и В.С. Долгоруков (подборка материалов)	5
Жилякова Н.В. Издательская деятельность	
В.А. Долгорукова	8
Рецензии на произведения В.А. Долгорукова	25
Крутовский Вс. М. От изданий В.А. Долгорукова до «Утра Сибири»	33
Яковенко А.В. Отдел «Библиография» журнала «Сибирский наблюдатель» (1901–1906): к истории критической библиографии и рецензирования в Сибири.	37
Костин В.М., Яковенко А.В. В.А. Долгоруков: материалы к биографии	42
Некрологи В.А. Долгорукова	71
Всеволод Алексеевич Долгоруков (библиографические материалы)	73
Произведения В.А. Долгорукова (стихи, проза, публицистика, рецензии).	107
<i>Стихотворения</i>	107
<i>Рассказы</i>	150
<i>Публицистика</i>	166
<i>Рецензии</i>	191
Театральные рецензии	191
Рецензии на книги	207
Приложение: Северянин. Восточные сказанья	213

Областное государственное автономное учреждение культуры
Томская областная универсальная научная библиотека
имени Александра Сергеевича Пушкина

Всеволод Алексеевич Долгоруков
сборник материалов

Научное издание

Составители:

В.М. Костин, А.В. Яковенко

Редактор:

С.С. Быкова

Верстка:

И.А. Аржановская

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».
г. Томск, Иркутский проезд, 11а. Тел. 65-00-13.
Подписано в печать: 25.12.2013 г. Заказ № 6072.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15. Тираж 100 экз.